

ВЛАДИМИР НЕКРАСОВ

Тринадцать «железных» наркомов

ВЛАДИМИР НЕКРАСОВ

ТРИНАДЦАТЬ «ЖЕЛЕЗНЫХ» НАРКОМОВ

ИСТОРИЯ НКВД — МВД
ОТ А. И. РЫКОВА
ДО Н. А. ЩЕЛОКОВА
1917—1982

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕРСТЫ»
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИРМА «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
1995

**ББК 84 Р7
Н 48**

Текст публикуется в авторской редакции

Художник Р. С. Табачников

Некрасов В. Ф.

Н 48

Тринадцать «железных» наркомов: Художественно-документальное повествование/вступ. ст. В. Сорокина.— М.:Версты, Государственная фирма Полиграфресурсы, 1995.— 416 с., илл.

ISBN 5-87548-068-8

История такого важного министерства как МВТ — это не просто текст, написанный на бумаге. Это судьбы людей, работавших в разное время в этих органах, а также миллионов законно и незаконно осужденных, содержавшихся в тюрьмах, лагерях и колониях, ссылке и поселенцев, военнопленных и интернированных, взрослых и несовершеннолетних. Кто же, когда и как руководил этим наркоматом, а затем министерством за 65 послеоктябрьских лет (1917—1982 гг.), какими были эти люди на государственной службе и в быту, как сложилась и закончилась их жизнь? Ответы на эти и другие вопросы можно получить, прочитав помещенные в книге документальные очерки.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**Издание выпущено в счет дотации, выделенной
Комитетом РФ по печати.**

Н $\frac{4702010201-001}{8Е5(03)-95}$ без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5-87548-068-8

© Издательство «Версты»
Государственная фирма «Полиграфресурсы»

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Жизненные дороги привели в 1950 году Владимира Филипповича Некрасова из саратовской деревни в Казанское военно-политическое училище войск МВД СССР, которое располагалось в городе Елабуге — прекрасном уголке российской земли. В этом училище он стал курсантом, а после его окончания с отличием — здесь же был комсомольским работником.

С того времени вот скоро уже 45 лет служит и работает он в МВД, одном из силовых ведомств страны, как говорят ныне. Много дорог пройдено за это время в прямом и переносном смысле. Один из больших пластов жизни — весьма ответственная служба в различных частях внутренних войск, охраняющих особо важные объекты для обороноспособности страны. Люди и пейзажи Татарии, Латвии, Удмуртии, Урала, Пензы, где довелось 16 лет служить и кочевать вместе с семьей, и ныне глубоко в душе и памяти.

Заочно окончен педагогический институт. Но чтобы его осилить, пришлось из-за довольно частых переводов по службе завершать первый курс в Елабужском пединституте, второй — в Рижском, третий — в Саратовском, а сдавать госэкзамены и получать диплом учителя уже в Глазовском государственном педагогическом институте имени В.Г. Короленко Удмуртской АССР. Вот такая получилась длинная песня.

Одним из самых светлых, хотя тоже и трудных, стал четырехлетний период учебы на общевоинском

факультете Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Здесь по выпуску получена золотая медаль, а в последующие годы защищены кандидатская и докторская диссертации по проблемам строительства и деятельности войск ВЧК—ОГПУ—НКВД—МВД за 65 лет их развития. Позднее эту же прославленную Академию закончит и сын, но у него своя дорога — пограничные войска.

После окончания Академии служба у Владимира Филипповича пошла несколько нестандартно. Продолжая оставаться в кадрах МВД СССР, он в 1970—1976 годах работает инструктором Отдела административных органов ЦК КПСС, а в 1976—1983 годах — заместителем заведующего Отделом военных и административных органов Комитета народного контроля СССР. Круг дел расширился, появилась возможность больше видеть, анализировать и обобщать. За все годы по разным делам довелось побывать в 50 республиках, краях и областях страны, в некоторых зарубежных странах.

Потом снова войска и интересная для исследователя работа с документами в роли начальника Центрального архива внутренних войск МВД СССР.

С 1986 года генерал-майор В.Ф. Некрасов работает в ведущем учебном заведении Министерства — ордена Трудового Красного Знамени Академии МВД. Пять лет он являлся заместителем начальника Академии, возглавляя факультет по подготовке сотрудников органов внутренних дел для зарубежных стран.

Ныне доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник МВД, генерал-майор в отставке В.Ф. Некрасов работает профессором кафедры той же Академии. Им создано около 90 научных работ, в том числе написано и составлено 15 книг. Последняя из них — «Берия: конец карьеры» — вышла в Политиздате в 1991 году, переведена на немецкий язык и издана в Германии в 1992 году.

Несколько лет назад появилась мысль создать книгу о тех, кто руководил все послеоктябрьские годы таким судьбоносным органом страны, как НКВД — МВД Союза и России. Их оказалось немало. Нынешний министр внутренних дел Российской Федерации, Герой России, генерал армии В.Ф. Ерин является двадцать

первым. А всего за XIX — XX века в роли министров внутренних дел России (Союза) побывало 58 человек.

Со многими из министров автору довелось встречаться лично при различных обстоятельствах. Берию, правда, повидать не удалось, но кроссы имени Лаврентия Павловича Некрасов бегал много раз, т. к. в те годы редкий выходной курсантский день обходился без этих именных кроссов.

Министр В.С. Тикунов на заседании коллегии в 1963 году утверждал майора В.Ф. Некрасова начальником политотдела отдельного полка спецчастей внутренних войск центрального подчинения. Особенно много встреч было с Н.А. Щелоковым, который руководил министерством рекордно продолжительное время — 16 лет. На тридцати заседаниях Коллегии МВД СССР довелось побывать В.Ф. Некрасову за эти годы. Министру В.В. Федорчуку несколько раз предоставлялись для реализации материалы проверок, проведенных Комитетом народного контроля СССР. Министрам А.В. Власову, В.В. Бакатину, Б.К. Пуго, В.П. Баранникову, В.П. Трушину генерал В.Ф. Некрасов неоднократно докладывает различные вопросы как заместитель начальника Академии МВД.

Длительное изучение архивных документов НКВД — МВД; переписка министров с первыми руководителями страны — И.В. Сталиным, Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым; материалы уголовных дел на Л.П. Берию и Н.А. Щелокова; встречи и переписка с многочисленными людьми, знавшими министров, в том числе родственниками А.И. Рыкова, А.Г. Белобородова, В.Н. Толмачева, Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова, С.Н. Круглова, Н.П. Дудорова, Н.П. Стаханова, В.С. Тикунова, Н.А. Щелокова; изучение изданной литературы в нашей стране и за рубежом по данной проблеме дали основание написать предлагаемую читателю книгу о первых тринадцати «железных» наркомх (министрах), которые уже ушли из жизни (1917—1982 гг.). Все очерки этой книги печатались в журнале «Советская милиция» и газете МВД «Щит и меч».

Книга была подготовлена к изданию в 1990 году, набрана в типографии, но из-за сложной общей обстановки в стране ее выход задержался на пять лет.

В настоящее время Владимир Филиппович работает

над второй книгой очерков. Он обратился с просьбой в МВД представить для изучения основополагающие документы Министерства за 1982—1991 годы, чтобы довести повествование до наших непростых дней как для страны в целом, так и для МВД и его руководителей. Теперь уже речь будет идти о всех последующих министрах, исключая действующего.

Будем верить в успех задуманного и надеяться со временем прочесть и вторую книгу.

В заключение отметим, что В.Ф. Некрасов является книголюбом и поклонником творчества своего великого однофамильца — Н.А. Некрасова. Владимир Филиппович собрал о поэте более 300 книг, которые были показаны на персональной выставке в Москве в 1992 году. Среди них немало прижизненных. Подготовлен и издан в виде миниатюрной книги каталог его некрасовской библиотеки.

Как большой энтузиаст В.Ф. Некрасов включен в состав Некрасовского комитета Союза писателей России и активно работает в нем.

Владыки! Вам венец и трон
 Дает закон — а не природа;
 Стоите выше вы народа,
 Но вечный выше вас Закон.

А. С. Пушкин

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В дореволюционной России пост министра внутренних дел, равно как и само такое министерство, были учреждены в 1802 году. До Октября 1917 года на этом посту побывало 37 человек. Люди самые разные. От В. П. Кочубея, А. Б. Куракина, О. П. Козодавлева до П. А. Столыпина, Н. А. Маклакова и последнего министра внутренних дел царской России А. Д. Протопопова, который находился у власти с 16 сентября 1916 г. до 28 февраля 1917 г.¹

После Октябрьской революции в РСФСР, СССР и РФ были назначены 21 нарком (министр) внутренних дел, из них 14 ушли из жизни. Вот их имена, годы работы и даты жизни.

СПИСОК

наркомов (министров) внутренних дел РСФСР—СССР—РФ
 в хронологическом порядке

Фамилия, имя, отчество	Время нахождения в должности	Даты жизни	Примечание
------------------------	------------------------------	------------	------------

НКВД РСФСР

Рыков Алексей Иванович	8—17 ноября 1917 г.	1881—1938	осужден, расстрелян, реабилитирован
Петровский Григорий Иванович	1917—1919 гг.	1878—1958	умер
Держжинский Феликс Эдмундович	1919—1923 гг.	1877—1926	умер
Белобородов Александр Георгиевич	1923—1927 гг.	1891—1938	осужден, расстрелян, реабилитирован

¹ См.: Борисов А. Руководители карательных органов дореволюционной России. Вып. 1. М., 1979.

Фамилия, имя, отчество	Время нахождения в должности	Даты жизни	Примечание
Толмачев Владимир Николаевич	1928—1930 гг.	1886—1937	осужден, расстрелян, реабилитирован

1930—1934—НКВД не было

НКВД (МВД) СССР

Ягода	1934—1936 гг.	1891—1938	осужден,
Генрих Григорьевич			расстрелян
Ежов	1936—1938 гг.	1895—1940	осужден,
Николай Иванович			расстрелян
Берия	1938—1945 гг.,	1899—1953	осужден,
Лаврентий Павлович	15 марта—		расстрелян
	26 июня 1953 г.		
Крутов	1945—1953 гг.	1907—1977	умер
Сергей Никифорович	1953—1956 гг.		
Дудоров	1956—1960 гг.	1906—1977	умер
Николай Павлович			

1960—1966—МВД СССР не было

МВД (МООН) РСФСР

Стаханов	1955—1961 гг.	1901—1977	умер
Николай Павлович			
Тикунов	1961—1966 гг.	1921—1980	умер
Вадим Степанович			

МООН (МВД) СССР

Щелоков	1966—1982 гг.	1910—1984	застрелился
Николай Анисимович			
Федорчук	1982—1986 гг.	род. в	
Виталий Васильевич		1918 году	
Власов	1986—1988 гг.	род. в	
Александр Владимирович		1932 году	
Бакагин	1988—1990 гг.	род. в	
Вадим Викторович		1937 году	
Путо	1990—август	1937—1991	застрелился
Борис Карлович	1991 гг.		
Баранников	август—	род. в	
Виктор Павлович	декабрь 1991 г.	1940 году	

Фамилия, имя, отчество	Время нахождения в должности	Даты жизни	Примечание
------------------------	------------------------------------	---------------	------------

МВД РСФСР, РФ

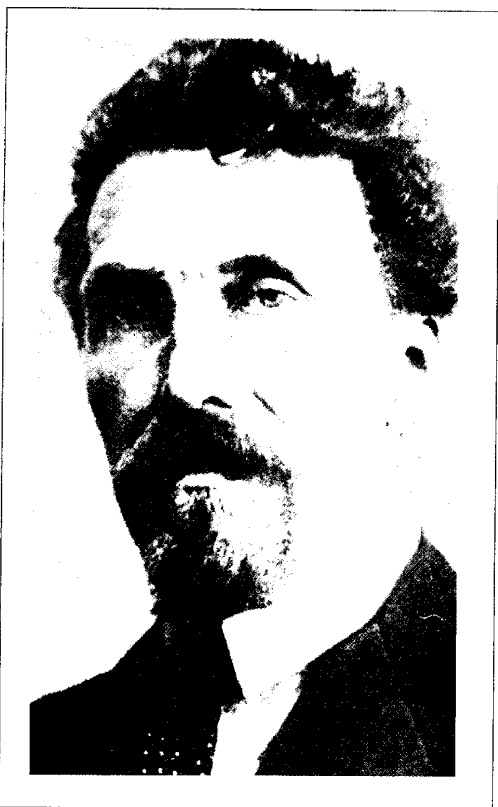
Трушин	1989—1990 гг.	род. в	
Василий Петрович		1934 году	
Баранников	1990—	род. в	
Виктор Павлович	август 1991 гг.	1940 году	
Дунаев	сентябрь—	род. в	
Андрей Федорович	декабрь 1991 гг.	1939 году	
Ерин	январь 1992—	род. в	
Виктор Федорович	н/время	1944 г.	

Во многих из опубликованных к настоящему времени произведений в серии политических портретов речь шла или о первом эшелоне руководителей страны, или об их ближайшем окружении. Нами предпринимается попытка начать новый срез этой же проблемы и написать о первом слое руководителей после верхних эшелонов — о наркомах (министрах), но не разрозненно, как это уже было, а последовательно обо всех руководителях одного из важнейших ведомств страны — НКВД (МВД). Одни из них крупные личности, другие — помельче, третьи — авантюристы, но рассмотрение их дает возможность проследить тенденции за 65 лет, обозначить что-то общее, а также особенное.

1

Рыков. Алексей Иванович

8 — 17 ноября 1917 г.

*Ленин
и Рыков.
Девять дней
на посту
наркома
внутренних
дел РСФСР.
Постановления
об организации
рабочей
милиции
и передаче
жилищ
в ведение
городов.
Уход с поста
наркома.
Председатель
СНК СССР.
Правый
уклон.
Суд.
Расстрел.
Реабилитация.
Судьба семьи.*

1881—1938

После революции России требовалось новое правительство. Его состав 8 ноября 1917 г. утверждает II съезд Советов.

Пост наркома внутренних дел В. И. Ленин сначала предложил занять Л. Д. Троцкому, но он от этого предложения отказался. Троцкий считал, что «нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам... будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея»¹.

В последующем Троцкий также решительно отказывался и при назначении его на посты наркома иностранных дел и наркома по военным и морским делам. «Вспомните,— говорил он,— как сильно мешало в острые моменты, во время наступления Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей... Я никогда этого не забывал. Владимир Ильич считал это моим пунктиком и не раз так и говорил в беседах со мной и с другими товарищами как о моем пунктике. И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсовнаркома (единоличным замом) и я решительно отказывался из тех же соображений (такое предложение Ленин делал в апреле и сентябре 1922 года. — В.Н.), чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей».²

Тогда занять должность наркома внутренних дел было предложено А. И. Рыкову. В решении II съезда Советов следом за предсовнаркома В. И. Лениным идет

¹ Из речи Л.Д. Троцкого на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября 1923 года. См. Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 36, а также В. Роговин. А была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М, Терра, 1992, с. 43.

² Там же.

Алексей Иванович Рыков как народный комиссар по внутренним делам. Так была названа должность.

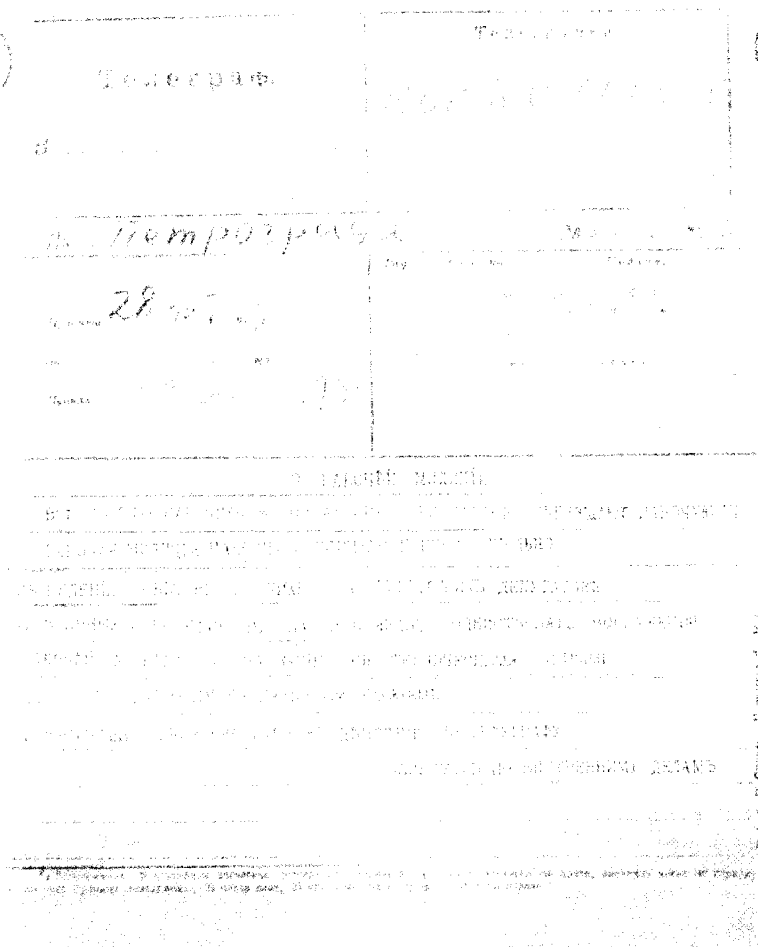
Таким образом, первым наркомвнуделом стал А. И. Рыков. Отметить это представляется принципиально важным, так как за долгие годы умалчивания данный факт как бы ушел из истории НКВД — МВД, о нем не говорилось в работах по истории органов внутренних дел, изданных после 30-х годов. Ныне пришло время сказать всю историческую правду. Поэтому задуманную серию очерков о наркомах (министрах) внутренних дел мы по праву начинаем именно с него.

Почему А. И. Рыков, а не кто-либо другой, был назначен первым руководителем НКВД Российской Республики?

Ныне какие-то детали за давностью времени могут быть нам и не известны. Одно несомненно: Ленин рассчитывал на него и доверял ему. О его близости к Ленину свидетельствует то обстоятельство, что из 55 томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина упоминания о А. И. Рыкове содержатся в 20 томах, причем во многих из них многократно. В «Биографической хронике» Ленина Алексею Ивановичу также посвящено немало страниц.

Кстати, это навело на мысль просмотреть с данных позиций книги И.В. Сталина. Текстуальный анализ его «Краткой биографии», которая, по некоторым данным, отредактирована им самим, приводит к весьма любопытной арифметике. Всего в биографии Сталина различные фамилии упоминаются примерно тысячу раз, из них Сталин — 781, Ленин — 184, Маркс и Энгельс — 4 (обратите внимание — всего 4 раза!), Рыков и Бухарин — тоже по 4, Троцкий — 10, Берия — 2 раза и т. д. Общий пофамильный итог таков: 80% — Сталин, 20% — все остальные. Но это к слову. Обратимся, однако, к А. И. Рыкову.

Я долго и почти безуспешно пытался отыскать в архивах документы по Народному комиссариату внутренних дел Советской России, подписанные А. И. Рыковым. Это и неудивительно. Коллегию НКВД еще предстояло создать, а первое ее заседание состоится лишь 4 декабря 1917 г., уже без Алексея Ивановича. Таким образом, разработанных и подписанных им

Телеграмма Наркомата по внутренним делам
об учреждении Рабочей Милиции. 1917 год.

документов или не существует вообще, или они затерялись в недрах архивов, и последующим исследователям их предстоит найти.

Но есть два интереснейших основополагающих документа о деятельности НКВД, которые А. И. Рыков успел разработать и подписать.

Первый из них касался создания рабочей милиции, так как одна из важных задач, которая встала перед

молодой Советской властью, — обеспечить порядок в стране.

Как свидетельствует «Биографическая хроника», 9 или 10 ноября 1917 г. В. И. Ленин беседует с А. И. Рыковым о проекте декрета «О рабочей милиции»¹. Видимо, Ленин посоветовал на первый раз издать данный документ не как правительственный, а как ведомственный. Поэтому подписывает А. И. Рыков уже не декрет, а постановление НКВД, хотя в тексте оно все равно грозно именуется законом. Вот это постановление:

«Постановление НКВД
об организации рабочей милиции»²

Петроград 28 октября (10 ноября) 1917 г.

1. Все Советы Рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Советов Рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции.

4. Настоящий Закон вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам
А. И. Рыков».

Вот так, ни больше, ни меньше. Только закон и только по телеграфу!

Таким образом, рождению теперь уже традиционного праздника — Дня милиции, который ежегодно отмечается 10 ноября, мы обязаны Алексею Ивановичу Рыкову.

Ведению НКВД, наряду с другими задачами, подлежали и вопросы коммунального хозяйства. Обеспечить трудовой народ жилищем — одна из целей революции. Поэтому совершенно правомерным среди первоочередных актов явилась разработка постановления и по данной проблеме.

30 октября 1917 г. в газете был опубликован такой документ:

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М. Т. 5. С. 9.

² СУ. 1917. № 1. Отд. 1. Ст. 15.

«О передаче жилищ в ведение городов

1. Городские самоуправления имеют право секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья.

2. Городские самоуправления имеют право на основании утверждаемых ими правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах.

3. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищную инспекцию, определять круг ее ведения и устройство.

4. Городские самоуправления имеют право издавать обязательные постановления об учреждении домовых комитетов, об их устройстве и круге ведения и о предоставлении им прав юридического лица.

5. Городские самоуправления имеют право учреждать жилищные суды, определять круг их ведения, устройство и полномочия.

6. Настоящее постановление вводится в действие по телеграфу.

Народный комиссар по внутренним делам

А. И. Рыков¹».

Вот пока и все, что удалось отыскать о деятельности Алексея Ивановича на посту руководителя НКВД, так как наркомом ему довелось быть всего 9 дней. Дело в том, что Рыков вместе с Каменевым, Зиновьевым и другими настаивал на создании коалиционного правительства, считая, что без привлечения в состав правительства меньшевиков и эсеров Советская власть погибнет. ЦК РСДРП(б) осудил такую позицию и потребовал прекратить дезорганизаторскую деятельность в трудных условиях первых дней революции. В ответ на это Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин заявили о своем выходе из ЦК, а последние трое и из состава Совнаркома. Центральный Комитет партии, В. И. Ленин решительно осудили этот поступок, расценив его как дезертирство. Конечно, шаг этот был импульсивным, как и некоторые другие действия Алексея Ивановича. Позднее он осудит свой поступок.

¹ СУ. 1917 — 1918 гг. (№ 1 — 24). М., 1919. С. 15.

В начале 1988 года в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, тогда еще в спецхране, мне довелось познакомиться со статьями и речами А. И. Рыкова, которые были задуманы и объявлены в четырех томах, но вышло, видимо, лишь три. Ныне они уже не в спецхране, а на открытых полках библиотеки, и каждый желающий может с ними познакомиться. Касаясь непосредственно октябрьских событий и этого этапа своей жизни в статье «Новая дискуссия», Алексей Иванович пишет следующее:

«Свою атаку против идеологии большевизма т. Троцкий повел, опираясь на ошибку, сделанную рядом товарищей, в том числе и мною, во время октябрьских событий. Наша ошибка заключалась в том, что мы недостаточно быстро повернулись от вчерашнего дня большевистской партии к ее завтрашнему дню. Эту ошибку можно и нужно исправлять, нашу деятельность в это время можно и нужно критиковать, но было бы совершенно чудовишно допустить, что ошибка отдельных большевиков внутри большевистской партии может явиться достаточным основанием для поворота от большевизма к троцкизму. А именно для этого т. Троцкий и хочет использовать нашу ошибку. Если я и другие товарищи выступаем в настоящей полемике против т. Троцкого, то вовсе не для того, чтобы загладить нашу ошибку в период Октября, а для того, чтобы не дать возможности ее увеличить попытками пересмотра принципиальных основ ленинизма»¹.

На этом, собственно, можно было бы и заканчивать, девять дней есть девять дней. Однако последующая судьба Алексея Ивановича и его семьи оказалась жестко связанной с тем наркоматом, у истоков которого он стоял. Поэтому наш рассказ придется продолжить.

Будучи зампредом Совнаркома при жизни В.И. Ленина, а затем до 1930 года и главой правительства СССР, Рыков непосредственно направлял деятельность НКВД. Потом, в 1937 — 1938 гг., как и многие другие, стал его жертвой. Маховик НКВД, раскрученный преемниками Алексея Ивановича, Ягодой и Ежовым, под неусыпным оком Сталина, перемалывал все.

Дело в том, что А. И. Рыков наряду с Н. И. Бухариным, М. П. Томским и другими выступил против отхода

¹ Рыков А.И. Статьи и речи. Т. 3. М.— Л., 1929. С. 382.

Сталина от ленинского учения по крестьянскому вопросу, по вопросу о кооперации, против насаждения командно-административной системы в руководстве страной и стремления к единоличной власти. В руководящих партийных органах во главе со Сталиным это получило оценку правого уклона. Против Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова началось гонение в различных формах. На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Рыкова и Бухарина исключили из рядов партии, сразу же арестовали, а через год по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстреляли.

Рассмотрим некоторые из этих трагических обстоятельств. Вот что пишет американский историк Стивен Козн в книге «Николай Бухарин: страницы жизни» о февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) и начале судебного процесса:

«...Пленум ЦК был созван 23 февраля 1937 года... На пленуме Бухарин прочел гневное эмоциональное заявление от своего имени и от имени Рыкова. Согласно ходившему по Москве изложению, большая часть которого подтверждается другими источниками, Бухарин согласился с тем, что «чудовищный заговор» существует, только возглавляет его Сталин и Ежов, стремящиеся к установлению личной диктатуры, основанной на полицейской власти «над партией и страной»...

Когда он потребовал расследования действий НКВД, Сталин бросил: «Ну вот мы тебя туда пошлем, ты и посмотришь»...

Комиссия сообщила свое заключение на заседании, состоявшемся 27 февраля: «Арестовать, судить, расстрелять». Оно было утверждено большинством ЦК, 70% которого сами погибли в ближайшие месяцы. Бухарина и Рыкова арестовали на месте и отвезли на Лубянку. Тринадцать месяцев спустя они появились в качестве главных обвиняемых на последнем и важнейшем из московских показательных процессов...

...Суд начался 2 марта 1938 года в изысканно убранном Октябрьском зале Дома Союзов в присутствии состоявшего из трех человек трибунала Военной коллегии Верховного Суда. На нем опять заправляли в качестве председательствующего и прокурора одиозные юридические оформители сталинского террора В.В. Ульрих и Вышинский. Кроме Бухарина и Рыкова на

скамье подсудимых сидели 19 обвиняемых, в том числе смещенный глава органов безопасности Ягода, видные большевики и бывшие троцкисты Николай Крестинский и Христиан Раковский, пять наркомов и «капитанов» индустрии, не замешанных ни в каких оппозициях, и трое руководителей республиканского и государственного масштабов. Остальные к политическим фигурам не относились и якобы служили орудием главных заговорщиков: агроном, профсоюзный работник, служивший ранее в Берлине, личные секретари Ягоды и покойных Горького и Куйбышева, а также три престарелых кремлевских доктора. Показания их были вырваны под пыткой и подогнаны под совершенно фантастическое обвинительное заключение...»¹.

Теперь уже трудно сказать, где правда, а где слова, вырванные под пыткой. Но вот выдержки из отчета о судебном заседании по делу правого уклона.

«Вышинский. Мы разобрали часть ваших преступлений. Закончили мы примерно 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщического типа организаций и применением самых острых методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана,— это подготовка «дворцового переворота». ...Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана является Енукидзе... Большую роль играл Ягода, который возглавлял ГПУ (далее называются фамилии Петерсона, Горбачева, Егорова (начальника Кремлевской школы), Тухачевского, Уборевича, Корка).

...Был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот переворот во время XVII партсъезда, когда соберутся все ответственные работники и одновременно с виднейшими членами правительства можно будет подвергнуть аресту тех виднейших работников республик и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту... Но этот план был отвергнут... Главнейшей причиной тут являлось то, что положение в стране не делало ни в какой степени вероятным какой-нибудь успех»².

И далее.

¹ За рубежом. 1988, № 16. С. 19.

² Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». М., 1938. С. 163–164.

«Председательствующий. Подсудимый Рыков имеет последнее слово.

Рыков. В своем последнем слове я подтверждаю то признание в своих чудовищных преступлениях, которое я сделал на судебном следствии. Я изменил родине. Эта измена выразилась в сношениях с заклятыми врагами Советов, в ставке на поражение. В своей борьбе «правотроцкистский блок» использовал весь арсенал всех средств борьбы, которые когда-либо применялись заговорщическими организациями.

Я был не второстепенное лицо во всей этой контрреволюционной организации.

Мы подготовляли государственный переворот, организовывали кулацкие восстания и террористические ячейки, применяли террор как метод борьбы...

...Когда мы обсуждали вопрос о терроре, мы рассуждали террор как средство нанести удар по наиболее ответственному и наиболее мощному звену в партии. Когда мы говорили об этом, перед нами всегда маячили такие имена, как: Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович. В связи с этим ту ответственность, которая на нас падает за убийство Менжинского, Куйбышева, Максима Пешкова и Горького — убийство, соответствующее установке нашей организации на террор в системе средств нашей борьбы с партией,— это я, безусловно, должен и обязан принять и для этого я поработал не меньше, чем какой-нибудь другой член контрреволюционной организации.

...Я еще хочу сказать несколько слов о Бухарине. Государственный обвинитель сделал упрек в том, что я выгораживаю своего друга. Государственный обвинитель был совершенно прав, называя Бухарина моим другом, потому что я с Бухариным был действительно очень близок. Но я хотел бы сказать, что неправильна, разумеется, ссылка Бухарина на какое-то разделение труда. Он говорит, что нес дополнительную нагрузку как литератор. Он ни в коем случае ни в чем не был меньше активен, чем любой из нас. Я мог бы назвать одну область, в которой ему, мне кажется, принадлежала инициатива и ведущая роль с самого начала, — это сколачивание блока. Она у Бухарина вытекала из того, что еще в период борьбы с Троцким он занимал специфическую позицию и говорил о том, что им нужно

сживаться, борясь. Это типичный бухаринский словеснологический курбет, но который означал его желание сохранить Троцкого. С самого начала организации блока Бухарину принадлежала вся активность и в некоторых случаях он ставил меня перед совершившимся фактом. Я, конечно, не хочу снимать с себя ответственности в создании блока. Я принадлежу к достаточно взрослым людям, чтобы мог ссылаться на то, что меня Бухарин вел в ту или другую сторону, но инициатива и наиболее активная роль в этом отношении, безусловно, принадлежала Бухарину.

Это приблизительно все, что я хотел сказать в своем последнем слове. Может быть, я живу уже последние дни, и, может быть, мое последнее слово является последним в буквальном смысле».

...Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1. Бухарина Николая Ивановича,
2. Рыкова Алексея Ивановича,
3. Ягоду Генриха Григорьевича,
4. Крестинского Николая Николаевича,
5. Розенгольца Аркадия Павловича,
6. Иванова Владимира Ивановича,
7. Чернова Михаила Александровича,
8. Гринько Григория Федоровича,
9. Зеленского Исаака Абрамовича,
10. Икрамова Акмаля,
11. Ходжаева Файзуллу,
12. Шаранговича Василия Фомича,
13. Зубарева Прокопия Тимофеевича,
14. Буланова Павла Петровича,
15. Левина Льва Григорьевича,
16. Казакова Игнатия Николаевича,
17. Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича) и
18. Крючкова Петра Петровича —

к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

19. Плетнева Дмитрия Дмитриевича, как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении гг. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению,— к

тюремному заключению на двадцать пять лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

20. Раковского Христиана Георгиевича и

21. Бессонова Сергея Алексеевича —

как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий — к тюремному заключению сроком: Раковского на двадцать лет и Бессонова на пятнадцать лет с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества¹.

Прошло полвека. 21 января 1988 г. Генеральный Прокурор СССР А. М. Рекунков в порядке надзора внес протест по делу лиц, обвиняемых в правом уклоне.

В протесте Генеральный Прокурор СССР находит осуждение названных лиц необоснованным и незаконным. «В деле нет никаких доказательств того, что Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и др. по заданию враждебных государств создали заговорщическую группу, именуемую в обвинительном заключении и приговоре «правотроцкистским блоком», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения на СССР, расчленение СССР в пользу иностранных государств, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма.

Нет доказательств и того, что Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были осведомлены о связях кого бы то ни было из лиц, проходивших по делу, с иностранными разведками и поощряли расширение этих связей, давали указания и способствовали подготовке интервенции и расчленения СССР.

Проведенные компетентными органами проверки показали, что сведений о принадлежности осужденных и реабилитированных по настоящему делу к иностранным разведкам не имеется.

«Террористическая деятельность» А. И. Рыкова в от-

¹ Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока» С. 650—653, 707—708.

ношении И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, обвинение А. П. Розенгольца в попытке убийства Сталина надуманны и абсурдны.

Террористический акт в отношении Ежова (ртутное отравление) был сфальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела Николаевым. Перед разработкой легенды Николаев получил консультации об условиях возможного отравления ртутью у начальника Химакадемии РККА Авиловского, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ. Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избияния «сознался» в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую затем обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства.

Обвинение Л. Г. Левина и др. в организации убийства Горького, Менжинского, Куйбышева, М. А. Пешкова основано только на их показаниях и опровергается материалами дела.

Военная коллегия Верховного Суда СССР не отразила в приговоре никаких доказательств. Приведенные же в обвинительном заключении признания обвиняемых не могли быть положены в основу обвинения без наличия других доказательств.

Предварительное следствие по делу производилось с грубыми нарушениями социалистической законности. После ареста Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову и другим в течение нескольких месяцев обвинение не предъявлялось, срок следствия и содержания под стражей не продлевался. Многие протоколы допросов обвиняемых, очных ставок и другие процессуальные документы фальсифицировались. Путем угроз, насилия и обмана обвиняемых принуждали давать ложные показания на себя и других лиц, протоколы допросов и объяснения заранее составлялись и произвольно корректировались.

При первоначальных допросах Н. И. Бухарин виновным себя не признал, поясняя, что имел разногласия с И. В. Сталиным по конкретным политическим и экономическим вопросам, однако ни шпионской, ни террористической, ни иной противозаконной деятельностью не занимался. Протоколы этих допросов к делу не

приобщались, находились в специальном хранилище и были обнаружены лишь в 1961 году. К делу же приобщались заранее напечатанные протоколы допросов лишь тогда, когда обвиняемые признавали вину и подписывали такие протоколы. В том случае, если обвиняемый (подсудимый) отказывался от ранее данных ходных следствию или суду показаний, применялись угрозы, запугивание, зачастую — прямое насилие и иные незаконные меры.

Допрошенная в 1956 году свидетель Роземблум, бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР, показала, что в санчасти тюрьмы она видела многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев.

«Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии».

В ходе судебного процесса Н. Н. Крестинский отрицал вину и председательствующий Ульрих был вынужден объявить перерыв, после которого Н. Н. Крестинский дал нужные показания.

Н. И. Бухарин в последнем слове перед Военной коллегией Верховного Суда СССР, признавая себя виновным, фактически отрицал все инкриминируемые ему уголовные преступления.

Бывшие работники НКВД Ежов, Фриновский, Агранов, Николаев, Дмитриев, Церенто, Ушаков, Чистов, Нассов, Коган, Герзон, Глебов, Луйлов и другие, принимавшие непосредственное участие в расследовании данного и иных дел, за незаконные аресты и фальсификацию доказательств были осуждены.

Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский, осужденный 3 февраля 1940 г. за фальсификацию уголовных дел и массовые репрессии, в заявлении от 11 апреля 1939 г. указал, что работники НКВД СССР готовили арестованных к очным ставкам, обсуждая возможные вопросы и ответы на них. Подготовка заключалась в оглашении предыдущих показаний, данных о лицах, с которыми намечались очные ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или

Вынос гроба с телом М.В. Фрунзе из Дома Союзов.
На переднем плане А.И. Рыков. 1925 год.

сам заходил в комнату следователя, спрашивал у допрашиваемого, подтвердит ли он свои показания, и как бы между прочим сообщал, что на очной ставке могут присутствовать члены правительства. Если арестованный отказывался от своих показаний, Ежов уходил, а следователю давал указание «восстановить» арестованного, что означало добиться от обвиняемого прежних ложных показаний. Ежов неоднократно беседовал с Рыковым, Бухариным, Булановым и каждого убеждал, что они не будут расстреляны. Мысль о покушении на его жизнь Ежов подал сам, стал твердить, что его отравили в кабинете, и внушил следствию добиваться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и избиений.

Осужденный вместе с Бухариным профессор Д. Д. Плетнев, находясь во Владимирской тюрьме, 10 декабря 1940 г. в заявлении на имя Берии указал: «Весь обвинительный акт против меня — фальсификация. Насилием и обманом у меня вынуждено было «признание»... допросы по 15 — 18 часов подряд, вынужденная бессонница, душение за горло, угроза избиением привели меня к расстройству психики, когда я не отдавал ясного отчета в том, что совершил».

По показаниям допрошенного в 1956 году Аронсона, бывшего сотрудника НКВД СССР, Х. Г. Раковский, находясь в тюрьме, в мае 1941 года заявил: «Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех «тайн мадридского двора» — советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас «стряпают» дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните, когда-нибудь трупы заговорят».

На основании изложенного А. М. Рекунков высказал просьбу к Верховному Суду СССР приговор в отношении названных лиц отменить, дело прекратить за отсутствием состава преступлений. 4 февраля 1988 г. Верховный Суд СССР принял такое решение. Затем с промежутком в пять месяцев в феврале и июле 1988 года появились два документа Комиссии Политбюро ЦК

и ИСС, полностью реабилитировавших и восстановивших в партии (посмертно) А. И. Рыкова и др.

Вот, пожалуй, и все о первом наркоме внутренних дел Российской Республики Алексее Ивановиче Рыкове.

Следует лишь добавить, что горькая чаша не миновала и его семью. Весенним днем 5 апреля 1988 г. я встретился с дочерью А. И. Рыкова — Натальей Алексеевной Перли (Рыковой) в ее очень скромной квартире. Квартира, настолько скромной, что возникает мысль о бесоплаченных долгах в отношении члена семьи бывшего предсовнаркома СССР.

Она рассказала мне, что вскоре после ареста Алексея Ивановича органы НКВД забрали и его жену — Нину Семеновну, члена партии с 1903 года, близко знавшую в И. Ленина. Если верить официальной справке, то Нина Семеновна умерла в лагерях в 1942 году, через 10 лет после ареста. Однако Наталья Алексеевна имеет и другие сведения: ее расстреляли через два дня после Алексея Ивановича.

А. И. Рыков был заботливым отцом. В фонде Общества старых большевиков, который хранился в Центральном партийном архиве, я отыскал такое его заявление (Алексей Иванович был в это время наркомом связи СССР):

«В Общество старых большевиков. Я хочу свою дочь Наталью Рыкову, окончившую школу второй ступени, зачислить на рабфак им. Бухарина.

По существующим правилам это зачисление будет очень облегчено, если я представлю документ от Общества старых большевиков, членом которого состою.

Прошу такой документ для направления ее на рабфак выдать. 12 авг. 1931 г. А.И. Рыков».

13 августа 1931 г. секретарь президиума совета Общества Вейс подписал такое ходатайство на имя директора рабфака им. Бухарина¹.

Наталья Алексеевна завершила учебу, стала педагогом. Однако в 1938 году ее, как дочь врага народа, тоже трижды судили особым совещанием, хотя перед глазами судей она ни разу не появлялась. 18 лет скиталась молодая женщина по лагерям, местам спецпоселения и

¹ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1678. Л. л. 11, 13.

высылка. И только 1956 год возвратил ее к нормальной жизни, когда она получила вот такой документ:

Справка

Дело по обвинению Рыковой Натальи Алексеевны пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 13 июня 1956 года.

Постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 17 марта 1939 года, при МВД СССР от 17 декабря 1946 года, при МГБ СССР от 1 апреля 1950 года в отношении Рыковой Н.А. отменены и дело за отсутствием состава преступлений прекращено.

Подпись.

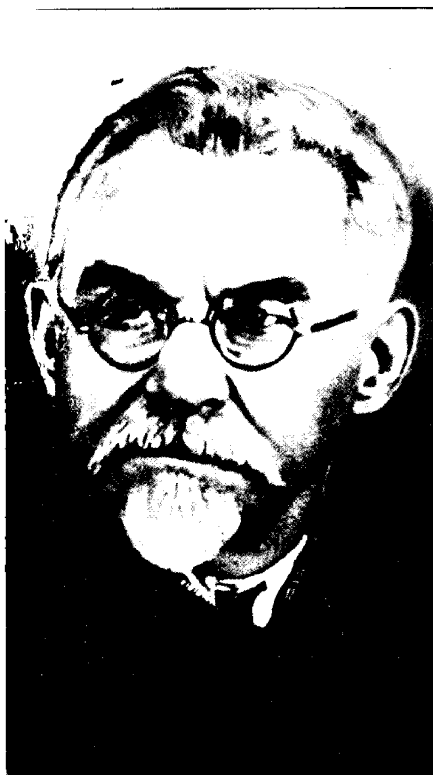
Когда Наталья Алексеевна — единственная дочь Рыковых — возвратилась в Москву, то приютила ее на первое время старая подруга — дочь академика Лепешинской О. Б. Еще ранее приняла участие в ее судьбе Е. Д. Стасова (в архиве Натальи Алексеевны имеется семь ее писем). Н. А. Рыкова пыталась обратиться за помощью к Г. М. Маленкову, К. Е. Ворошилову, но поддержки не получила.

Лишь Анастас Иванович Микоян отнесся к ней участливо. Он помог и с реабилитацией, и с жильем. Сначала дочери А. И. Рыкова дали комнату в коммунальной квартире на Ломоносовском проспекте г. Москвы, а последние 20 лет она имеет отдельную однокомнатную квартиру. На мой вопрос о том, были ли у нее дети, она с горькой усмешкой ответила: «Слава богу, нет, иначе и их постигла бы такая же участь». Так что прямого продолжения рода у Алексея Ивановича нет.

2

Петровский Григорий Иванович

1917—1919 гг.

1878—1958

*Ленин ищет
нового
наркома
внутренних
дел.
Петровский
во главе
НКВД.
Создание
коллегии и
аппарата
комиссариата.
Налаживание
их работы.
НКВД и ВЧК.
Организация
Советской
власти
на местах.
Создание
рабоче-
крестьянской
милиции.
Опала.
Письма
к Сталину.
Гибель
сыновей.*

После ухода А. И. Рыкова Наркомат внутренних дел РСФСР в течение 12 дней (с 18 по 29 ноября 1917 г.) был без наркома. В. И. Ленин ведет активный поиск кандидатов на этот важный пост. В ночь с 17 на 18 ноября 1917 г. Владимир Ильич участвует в заседании ЦК РСДРП(б), на котором обсуждается вопрос о замене вышедших из состава СНК наркомов и других работников. На пост наркома внутренних дел он предлагает кандидатуру А. С. Киселева — председателя штаба революционных организаций при Иваново-Вознесенском Совете. Киселев А. С. в это время был командирован в Петроград. 17 ноября В. И. Ленин встречается с ним, расспрашивает о ходе революции в Иваново-Вознесенске. На упоминавшемся заседании Центрального Комитета Ленин поручает А. С. Бубнову переговорить с Киселевым и передать ему предложение о назначении его наркомом внутренних дел¹. Однако это назначение по каким-то причинам не состоялось. Между 17 и 28 ноября 1917 г., как свидетельствует «Биографическая хроника», В. И. Ленин беседует с членом ЦК РСДРП М. К. Мурановым и предлагает ему занять пост наркома внутренних дел, но и это решение не было принято. М. К. Муранов был назначен заместителем наркома внутренних дел, а затем менее чем через месяц освобожден от этой должности по личным обстоятельствам².

Поиск продолжается. Между 24 и 30 ноября 1917 г. Владимир Ильич беседует с Г. И. Петровским, приехавшим в Петроград по поручению партийных и советских

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 31, 33.

² См. там же. С. 34, 66, 119.

организаций Донбасса, по вопросу о национализации металлургической и черной промышленности Донбасса. К этому времени у Ленина возникает мысль о возможности использования этого старого революционера, бывшего депутата IV Государственной думы на посту наркома внутренних дел.

18 и 29 ноября Ленин беседует с М. И. Лацисом о кандидатуре на пост наркома внутренних дел из числа партийных работников Петроградской партийной организации, а также повторно встречается с Петровским, предлагая ему занять этот пост. Как видим, поиск был долгим и неспешным.

Только 30 ноября 1917 г. наркомом внутренних дел был назначен Г.И. Петровский¹. 1 декабря 1917 г. Ленин подписывает удостоверение М. К. Муранову, Н. Е. Лазимиру, М. И. Лацису, И. Г. Уншлихту, М. С. Урицкому о том, что они назначены СНК: первый — заместителем наркома по Министерству внутренних дел, а остальные — членами коллегии при наркоме².

Вот что вспоминает о своем назначении Григорий Иванович Петровский: «...Владимир Ильич, встретив меня в приемной Совнаркома и хлопнув по плечу, сказал:

— Как раз вовремя. Сейчас мы вас назначим наркомвнудел. У нас Рыков сбежал с этого поста.

Я взмолился:

— Владимир Ильич! Назначайте любого товарища, я буду его помощником.

На это Ленин ответил:

— Во время революции от назначений не отказываются.— И в шутку добавил, заразительно смеясь при этом:

— Дать Петровскому двух Выборгских рабочих, с опытом, они его отведут в Министерство внутренних дел, пусть тогда попробует отказаться...

Конечно, после такого внушения я умолк.

Был издан декрет о назначении меня наркомом внутренних дел, и я принялся за работу»³.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 62, 62, 66.

² См. там же. С. 66, 69.

³ Петровский Г. И. В первые годы Советской власти//Советская Россия. 1957. № 11. С. 15—16.

М.И. Калинин. и Г.И. Петровский. 1919 год.

Григорий Иванович был наркомом не очень долго — до марта 1919 года. Однако именно при нем произошло становление Ннаркомата внутренних дел и налаживание деятельности этого ответственного советского учреждения.

В конце 1917 — начале 1918 года в аппарате НКВД РСФСР было 450 сотрудников и шесть отделов: местного управления, коммунального хозяйства, финансовый, статистический, ветеринарный, иностранный. Наиболее важной структурной частью наркомата являлся отдел местного управления, в состав которого входило шесть отделений (милиции, печати, информационное, инструкторское, редакционное, контрольно-ревизионное)¹.

Одной из главных задач НКВД на первом этапе была организация на местах Советов и их исполкомов, инструктирование и направление деятельности этих органов, наблюдение за тем, чтобы Советы организовывались и функционировали единообразно в соответствии с законами и общей политикой Советской власти.

НКВД 9 января 1918 г. рекомендовал при всех Советах на местах взамен старых отживших правительственных учреждений организовать такие отделы, или комиссариаты: управления, ведающие внутренними и внешними сношениями в Республике и технически объединяющие все другие отделы; финансов; Совета народного хозяйства; земельный; труда; путей сообщения; почты, телеграфа и телефона; народного просвещения; судебного; врачебно-санитарного; управления общественным недвижимым имуществом.

В целях налаживания работы Советов руководящие работники НКВД нередко выезжали на места. Так, на заседании Коллегии НКВД 17 августа 1918 г. под руководством Г.И. Петровского был рассмотрен такой вопрос:

«5. **Слушали:** Телеграмма тов. Правдина из Пензы следующего содержания: «Дела Совета Пензы запутаны и безобразны. Беспомощность преступная. Небрежность царит во всех отделах. Уездные Советы никому не подчиняются. Я в Саранске вынужден арестовать ответственных работников. Воровство в Совете паразитично. В Продовольственном отделе ревизией обна-

¹ См. ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 2. Д. 3. Л. л. 8—9.

ружен недочет 270 000 руб., из военных складов расхищено сукна на 500 000 руб. Назначил следствие. Продовольственные органы не принимают никаких мер для реализации урожая. Замнарком внулел Правдин».

Постановили: «Сообщить: Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Центральный Комитет партии коммунистов (большевиков) — товарищу Ленину, народному комиссару продовольствия и Военному Комиссару о положении дел в Пензе с указанием о необходимости послать туда опытных инструкторов и агитаторов¹.

4 декабря 1917 г. Г. И. Петровский проводит первое заседание Коллегии НКВД РСФСР. Для воспроизведения колорита времени и характера обсуждаемых вопросов, а также с учетом того обстоятельства, что эти материалы не очень длинные и ранее не публиковались, приведем этот протокол полностью².

«1. **Слушали:** Доклад комиссара беженцев о резолюции II Всероссийского съезда об упразднении ссудных касс помощи пострадавшему от войны населению.

Постановили: Предложить СНК утвердить резолюцию II Всероссийского съезда беженцев об упразднении ссудных касс помощи пострадавшему от войны населению и о приостановлении одновременных пособий, как вознаграждения за убытки, причиненные войною.

2. **Слушали:** О выяснении сметы газеты «Трудовое казачество».

Постановили: Поручить Минкину (комиссару по делам печати при НКВД.— В.Н.) выяснить смету газеты «Трудовое казачество» для окончательного решения размера пособия этой газете.

3. **Слушали:** Об ассигновании Воронежскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов на борьбу с Калединым.

Постановили: Ассигновать Воронежскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов на борьбу с Калединым 100 000 руб.

4. **Слушали:** Об ассигновании Сызранскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов для борьбы с Дутовым.

Постановили: Ассигновать Сызранскому Совету

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 6в, Л. л. 21—21 об.

² См.: ЦГАОР СССР р. 393, Д. 6б. Л. 1—2.

Рабочих и Солдатских депутатов для борьбы с оренбургскими казаками под предводительством Дутова 50 000 руб.

5. Слушали: Просьба солдат действительной службы (одной из частей, название которой записано неразборчиво.— *В.Н.*) о пособиях их семьям.

Постановили: Ответить солдатам действительной службы на их просьбу пособий их семьям, что просьба не может быть удовлетворена.

6. Слушали: Запрос Комиссии по приведению армии в состав мирного времени о дне демобилизации.

Постановили: ответить Комиссии по приведению армии в состав мирного времени на их запрос, из МВД (так в тексте.— *В.Н.*) сообщить непосредственно о дне демобилизации «Всем губернским Советам».

7. Слушали: Прошение младшего писаря Управления 52 Западной бригады Н.К. Заградца.

Постановили: Прошение младшего писаря Управления 52 Западной бригады Н. К. Заградца, временно живущего в Мозыре, направить в Минский Совет.

8. Слушали: Жалоба П. Залевского.

Постановили: По поводу жалобы Залевского (с румынского фронта, осужден на 4 года каторги за 10 слив) написать в бывший Комитет, чтобы расследовали и в случае подтверждения освободили.

9. Слушали: Об ассигновании Витебского Совета и о праве советской реквизиции.

Постановили: Ответить Витебскому Совету. Запросить, сколько денег нужно для Совета, запрос о беженцах передать Комиссару по делам беженцев, ответить о праве Совета реквизиции, сообщить об этом и о нужде Витебской губернии Народному Комиссару по продовольствию.

10. Слушали: Просьба вдовы Е. Е. Трофимовой о пособиях.

Постановили: Прошение вдовы Е. Е. Трофимовой о пособиях передать в Комиссариат призрения.

11. Слушали: Прошение фельдшера Н. А. Грищенко.

Постановили: Прошение фельдшера Н. А. Грищенко передать на рассмотрение Могилевского Совета и Грищенко уведомить об этом.

12. Слушали: Прошение т. Васильева.

Постановили: На прошение т. Васильева ответить отказом.

13. **Слушали:** Объяснительная записка Правления Видз. Лифл. Вр. Губ. Совета (так в документе.— *В.Н.*) о продовольственном деле.

Постановили: Объяснительную записку Прав. Видз. Лифл. Времен. Губ. Земск. Сов. о продовольственном деле переслать Комиссару по продовольствию.

14. **Слушали:** Объяснительная записка Видз. Вр. Губ. Земск. Сов. о положении дел народного образования.

Постановили: Объяснительную записку Правления Видз. Вр. Губ. Земск. Совета о положении дел народного образования переслать в Комиссариат Просвещения.

15. **Слушали:** Смета Правления Видз. Губ. Земск. Совета.

Постановили: Смету Правления Видз. Земск. Совета переслать комиссарам: по продовольствию и просвещению.

16. **Слушали:** Телеграмма из Виленской губ.

Постановили: Телеграмму из Виленской губ. передать Комиссару по военным делам.

17. **Слушали:** Об упразднении Главного управления по делам милиции.

Постановили: За упразднением Главного управления по делам милиции все служащие и курьеры увольняются с уплатой жалования за 6 месяцев.

18. **Слушали:** Об увольнении Балашова и штата и прислуги при казенной квартире быв. министра.

Постановили: Увольнение Балашова и штата и прислуги при казенной квартире быв. министра временно оставить открытым.

19. **Слушали:** Прошение о перемене фамилии.

По поводу прошений о перемене фамилий постановлено: впредь до издания закона о праве свободной перемены фамилий и имен гражданам Российской Республики отдельные прошения будут оставаться нерассмотренными.

20. **Слушали:** Прошение К. А. Вольфраам о разрешении свободно проживать по всей России и об увольнении ее сына от воинской повинности и возвращении ее в настоящее время на родину Польши (так в документе.— *В.Н.*).

Постановили: Обратиться по поводу прошения К. А. Вольфраам к Харьковскому Совету с предло-

жением разрешить ей свободно проживать по всей России. Отказать ей в увольнении ее сына от военной повинности, как равно в возвращении ее самой в настоящее время на родину в Польшу».

Председатель Коллегии Петровский

Члены: (Лацис-Судрабс и еще одна фамилия неразборчиво)

За секретаря (неразборчиво)»

Вот такой документ. Вопросов довольно много и по меркам сегодняшнего дня непосредственно не относящихся к ведению Наркомата внутренних дел. Многие вопросы относятся к области советского строительства, чем НКВД в то время активно занимался. Немало вопросов частных (семь персональных заявлений для коллегии наркомата по нынешним временам также явно не рационально, но ведь аппарат НКВД еще не сложился, поэтому все, что поступало по адресу и не по адресу, рассматривалось на коллегии).

В целом, я бы сказал, это — светлый документ светло задуманного Наркомата по внутренним делам. К сожалению, потом НКВД стал другим и, как злой демон, прошел по судьбам своих создателей — Рыкова, Петровского и др.

В первые месяцы и годы Советской власти не без влияния общей обстановки митингового демократизма заседания Коллегии НКВД проводились очень часто: в декабре 1917 года состоялось 10 заседаний коллегии, в январе 1918 года — 12. Всего же за время работы Г. И. Петровского в должности наркома (один год и четыре месяца) было проведено 144 заседания. (Протоколы всех этих заседаний хорошо сохранились и были изучены мной в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР).

Чтобы как-то упорядочить свою работу, 7 сентября 1918 г. коллегия принимает решение на заседаниях, созываемых в 16.00 по понедельникам и четвергам, рассматривать вопросы финансового характера, а также требующие экстренного исполнения; по субботам (с 12.00) — вопросы принципиальные.

Одним из важных направлений деятельности Г. И. Петровского и его помощников было создание на деле советской милиции, так как подписанный 10 ноября 1917 г. А. И. Рыковым документ об этом заложил лишь основу этой работы. Сначала предполагалось, что строительство милиции, как и Красной Армии, должно осуществляться не на твердой штатной основе, а на милиционных началах. Поэтому на первых порах НКВД предпринял попытку добиться несения милиционной обязанности по охране правопорядка населением.

Однако жизнь опровергла эти предположения. 16 мая 1918 г. Коллегия НКВД заслушала доклад т. Лациса об организации милиции на местах и приняла следующее решение:

«Поручить тов. Лацису совместно с тов. Тихомирновым (Тихомирнов В. А.— зав. отделом местного управления НКВД.— *В.Н.*) представить к следующему заседанию проект организации милиции, приняв за основу следующие принципы:

1. Милиция существует как постоянный штат лиц, выполняющих специальные функции.

2. Организация милиции должна существовать независимо от организации Красной Армии и функции их должны быть строго разграничены.

3. В основе организации должен лежать демократический централизм».

Документ о милиции вырабатывался довольно продолжительное время. 5 июня 1918 г. Коллегия НКВД по докладу В. А. Тихомирнова утвердила проект Положения о Советской Милиции, и он за подписью Г. И. Петровского был направлен для дальнейшей доработки в отдел законодательных предположений ВЦИКа. Затем коллегия возвращается к этому вопросу 15 августа 1918 г., и 22 февраля 1919 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина 21 августа 1918 г. рассмотрел проект Положения о Советской Милиции и не стал принимать его как государственный акт, а рекомендовал НКВД и НКЮ РСФСР об утверждении Инструкции об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции»¹.

¹ СУ. 1918. № 75. Отд. 1. Ст. 813.

Правительственный документ в форме декрета СНК РСФСР «О Советской Рабоче-Крестьянской Милиции» появился 3 апреля 1919 г., т. е. уже после ухода Г.И. Петровского из НКВД.

Параллельно с этим шла отработка структуры центрального аппарата наркомата. В июле 1918 года принимается решение о создании самостоятельного структурного подразделения по милиции в центральном аппарате НКВД РСФСР, в октябре — об организации отдела уголовного розыска.

Как вспоминает Григорий Иванович¹, проведенная к осени 1918 года работа по созданию и укреплению на местах советской милиции позволила наркомату поставить вопрос о созыве I съезда заведующих городскими и губернскими управлениями советской милиции. 12 октября 1918 г. Коллегия НКВД постановила: созвать съезд в ближайшее время. Порядок дня съезда предварительно выработали такой: характер и задачи советской милиции; организация советской милиции на местах (милиция городская и уездная, права и обязанности милиции, штаты и оклады, обмундирование и вооружение); организация уголовно-розыскной милиции на местах и другие вопросы.

Всероссийскому съезду предшествовали съезды начальников милиции в губерниях. 21 октября, например, открылся такой съезд в Казанской губернии. Нелишне отметить, что на этом съезде обращали внимание на то, что при создании милиции в освобожденных от белогвардейских шаек уездах Казанской губернии нельзя пополнять милицию людьми колеблющимися и особенно необходимо политическое воспитание ее сотрудников. 12 ноября открылся губернский съезд начальников милиции в г. Рязани. Все ценные предложения, выдвинутые на губернских съездах, наркомат учитывал при подготовке всероссийского съезда.

Съезд состоялся 6—8 декабря 1918 г. Он обсудил важные для развития и укрепления советской милиции вопросы. Большое внимание было уделено воспитанию сознательной дисциплины у работников милиции.

При создании НКВД в состав ее коллегии был введен и Ф.Э. Дзержинский. В то же время с 20 декабря

¹ См.: Советская милиция. 1957. № 11. С. 19.

1917 г. он, как известно, становится руководителем такого важного для защиты дела революции органа, как ВЧК, оставаясь членом коллегии НКВД.

Функции ВЧК и НКВД во многом дополняли друг друга, а в первое время после создания в чем-то и переплетались. Не до конца были решены вопросы финансирования ВЧК. Создана была Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при СНК РСФСР, в то же время финансирование деятельности ВЧК и ее органов на местах проходило по смете НКВД, что заключало в себе известное противоречие и порой вносило сложности в отношения этих двух ведомств. Конечно же, нужно было время, накопление опыта работы, чтобы все отладить и поставить на свои места.

Следует заметить, что взаимоотношения между органами госбезопасности и внутренними дел на различных этапах строительства Советской власти в СССР были, как об этом свидетельствуют документы, непростыми и неоднозначными. В принципе, по мере накопления исторического опыта эти взаимоотношения приобретали довольно четкие формы. В то же время близость задач тех и других органов, их многочисленные реорганизации и переподчинения в интересах дела, а нередко и в угоду амбиции отдельных руководителей — все эти и другие обстоятельства сказывались на характере взаимоотношений. Поэтому в ходе последующего повествования о нарколах (министрах) внутренних дел Советского государства нам к этому вопросу придется возвращаться неоднократно в различной исторической обстановке.

Здесь же на основе архивных документов НКВД начального периода хотелось бы рассказать об отдельных эпизодах налаживания взаимоотношений между этими двумя органами.

Сразу же после создания Всероссийской Чрезвычайной Комиссии обратилась в НКВД за ассигнованиями. Через три дня после образования ВЧК — 23 декабря 1917 г.— Коллегия НКВД под председательством Г. И. Петровского рассмотрела ходатайство Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем об ассигновании в ее распоряжение 200 тыс. руб. и записала в своем постановлении: «Ввиду того, что Чрезвычайная Всероссийская Комиссия по борьбе с

контрреволюцией и саботажем организована при СНК, вопрос о субсидии передать на рассмотрение и утверждение СНК»¹.

Мы не имеем под рукой документа о том, как отреагировал Совет Народных Комиссаров на это постановление НКВД, но, судя по последующему ходу дел, он, видимо, обязал НКВД финансировать ВЧК и его органы. Это подтверждается протоколом № 33 заседания Коллегии при НКВД от 4 апреля 1918 г. с участием Петровского, Смирнова, Ладиса, Тихомирнова, Флеровского.

«Слушали: Доклад тов. Ладиса о смете на израсходование денег на нужды ВЧК при Совнаркоме по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, считая на три месяца вперед в сумме 517 000 руб. Присутствовал представитель означенной Комиссии тов. Петерс.

Постановили:

1. Считая, что отдел борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией состоит при К.В.Д. (Комиссариате внутренних дел.— *В.Н.*) и ввиду того, что тов. Дзержинский является членом коллегии К.В.Д., в целях координации наших действий с действиями тов. Дзержинского просить почаще являться его или его помощника в заседание коллегии для докладов, дабы коллегия К.В.Д. была в курсе дела действий Комиссии. В плане работ принять участие.

2. По существу сметы. Поручить заведующему финансовым отделом К.В.Д. проредактировать названия §§ 2, 3 и 4 сметы, переименовав их. Месячную смету в общей сумме 517 000 руб. утвердить и открыть кредит для комиссии в сумме 500 000 руб.»².

На полях этого документа сделана отметка, что выписка из протокола отправлена Ф. Э. Дзержинскому. Привлекает внимание и высказанное Феликсу Эдмундовичу пожелание по поводу участия в работе Коллегии НКВД. Дело в том, что и после этого замечания Ф. Э. Дзержинский или в силу занятости, или по каким-либо другим соображениям в работе заседаний Коллегии НКВД по-прежнему участия не принимал.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 66. Л. 16.

² Там же. Л. 82, 82 об.

Мной специально просмотрены протоколы всех заседаний Коллегии НКВД этого периода и установлено, что Феликс Эдмундович не участвовал в их работе ни в 1917-м, ни в 1918 годах, за исключением одной коллегии — 14 ноября 1918 г., о которой пойдет речь ниже. В 1919 году он впервые появился на заседании коллегии 27 марта, т.е. в связи с его назначением наркомвнуделом. Таким образом, из 144 заседаний Коллегии НКВД во время работы на посту наркома Г. И. Петровского член коллегии Ф. Э. Дзержинский был лишь на двух.

Возвратимся, однако, в 1918 год, чтобы по документам проследить дальнейшую работу по уточнению взаимоотношений между НКВД и ВЧК.

23 апреля 1918 г. коллегия принимает решение послать в ВЧК своего представителя (такими представителями попеременно были Лацис, Бокий, Васильев). 28 сентября 1918 г. члену коллегии Уншлихту поручается разработать и внести предложение о согласовании работы ВЧК с НКВД. Внесенные предложения горячо обсуждались на двух заседаниях коллегий — 10 и 12 октября 1918 г. В решении коллегии от 10 октября, на которой присутствовали Петровский, Правдин, Эльцин, Уншлихт и Мешковский, было записано: «По обсуждении вопроса о деятельности ВЧК коллегия КВД еще раз подтверждает, что Всероссийская Чрезвычайная Комиссия не является самостоятельным учреждением. Коллегия будет отстаивать в Совнаркоме свое мнение, по которому Всероссийской Чрезвычайной Комиссии или нужно совсем отделиться от Комиссариата внутренних дел, сделавшись самостоятельным народным комиссариатом, или быть подотделом КВД с широкими полномочиями; тогда необходимо Председателю ВЧК быть членом коллегии КВД и все решения и действия Комиссии обсуждать в коллегии КВД»¹.

А вот постановление Коллегии НКВД «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» от 12 октября 1918 г.: «Ввиду особой важности данного вопроса вынесено пожелание о возможном присутствии всех членов коллегии на том заседании Совнаркома, когда этот вопрос там будет разбираться и отстаивать мнение

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 6в. Л. л. 83 об. — 84.

Г.И. Петровский с внуком К. Маркса Эдгаром Лонге
в Музее Революции. 1948 год.

Комиссариата по означенному вопросу»¹. Как видим, страсти накалились.

Между тем 2 октября 1918 г. ЦК РКП(б) поручил Ф. Э. Дзержинскому составить проект Положения о ВЧК с тем, чтобы урегулировать деятельность центральной и местных чрезвычайных комиссий, а также их взаимоотношения с другими советскими учреждениями. 25 октября 1918 г. ЦК РКП(б) утверждает проект Положения о Чрезвычайных комиссиях и поручает Свердлову и Дзержинскому внести редакционные поправки и представить в ВЦИК. 28 октября ВЦИК принимает Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях, которое, в частности, определяло, что Всероссийская Чрезвычайная Комиссия является органом Совета Народных Комиссаров и работает в тесном контакте с народными комиссариатами внутренних дел и юстиции. Члены Всероссийской Чрезвычайной Комиссии назначаются Совнаркомом. Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии входит в Коллегию Народного комиссариата внутренних дел. Комиссариат внутренних дел и Комиссариат юстиции делегируют своих представителей во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию.

Смета Всероссийской Чрезвычайной Комиссии утверждается Совнаркомом².

Таким образом, эти решения подвели итог дискуссии. С целью окончательного урегулирования этих вопросов 14 ноября 1918 г. на заседании Коллегии НКВД в присутствии Ф. Э. Дзержинского был обсужден доклад Г. И. Петровского о согласовании действий ВЧК и НКВД. К сожалению, сам доклад нами не обнаружен, но к протоколу приложена обстоятельная запись хода обмена мнениями и достигнутое решение. Вот эта запись:

«Тов. Петровский, ссылаясь на последнее постановление Президиума ВЦИК о ВЧК и ее взаимоотношениях в работе с НКВД, отмечает ту общую цель, которую преследует в своей борьбе с контрреволюцией как ВЧК, так и НКВД. Исходя из этого, он считает необходимым немедленно установить контакт в работе между обоими учреждениями.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1 Д. 6в. Л. л. 85—86.

² См.: В. И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 86—87.

Тов. Дзержинский предлагает ввиду того, что принципиальный вопрос о взаимоотношениях ВЧК и НКВД уже разрешен Высшим Центральным Учреждением, приступить к детальному развитию и проведению в жизнь этого постановления.

Указывая на необходимость связи при работе, считает, что она может в достаточной степени осуществиться следующим образом:

1. Председатель ВЧК должен как член Коллегии НКВД участвовать в заседаниях Коллегии НКВД.

2. От НКВД должны входить представители в ВЧК: в контрольно-ревизионную комиссию, в Президиум, общее собрание комиссии и в иногородний ее отдел.

Эти мероприятия им намечаются пока лишь до предполагаемой реорганизации ВЧК.

Тов. Лацис, говоря о работе прифронтовых ЧК, указывает, что там работу ЧК нельзя отделить совершенно от работы исполкомов. Дело выиграло бы, если бы ЧК как таковых не существовало, а ЧК, присоединив к себе милицию, составляли бы лишь самостоятельный отдел исполкомов.

Тов. Уншлихт предлагает приступить к разработке инструкции, которая бы детально разграничила функции работы ВЧК, НКВД и Комиссариата юстиции, для чего создать комиссию, которая бы при выработке руководства вставала постановлением Президиума ВЦИК.

Тов. Смирнов, присоединяясь к мнению тов. Уншлихта, намечает практические указания для комиссии. По его мнению, комиссия должна в инструкции разработать прежде всего следующие вопросы:

1. О пользовании чрезвычайных комиссий милицией.

2. О порядке финансирования чрезвычайных комиссий.

3. Вопросы инструктирования.

Тов. Дзержинский предлагает высказать коллегии сейчас свое мнение по вопросу о порядке финансирования, а для разработки остальных вопросов избрать представителя в комиссии.

Тов. Уншлихт предлагает не ограничиваться при выработке инструкции лишь этими тремя вопросами, а наметить общую границу в работе ВЧК и НКВД, включив туда и указываемые 3 вопроса.

Тов. Эльцин предлагает прекратить прения. Прения прекращены.

Решено:

1. По вопросу о порядке финансирования — чтобы смета ЧК вырабатывалась и проводилась в финансовом отделе НКВД под руководством и в согласии с ВЧК.

2. Для разграничения функций в работе НКВД и ВЧК, а также по вопросу о пользовании чрезвычайных комиссий милицией составить инструкцию, которая должна быть выработана комиссией в составе представителей ВЧК и НКВД.

В Комиссию избрать от НКВД тт. Уншлихта и Тихомирнова.

Представителем в Контрольно-ревизионную комиссию, в Президиум и общее собрание ВЧК избрать тов. Лациса, а в его отсутствие тов. Уншлихта с правом решающего голоса.

Тов. Дзержинский возражал против представления права решающего голоса и настаивал на совещательном голосе»¹.

Вновь созданный Наркомат внутренних дел заботился не только о хлебе насущном для народа, охране революционного правопорядка и борьбе с преступностью, но и активно занимался вопросами культурного строительства. Так, 18 января 1918 г. НКВД поручает Тульскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обеспечить тщательную охрану дома Л. Н. Толстого в Ясной Поляне². В конце 1918 года, рассмотрев вопрос об охране художественных ценностей в бывших помещичьих имениях, НКВД 21 декабря направляет циркулярную телеграмму всем Совдепам с предложением провести точную опись всех памятников старины и искусства, находящихся в бывших частновладельческих имениях, и зарегистрировать их в отделе народного просвещения Губернского совдепа с извещением об этом Народного комиссариата просвещения и НКВД³.

Автор не ставит своей целью подробное описание всего многообразия деятельности Г.И. Петровского на посту наркома, так как это вылилось бы в солидную

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 6в. Л. л. 127—128.

² См. там же. Д. 6б. Л. 31 об.

³ См. там же. Д. 6в. Л. л. 184 об.—185.

книгу. В личном фонде Г. И. Петровского, хранящемся в Центральном партийном архиве, среди других материалов находится проспект биографической повести о Григории Ивановиче к его 80-летию, составителями которого являются С. Н. Власенко, А. В. Снегов и др.

Главу восьмую авторы этой повести намеревались посвятить рассмотрению нашего периода в жизни Г.И. Петровского и обозначили в проспекте такие разделы: Первый нарком внутренних дел РСФСР. Организация Советской власти на местах. Разработка первой Конституции, утвержденной в июле 1918 года. Создание рабоче-крестьянской милиции. Организация внутри НКВД медицинского управления. Школа партийного и советского строительства, перешедшая в Свердловский университет. Создание обширной библиотеки. Первые курсы — семинар по жилищному делу. Борьба с классовым врагом. Письмо о мерах этой борьбы на местах. Передача дел ВЧК (так в тексте, видимо, имеется в виду НКВД.— В.Н.) Ф. Э. Дзержинскому. Участие в подписании Брестского мира¹.

Как видим, программа довольно обширная, частично она реализована названными и другими авторами, частично еще ждет своих последующих исследователей.

Большое внимание становлению НКВД РСФСР уделял В. И. Ленин. Его интересовали вопросы подбора кадров для наркомата. В мае 1918 года он поручил Г.И. Петровскому начать подготовку к проведению финансового съезда Республики. 15 июня 1918 г. Ленин дал распоряжение о том, чтобы все справочные издания Наркомвнудел и бывшего Министерства внутренних дел были в срочном порядке присланы в Управление делами СНК РСФСР.

Ленин нашел возможным поздравить сотрудников НКВД с новым 1919 годом, причем не казенными словами под копирку с одинаковым текстом для всех наркоматов, как это нередко делается, а персонально, со смыслом. Вот как об этом вспоминает Григорий Иванович Петровский:

«В руководстве нашей ленинской партии черпал каждый коммунист, каждый работник милиции уверенность в полном успехе дела, которому он служит. И потому большой-большой радостью было для всех

¹ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д 18. Л. 60.

работников Народного комиссариата внутренних дел получить в новогодний день — 1 января 1919 года следующую телефонограмму В. И. Ленина:

«Шлю привет и поздравления с Новым Годом фракции коммунистов. От души желаю, чтобы мы все провели в Новом Году поменьше глупостей, чем в старом, и чтобы строительство Советской Власти, над коим особенно трудятся товарищи Комиссариата внутренних дел доведено было до конца успешно»¹.

В марте 1919 года Григорий Иванович сдает дела по наркомату Ф. Э. Дзержинскому, а сам уезжает на Украину, где на III съезде Советов Республики избирается председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. На этом посту он проработал около 20 лет, исполнял также обязанности одного из Председателей ЦИК СССР, пользуясь огромным уважением не только на Украине, но и во всей стране. С 1926 по 1939 гг. Г. И. Петровский был кандидатом в члены Политбюро.

Так в этом очерке можно было бы и ставить точку, переходя к Ф. Э. Дзержинскому как следующему наркому. Но, оказывается, опять рано. Последующая судьба Г. И. Петровского трагично столкнула его, как и А. И. Рыкова, с тем ведомством, становлению которого в 1917 — 1919 гг. он отдал так много сил.

Попытаемся открыть и эту страницу из продолжительной, славной, но нелегкой жизни Г. И. Петровского на основе тех документальных материалов, которые имеются в нашем распоряжении.

Казалось, ничто не предвещает беды. Многие материалы газеты «Правда» за 4 февраля 1938 г. посвящены Г. И. Петровскому в связи с его 60-летием. Газета поместила его большой портрет, два приветствия Григорию Ивановичу: одно от ЦК ВКП(б) и СНК, другое от Президиума Верховного Совета СССР. Здесь же сообщение о награждении его орденом Ленина, подборка «Трудящиеся Украины приветствуют Г. И. Петровского».

Листаем подшивку газеты за этот месяц дальше. 18 февраля 1938 г. «Правда» сообщила, что 17 февраля заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Г. И. Петровский вручил ордена и

¹ Советская милиция. 1957. № 11. С. 19.

медали награжденным сотрудникам НКВД и других ведомств.

Однако летом этого же года все изменилось: Г. И. Петровского отзывают с Украины, выводят из состава всех руководящих органов, и он продолжительное время остается не у дел, а прожить ему было отпущено еще 20 лет. Затем его старый друг и соратник по IV Думе Ф. Н. Самойлов, работавший директором Музея Революции СССР, с трудом устроил его уже в 1940 году на работу в музей заместителем по административно-хозяйственной части, т. е. фактически завхозом. На этой должности он проработал более 15 лет, чувствуя себя крайне неуютно.

В годы войны Г. И. Петровский с материалами музея был эвакуирован в г. Хвалынский Саратовской области. Здесь скончалась его первая жена и большой друг Доменика Федоровна. Из эвакуации он возвращается в 1942 году и продолжает сложную жизнь и в материальном, а главное — в моральном отношении.

Только в середине 50-х годов к Г. И. Петровскому постепенно возвращается его доброе имя. Он остался работать в том же музее, но теперь уже заместителем директора по научной части как человек, прошедший большой путь революционной борьбы и ответственной работы. Однако все это пришло очень поздно. Переживания последних 20 лет, болезни и возраст дали о себе знать, и 9 января 1958 г. Г. И. Петровский скончался.

Ныне отстранение Г. И. Петровского от всех постов в конце 30-х годов квалифицируется как необоснованное, как одно из нарушений в период культа личности Сталина. Имя Г. И. Петровского снова заняло достойное место в истории¹.

Отстранению Г. И. Петровского от государственной деятельности в конце 30-х годов предшествовали репрессии против его родных и товарищей по работе.

Вот несколько выдержек из писем Г. И. Петровского различным лицам.

«В тюрьмах подписывали черт знает что. Косиора сделал польским шпионом, заставили оговорить меня

¹ См.: Степанов А. Боец ленинской гвардии//Коммунист. 1988. № 3. С. 111—113.

и др. Истину нужно знать всем до конца. Это по-ленински, иначе ложь как заноза будет гнить и опасность гангрены сулить»¹.

Г.И. Петровского обвинили также в близости к репрессированным В. Я. Чубарю и К. В. Сухомлину. «Тов. Сухомлин,— пишет Г. И. Петровский в письме в ЦК КПСС 8 марта 1955 г.,— один из лучших пролетариев УССР, был больших моральных качеств человек. Он был председателем ЦКК УССР, о нем члены партии отзывались как о человеке с чистой совестью. Т. Сухомлин — рабочий-слесарь — не мог быть предателем партии»².

После получения сообщения о реабилитации В. Я. Чубаря и К. В. Сухомлина Григорий Иванович в письме в ЦК КПСС указывает: «...с меня снимается тяжелый моральный гнет. Тов. Сухомлина обвинили в японском шпионаже, а меня в том, что жил с ним душа в душу»³.

Репрессированными были также старший сын Григория Ивановича — Петр и зять С. А. Загер. Петр Григорьевич Петровский родился в 1899 году. Член партии большевиков с 1916 года, активный участник подготовки и проведения Октября, гражданской войны, делегат X—XV съездов партии, V и VI Конгресса Коминтерна. И тем не менее в 1933—1941 гг. он был трижды судим.

Как свидетельствуют документы Военной коллегии Верховного Суда СССР, он был осужден по приговору этой Коллегии от 10 ноября 1937 г. к лишению свободы на 15 лет с поражением прав на 5 лет и вторично по приговору той же Коллегии от 8 сентября 1941 г. к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение, как всегда в то время, очень быстро, через 3 дня — 11 сентября 1941 г. (запомним, читатель, эту дату гибели Петра Григорьевича и возвратимся к ней по ходу повествования).

За что же судили Петра Петровского и совершил ли он преступления, за которые следовало его лишать жизни?

По первому приговору П. Г. Петровскому было вменено в вину то, что он является активным участником

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 52. Л. л. 3—4.

² См.: там же. Д. 50. Л. 180.

³ Там же. Д. 18. Л. 67.

Г.И. Петровский на отдыхе в Мухалатке.

антисоветской диверсионно-террористической организации правых, ставивших своей целью свержение Советской власти, что в период 1919 — 1932 гг. он неоднократно участвовал на нелегальных сборищах у Марецкого и Слепкова, где обсуждались вопросы о методах и формах борьбы против руководства ВКП(б) и Советского правительства, по заданию этих организаций вел работу по созданию террористических групп и что в 1932 году по заданию Бухарина он пытался спровоцировать крестьянские волнения в ряде районов Саратовской области.

Согласно второму приговору, П. Г. Петровский, отбывая наказание в Орловской тюрьме, вместе с другими заключенными проводил антисоветскую агитацию и распространял клеветнические измышления о мероприятиях ВКП(б) и Советского правительства.

В связи с поступившей жалобой от отца осужденного Г. И. Петровского была произведена проверка в 1957 году. Установлено, что за активное участие в антисоветской организации правых П. Г. Петровский 16 апреля 1933 г. был осужден коллегией ОГПУ к трем годам лишения свободы и этот срок наказания отбыл, а обвинение его в антисоветской агитации своего подтверждения не нашло. В 1939—1941 гг. он находился в Соловецкой и Орловской тюрьмах. Среди сокамерников, рассказывая о своем прошлом, не скрывал, что примыкал к правым и что этот уклон представлял большую опасность. Неодобрительно отзывался об органах НКВД, а в разговорах о войне с гитлеровскими захватчиками высказывал патриотические настроения. В заключении указывается, что осуждение П. Г. Петровского в 1937 году за те действия, за которые он уже понес наказание в 1933 году, является незаконным, а осуждение его же в 1941 году необоснованным.

Военная коллегия Верховного Суда определила приговор от 1 ноября 1937 г. в отношении Петровского П. Г. отменить и дело производством прекратить. Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1941 г. был отменен за отсутствием состава преступления, и Петровский П. Г. реабилитирован полностью.

В связи с изложенным можно бы было привести еще одно свидетельство, которое взято из книги А. Анто-

пова-Овсеенко¹. Правда, за достоверность ручаться трудно, поскольку ссылки на источник нет.

«Затем,— читаем мы,— когда подошла очередь Станислава Косиора, Сталин свел его с Григорием Петровским. Этой очной ставке предшествовала беседа Председателя Украинского ЦИКа с Ежовым. Недавно по распоряжению Сталина был уничтожен старший сын Петровского, герой гражданской войны Петр, личный друг Кирова. Петровский не мог рассчитывать на милость Хозяина, но решил держаться твердо.

Ежов: Вы знали, что Косиор — враг народа, что он замышлял предательство?

Петровский: Я знал Косиора как исключительно честного и чистого человека, беззаветно преданного партии.

Ежов: Вы думаете, если партия простила вам преступления сына-троцкиста, то вам все сойдет с рук?

Петровский: Мой сын Петр тоже честный большевик. Он кое в чем не соглашался с генеральной линией, но никогда не был врагом партии.

Ежов: Ваш сын осужден как враг народа. Вы напрасно упорствуете. С партией так не разговаривают.

Вызывая к себе Петровского на очную ставку с Косиором, Сталин решил проучить упрямого Всеукраинского старосту, а заодно насладиться унижением наконец-то сломленного Косиора.

Ежов: Арестованный Косиор, расскажите об участии Петровского в контрреволюционном заговоре.

Косиор: С Григорием Ивановичем Петровским мы вступили в преступную связь в 1934 году.

Ежов: С какой целью?

Косиор: Мы решили бороться всеми средствами за отторжение Украины от Советской России...

Ежов: Какими именно средствами? Пожалуйста, уточните.

Косиор: Террор, подготовка вооруженного восстания, шпионаж...

Пока все шло гладко. Полуживой, с остекленевшим взглядом, Косиор бубнил монотонно заученные под пытками фразы. Ежов услужливо подсыпал, точно по сценарию, вопросы. Но не выдержал Петровский.

— Стасик, зачем ты клеветашь на себя и на меня?!

¹ Ангонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк. Хроника. 1980. С. 167 — 168.

Косиор мотнул головой, и Ежов тут же увел арестованного.

Рассвирепевший генсек подошел к Петровскому и произнес раздельно, проводя при этом пальцем под носом Григория Ивановича:

— А мы шпионов вешать будем? Ты думаешь, тебя спасет участие в Думе?!»

Горькая судьба не миновала и младшего сына Г. И. Петровского — Леонида. Он рано вступил в партию, в 1917 году являлся одним из вожаков Петроградского Союза молодежи, участвовал в боях, в годы гражданской войны стал профессиональным военным. После окончания Военной Академии командовал Московской пролетарской дивизией, 5-м стрелковым корпусом, войсками Среднеазиатского и Московского военных округов.

Однако в период предвоенных репрессий он был снят с должности, уволен из армии и исключен из партии. Лишь в начале Великой Отечественной войны Леонид Григорьевич был снова возвращен в армию, ранее восстановлен в партии и назначен командиром 63-го стрелкового корпуса 21-й армии. Ему присвоили звание генерал-лейтенанта, однако в августе 1941 года он погиб в боях с фашистами на территории Гомельской области Белоруссии¹.

Так что бед на Г. И. Петровского и его семью свалилось предостаточно. Вот почему в его письмах этих лет немало горечи и грусти. Так, в письме без даты в Днепропетровск (предположительно — 1939 г.) он пишет: «...сына моего Леонида восстановили в партии. Более года был исключен, добивался восстановления и добился... Мы все здоровы, хотя и выбиты из колеи... Партийно-политической жизнью я почти не живу. Привет передай всем ветеранам славной нашей партии, с которыми я во время оно в дружеской упряжке не одну борозду на ниве политической жизни вспахал, благодарные всходы теперь пожинаются»².

Из письма Г. И. Петровского на Украину от 24 января 1947 г.: «...С лета стал получать персональную пенсию 1500 руб. в месяц. При мне живут: дочь Антонина, две внучки, Лена от старшего сына и Ира от Загера

¹ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 72. Л. л. 44—45.

² См.: там же. Д. 50. Л. л. 2—4.

(зятя). Я женился на солдатке (Александра Михайловна Петровская — вторая жена, с которой он прожил почти полтора десятка лет.— *Н.В.*), двое детей и старуха мать... Загер и сын Петр где-то далеко. Жена Петра живет у меня...

За Украиной скучаю, сильно скучаю, иногда тоска до слез донимает, все-таки родина не возвратная. А может быть, собрать денег, удалось купить бы домишко, да садик с огородом завести и ждать конца жизненного пути. А старая гвардия все редет... Сегодня схоронили Землячку»¹.

Из заявления в Управление пропаганды ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1946 г.:

«Прошу зачислить меня, в виде исключения вследствие моих преклонных лет, на курсы переподготовки руководящих работников при Высшей партийной школе ЦК ВКП (б).

В настоящее время работаю зам. директора музея Революции. Эта работа меня не удовлетворяет, и я думаю, что если мне систематизировать знания, приобретенные практикой прошлой партийной работы, то я мог бы читать лекции из истории нашей партии районному и сельскому активу. Образование мое: окончил народную школу, проходил общеобразовательные вечерние курсы, учил: математику, геометрию, черчение, сопротивление материалов в элементарных началах.

Я думаю, что партии буду более полезен на этом деле. В прошлом партия на учебу меня средств не расходовала»².

Все эти годы Г. И. Петровский неустанно пишет письма в ЦК КПСС, на имя Сталина, Ворошилова и других с просьбой о пересмотре дел репрессированных родных и товарищей по работе на Украине. К сожалению, многие из писем и другие записи Г. И. Петровского автором не датированы. Особенно больно читать письма Григория Ивановича к Сталину. Ведь было время, когда Петровский в трудную минуту неоднократно помогал Сталину. Так, в письме к Р. В. Малиновскому в 1914 году в Петербург из туруханской ссылки Сталин просит помочь ему материально, неоднократно упоминая и Петровского: «...У

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 50. Л. л. 23—24.

² См.: там же. Л. 20.

меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к **Петровскому**, и к Бадаеву... Привет Бадаеву, **Петровскому**, Самойлову, Шагову, Миرونину... За все свое пребывание в Туруханской ссылке получил всего 44 руб. из-за границы и **25 руб. от Петровского**. Больше я ничего не получал. Иосиф»¹. (Подчеркнуто мной.— *В. Н.*)

Прошло 25 лет, роли поменялись. Вот как реагировал Сталин на письма Петровского.

«В начале войны я посылал письмо на Ваше имя, в котором просил освободить из тюрьмы сына Петра, но ответа не получил. **Петровский**»².

В другом письме, написанном также в годы войны Сталину, Григорий Иванович пишет: «Еще раз прошу освободить из тюрьмы Петра Петровского и Загера, дать им возможность на фронте или в тылу поработать для Красной Армии, они станут полезными и заслужат звание настоящих большевиков и патриотов СССР»³. Ответа снова нет, да и Петра уже нет, напомним, что его расстреляли 11 сентября 1941 г. (о дате и обстоятельствах смерти С. А. Загера мы материалами не располагаем).

Уже и война закончилась, уже прошло шесть лет как Петра расстреляли, но родителям всегда хочется верить в лучшее: Григорий Иванович пишет Сталину 28 августа 1947 г.— ответа нет.

8 декабря 1947 г. пишет снова Сталину:

«...Семья Петра Петровского и зятя Загера находятся на моем попечении вот уже более 10 лет. Я обращаюсь как старый большевик, у которого 50 лет партийного стажа, я плохо себя чувствую физически и прошу Президиум Верховного Совета освободить Петра и Загера и дать им возможность работать в какой-нибудь области, чтобы они взяли свои семьи, а мне бы облегчили жизнь на старости лет»⁴. Ответа, как и прежде, нет.

Прошли годы, и наконец-то органы прокуратуры сообщили о судьбе П. Г. Петровского и С. А. Загера.

¹ Цит. по: Московская правда. 1988. 3 июня. С. 3.

² ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 18. Л. 65.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 66.

В очередном письме в ЦК КПСС, уже после смерти Сталина, ответа от которого он так и не дождался, Григорий Иванович просит дать указание о пересмотре дел сына и зятя, их реабилитации и посмертном восстановлении в партии.

«Моя дочь Антонина Петровская, жена Загера С. А., — пишет он в этом письме, — а также невестка Клавдия Петровская — жена сына Петра — обе со своими детьми живут у меня, им как женам врагов народа пристанища не было. Антонина незаслуженно перенесла большие моральные и материальные лишения, а невестка Клавдия была отправлена в ссылку в Башкирию с двумя детьми. Десятимесячную дочь Елену забрали в детдом, откуда я ее потом взял и воспитывал. Состояние здоровья у Антонины и Клавдии плохое... Жены и дети несут пятно врагов народа, что не соответствует действительности и тяжело отражается на их судьбе»¹.

И еще одно письмо, написанное по свидетельству внука Григория Ивановича — Леонида Петровича Петровского — вскоре после смерти Сталина и направленное в Совет Министров СССР.

«Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову.

Ввиду обнаруженных предательских и провокаторских дел для партии и Родины, наделанных Берия, в свое время то же делалось Ежовым, требуется особо строго провести контроль над работой НКВД и МВД.

Очевидно, эти временщики слишком большую власть имели и перегибали во всех областях управления. Они немало загубили честных коммунистов, дерзнувших где-нибудь критикнуть этих сатрапов, за что превращались в «лагерную пыль».

Поэтому следует пересмотреть дела членов партии, репрессированных органами МВД и НКВД за время управления Берия и Ежовым.

Для этого создать особую авторитетную комиссию и дать ей право самостоятельно разбирать каждое дело и заявления членов партии и докладывать Президиуму ЦК КПСС.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 18. Л. 67.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, уведомить меня о получении этого письма.

Г. Петровский»
(даты нет).

В настоящее время добрые имена и родственников и товарищей по работе Г. И. Петровского восстановлены. Но это оплачено очень дорогой ценой.

На примере судьбы этого замечательного человека, который закладывал основы Наркомата внутренних дел, мы еще раз убеждаемся, что государство и народ должны проявлять величайшую бдительность в вопросе о том, каким людям вкладывать в руки острейшее оружие — дела органов внутренних дел и государственной безопасности.

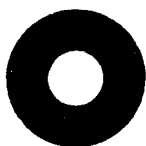
Дзержинский Феликс Эдмундович

1919—1923 гг.

1887—1926

*Дзержинский —
нарком
внутренних дел.
Самая крупная
фигура среди всех
наркомов
(министров)
внутренних дел
Советского
государства.
Вопросы
советского
строительства в
деятельности
НКВД.
Реорганизация
наркомата.
Борьба за
укрепление
законности.
Совершенствование
милиции.
Председатель
Военного совета
внутренних войск.
Исправительно-
трудовые
учреждения.*

Феликсе Эдмундовиче написано немало. Передо мной двухтомник избранных произведений самого Дзержинского, а также довольно большая стопа книг о нем. Изучены и доступные архивные документы. На слово «доступные» ударение делаю особое, так как многие из документов и сегодня, к сожалению, недоступны.

Давая общую характеристику Ф. Э. Дзержинскому, некоторые авторы называют его среди возможных преемников В. И. Ленина, если бы он пожил подольше и И. В. Сталин не узурпировал власть. В архивных документах Г. И. Петровского есть такая запись: «Если бы Дзержинский был жив, возможно, и культа личности у нас не было бы»¹.

Ныне стали широко известными пророческие слова Ф. Э. Дзержинского, который в письме к В. Куйбышеву в 1926 году предупреждал о возможном появлении в СССР диктатора — похоронщика революции. Вот текст этого письма. «Дорогой Валерьян! Я сознаю, что мои выступления могут укрепить тех, кто наверняка поведет партию в сторону гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством... Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти, и страна найдет тогда своего диктатора — похоронщика революции — какие бы красные перья ни были на его костюме... От этих противоречий устал и я»². Через 17 дней Дзержинского не стало.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

² Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1599. Л. л. 1—2.

Встает вопрос: что же можно еще сказать в дополнение к уже сказанному о «железном Феликсе»? Прежде всего то, что для нас в этом очерке он лишь нарком внутренних дел РСФСР. От всего другого мы попытаемся абстрагироваться, хотя это весьма сложно, так как Дзержинский — это единая глыба.

Ф. Э. Дзержинский, несомненно, был самой крупной фигурой среди всех наркомов (министров) внутренних дел Советского государства, хотя и его не нужно обоготворять и делать глянцевым. Он был революционером, но живым, как и все, с присущими людям сильными сторонами и недостатками. И жил он в свое время, когда рождалась революция, но позднее родился и террор, сначала против врагов, а потом и против своих, террор, об истоках которого сейчас мы так много размышляем.

Не совсем ясно, что предшествовало назначению Ф. Э. Дзержинского на пост наркома внутренних дел. По одним данным это произошло потому, что Г. И. Петровский потребовался для работы на Украине. По другим, потому, что отношения между Ф. Э. Дзержинским и Г. И. Петровским к этому времени несколько обострились и их решили развести. Г. И. Петровский уехал на Украину, Ф. Э. Дзержинский в дополнение ко всем своим делам стал еще и наркомом внутренних дел РСФСР. Наркомом внутренних дел он был свыше четырех лет — с марта 1919 до начала июля 1923 года.

О ритме работы Феликса Эдмундовича можно судить хотя бы по названию должностей, которые он занимал в этот период, а также по его общественным нагрузкам. Он член ЦК РКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР, в 1919—1925 гг. был в составе Оргбюро ЦК, а с июня 1924 года и до смерти являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б).

Продолжая оставаться руководителем ВЧК, он 30 марта 1919 г. назначается народным комиссаром внутренних дел РСФСР, а с апреля 1921 года по февраль 1924 года — еще и народным комиссаром путей сообщения. 18 августа 1919 г. решением Оргбюро ЦК ВКП(б) Ф. Э. Дзержинский утвержден начальником особого отдела ВЧК. 6 сентября 1919 г. его вводят в состав тройки Комитета обороны Москвы по проведению в жизнь мероприятий в связи с объявлением

Ф.Э. Дзержинский среди сотрудников ВЧК.

Москвы на военном положении. 21 октября 1919 г. Реввоенсовет Республики для руководства созданными к этому времени частями войск внутренней охраны образовал Военный Совет этих войск. Председателем Военного Совета был назначен Дзержинский. 19 февраля 1920 г. Совнарком утверждает Дзержинского председателем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности — Главкомтруда. В мае—августе 1920 года Дзержинский исполняет обязанности начальника тыла Юго-Западного фронта на Украине, а также входит в состав образованного в Белостоке Временного революционного комитета Польши. С 20 октября по 1 ноября 1920 г. Совет Труда и Оборона назначает его Председателем Московского комитета обороны. Характерно заметить, что на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 26 октября 1920 г. было принято решение просить тт. Дзержинского и Преображенского тратить не менее трех часов в день в ЦКК, чтобы действительно сделать ее органом партийной и пролетарской совести.

27 января 1921 г. Президиум ВЦИК утверждает Феликса Эдмундовича председателем комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей. В январе—феврале 1921 года на Украине он занимается вопросами восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса. 7 марта 1921 г. Московский комитет РКП(б) утверждает Дзержинского председателем комиссии по улучшению быта рабочих (обратите внимание, что назначают и утверждают его в разных ролях различные органы, но ведь Дзержинский—то один во всех этих лицах!).

В мае—июне 1921 года ЦК РКП(б) командировывает Дзержинского на юг России для руководства подготовкой железнодорожного и водного транспорта к предстоящим продовольственным и топливным перевозкам, а в январе—феврале 1922 года он работает в Сибири по вывозу продовольствия.

20 июня 1922 г. Совет Народных Комиссаров принимает постановление ввести Ф. Э. Дзержинского в состав Особого временного комитета науки при СНК, а 2 сентября он назначается еще и председателем комиссии СТО по борьбе со взяточничеством. В декабре 1922 года во главе комиссии Политбюро ЦК РКП(б) он выезжает для проверки деятельности Закавказского

крайкома и положения в Грузии. 30 марта 1923 г. решением СНК Феликс Эдмундович в дополнение ко всему названному утвержден председателем Комиссии по пересмотру структуры всех ведомств СССР и сокращению их штатов¹. В 1924 году он назначается председателем ВСНХ страны.

Таково лишь простое перечисление многотрудных дел, которыми занимается Ф. Э. Дзержинский в интересующий нас период. Нужно быть поистине железным и неистовым Феликсом, чтобы кругом успеть и все это выдержать.

Сам Феликс Эдмундович, заполняя учетную анкету 2 сентября 1920 г., так отвечал на вопрос: «Какую, в каких учреждениях и по сколько часов в настоящее время выполняете работу?

а) партийную — член ЦК;

б) советскую — председатель ВЧК, Народный комиссар внутренних дел»².

Совмещение многих должностей в одних руках даже такого талантливого и самоотверженного человека, как Ф. Э. Дзержинский, конечно, имело и свои отрицательные последствия. Порой он просто физически не успевал сделать все важнейшие дела из-за их многообразия, да и на состоянии его здоровья это часто сказывалось крайне отрицательно. Так, вскоре после назначения на пост наркома внутренних дел Феликс Эдмундович почувствовал, что у него практически не остается времени на наркомат. Тогда он обращается с просьбой в Оргбюро ЦК РКП(б) освободить его от всяких поручений и экстренных заседаний, так как это даст ему возможность более обстоятельно заниматься делами НКВД.

Ф. Э. Дзержинский попросил также в помощь для его работы выделить секретаря. 17 мая 1919 г. Оргбюро рассмотрело это заявление и приняло решение освободить Дзержинского от всех работ и поручений, кроме ВЧК и Наркомвнудел, и подыскать ему секретаря³.

Однако, как видно из приведенного выше перечня, различные поручения продолжались, в том числе и в

¹ См.: Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в двух томах. М., 1977. Т. 1. С. 477—482.

² ЦПА ИМЛ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 7. Личное дело Ф.Э. Дзержинского.

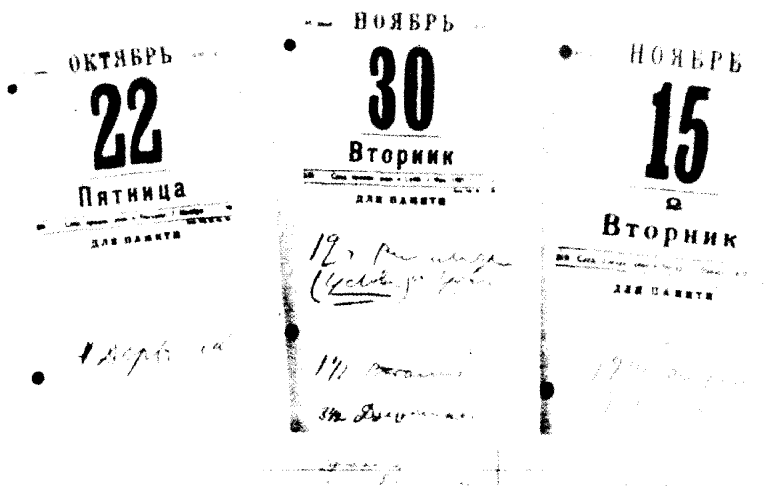
³ По материалам ЦПА ИМЛ.

ущерб делам НКВД. Известно, например, что одной из обязанностей наркома, важнейшей формой реализации им своих полномочий и вовлечения в активную деятельность ближайших помощников и подчиненных является руководство работой коллегии: выбор для рассмотрения наиболее значимых вопросов, обеспечение глубины их подготовки, личное участие и руководство дискуссиями на заседаниях, контроль за реализацией принятых решений. К сожалению, Ф.Э. Дзержинскому в отношении Коллегии НКВД, судя по документам, в силу исключительной перегруженности, это далеко не всегда удавалось. Это и не удивительно, так как, не считая других дел и заседаний, одних коллегий, которыми ему следовало руководить по должности, было три (ВЧК, НКВД, а позднее и НКПС).

В течение 1919 года, начиная с марта, когда Феликс Эдмундович был назначен наркомом внутренних дел, ему, хотя и не так часто, но все же удавалось быть на заседаниях Коллегии НКВД. Правда, с 6 сентября 1919 г. по 17 января 1920 г., т. е. более чем за 4 месяца, протоколов коллегии в архивных документах мы не нашли. Не исключено, что они в это время не проводились совсем. В 1920 году, судя по обнаруженным документам, Ф. Э. Дзержинский был на заседании Коллегии НКВД лишь один раз — 2 апреля. В 1921 году Феликс Эдмундович, по нашим подсчетам, отсутствует на заседаниях коллегии в общей сложности 11 месяцев. В 1922 году он не принимал участия в работе Коллегии НКВД совсем¹.

Фактически в периоды отсутствия Ф.Э. Дзержинского делами НКВД руководил в 1919—1921 гг. заместитель наркома Михаил Федорович Владимирский (1874—1951 гг.) — видный революционер, сотрудничавший в «Искре», партийный и государственный деятель. На VII съезде РКП (б) он был избран членом ЦК, в 1919—1921 гг. являлся членом Президиума ВЦИК. В ноябре 1921 года ему по предложению Ф. Э. Дзержинского предоставляется отпуск по болезни, после которого он был направлен для работы на Украину, а заместителем наркома внутренних дел РСФСР назначается Александр Георгиевич Белобородов. В

¹ Подсчитано нами (В.Н.) на основании фондов ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 19. Д. 2. Оп. 26. Д. 206.

Листки из календаря с пометками В.И. Ленина.
Ф.Э. Дзержинский и Г.К. Орджоникидзе. Сухуми. 1922 год.

1921—1923 гг. он занимается делами НКВД как замнаркома, а затем стал наркомом внутренних дел, о чем мы расскажем в следующем очерке. Как заместитель наркома А. Г. Белобородов был утвержден председателем административной комиссии ВЦИК.

Посмотрим на опубликованные произведения Ф. Э. Дзержинского с позиций того, о чем он писал в период, когда был наркомом внутренних дел. С апреля 1919 года по июнь 1923 года в двухтомнике избранных произведений Ф. Э. Дзержинского опубликовано 47 его работ. Из них в 12-ти речь идет о деятельности ВЧК (значит, здесь он выступает как Председатель ВЧК); 24 произведения посвящены проблемам транспорта (это тоже понятно, так как Феликс Эдмундович — нарком путей сообщения); 5 написаны в период его пребывания на Украине в 1920 году в качестве начальника тыла Юго-Западного фронта и члена Польревкома; 6 других работ по общеполитическим и хозяйственным проблемам (доклад на XII съезде РКП(б) в секции по организационному вопросу о взаимоотношениях между РКИ и ЦКК, обращение Комиссии ВЦИК о помощи детям, о деятельности Совета Обороны г. Москвы, об улучшении быта рабочих, о первомайском субботнике за подписью Предглавкомтруда Ф. Дзержинского, по топливному вопросу).

Таким образом, по делам Наркомата внутренних дел фактически нет ни одной работы, да и само слово «НКВД» в этих трудах не упоминается.

Надо сказать, что и на других участках в силу сложности общей обстановки, а также занятости Ф. Э. Дзержинскому далеко не всегда удавалось иметь такие результаты, какие бы хотелось. Например, 9 мая 1923 г. заместитель наркома путей сообщения В. В. Фомин пишет Ф. Э. Дзержинскому как руководителю НКПС такое письмо: «...Ведь не придется закрывать глаза, что после ухода Троцкого (конец 1920 года) с транспорта транспортное хозяйство не только не продвинулось вперед (за исключением некоторых эксплуатационных коэффициентов), но даже не задержалось на одном уровне и имеет тенденцию опять начать спускаться вниз»¹.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 1649. Л. 6.

Л. Д. Троцкий свидетельствует о том, что в начале 20-х годов у Ф. Э. Дзержинского якобы не совсем складывались отношения с В. И. Лениным. Троцкий, в частности, пишет: «Между Лениным и Дзержинским также произошло охлаждение. Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но его качеств не всегда хватало для тех задач, которые ложились на него. Он был неизменным членом ЦК, но в эпоху Ленина не могло быть и речи о включении его в Политбюро. В 1921 или, может быть, 1922 году Дзержинский, крайне самолюбивый, жаловался мне с нотой покорности к судьбе в голосе, что Ленин не считает его политической фигурой. Я старался, разумеется, как мог, рассеять это впечатление. «Он не считает меня организатором, государственным человеком», — настаивал Дзержинский. «Из чего вы это заключаете?» — «Он упорно отказывается принять мой доклад как народного комиссара путей сообщения». Ленин, видимо, не был в восторге от работы Дзержинского на этом посту.

Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом. Для приведения в порядок путей сообщения этого было явно недостаточно. В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной мере обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих»,¹ — заканчивает Троцкий.

Однако с учетом рассмотренных обстоятельств Ф. Э. Дзержинским на посту наркома внутренних дел РСФСР сделано немало. При его непосредственном участии были разработаны важнейшие нормативные акты. Это прежде всего подписанный В.И. Лениным декрет СНК от 3 апреля 1919 г. «О советской Рабоче-Крестьянской Милиции», а также «Положение о Рабоче-Крестьянской Милиции», утвержденное ВЦИК 10 июня 1920 г. и «Положение об НКВД РСФСР», утвержденное ВЦИК 24 мая 1922 г.

На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) только с декабря 1919 по ноябрь 1921 года более десяти раз

¹ Л. Троцкий. Сталин. М., Политиздат, 1990, т. 2, с. 197.

обсуждались вопросы о деятельности НКВД и его подразделений¹.

Важное место в деятельности наркомата продолжали занимать вопросы советского строительства. Положением об НКВД РСФСР функции центрального аппарата этого наркомата в области советского строительства были определены так: «Наблюдение за организацией и деятельностью местных органов управления в качестве исполнительного аппарата Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»².

О характере вопросов, которыми занимался НКВД РСФСР в то время под руководством Ф. Э. Дзержинского, дает представление следующий отчет, направленный Наркоматом внутренних дел в ЦК РКП(б) за октябрь 1922 года³. В числе основных направлений деятельности НКВД в области административной работы названы: надзор в ведомственном порядке за текущей деятельностью на местах; регулирование торговли; налоги, реквизиции и конфискации; регистрация обществ и союзов; запрещение игр в карты и лото; работа по регистрации населения; оформление паспортов на выезд за границу; вооружение ведомственной охраны; редакционно-издательская работа (НКВД к этому времени издавал журналы «Власть Советов» (тираж 5 тыс. экз.), «Еженедельный бюллетень» (5 тыс. экз.), «Коммунальное дело» и «Рабоче-Крестьянская милиция»).

И только после перечисления всех названных вопросов, которые выдвигались на первое место, в документе речь идет о проблемах милиции и мест заключения. Этим хотелось бы еще раз подчеркнуть, что карательные функции занимали далеко не главенствующее место в органах Наркомата внутренних дел того времени.

Большое внимание Феликс Эдмундович уделял совершенствованию структуры аппарата. Объединение руководства ВЧК и НКВД в лице Дзержинского способствовало дальнейшему улучшению координации деятельности этих органов, хотя на данный счет были

¹ См.: Янин Ю. С. Деятельность Феликса Эдмундовича Дзержинского на посту народного комиссара внутренних дел. Канд. дисс. М., 1984. С. 30.

² СУ РСФСР. 1922. № 33. Ст. 386.

³ См.: ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 396. Л. л. 4—17.

и другие мнения, которые мы в последующем рассмотрим.

11 июня 1919 г. Коллегия НКВД РСФСР обсудила доклад Ф. Э. Дзержинского «О предстоящей реорганизации НКВД». В постановлении коллегии была признана необходимость в ближайшее время реорганизовать НКВД, при этом в отдел управления влить соответствующий отдел ВЧК; финансовый отдел объединить с финансовым отделом ВЧК и Центропланбежа; ветеринарный отдел передать в Наркомзем, а бюджетный подотдел отдела местного хозяйства — в Наркомфин¹. На заседании Коллегии НКВД 18 января 1921 г. принимается решение об объединении отделов пропусков НКВД, ВЧК и ВЦИК в один орган². Это, несомненно, была серьезная попытка и объединить усилия двух родственных ведомств, и сократить расходы в жестких условиях тех лет.

Окончание гражданской войны поставило в повестку дня необходимость реорганизации ВЧК и ее органов с позиций сужения их компетенции и усиления начал законности. 6 февраля 1922 г. ВЦИК упразднил органы ВЧК, передав их уточненные и суженные функции созданному при НКВД Государственному политическому управлению (ГПУ) под руководством Ф. Э. Дзержинского. Таким образом, с этого времени и до ноября 1923 года, т. е. около двух лет, органы госбезопасности впервые в истории Советского государства были полностью объединены в одном ведомстве с органами внутренних дел. Это был принципиальный, совершенно новый момент с далеко идущими последствиями, хотя в литературе он представляется как один из многочисленных очередных реорганизаций. После ухода Ф. Э. Дзержинского с поста руководителя НКВД эти органы снова разделяются. В связи с декретом ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. о создании Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) ГПУ вышло из состава НКВД РСФСР.

В последующие годы органы госбезопасности и внутренних дел неоднократно объединялись и разъединялись.

Некоторые авторы склонны искать основания этих

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 19. Л. 136 об.

² См.: там же. Оп. 26. Д. 20 б. Л. 5.

реорганизаций в изменении исторических условий, потребностях общественного развития и т. д. Мы полностью не можем отрицать такую точку зрения. Однако по нашему мнению, все реорганизации часто осуществлялись в интересах не столько общества, сколько приспособления к деловым качествам руководителей (как это было с Ф. Э. Дзержинским) или обуславливались непомерными личными амбициями и стремлением узурпировать власть, как это было с И. В. Сталиным и исполнителями его воли Ягодой, Ежовым, а также с Берией.

Если оценивать эти реорганизации с точки зрения состояния законности в советском обществе в различные исторические периоды, то, как нам представляется, на сложном общем фоне наиболее благоприятные периоды приходится все-таки на время, когда органы госбезопасности и внутренних дел существовали раздельно.

Вопросы укрепления законности были острыми для Советского государства на всех этапах его развития, в том числе и в период деятельности Ф. Э. Дзержинского на посту наркома. Партия и государство, особенно при В. И. Ленине, уделяли им постоянное и неослабное внимание, однако в силу остроты обстановки проблем здесь и во времена Ф. Э. Дзержинского было немало. При оценке реального состояния законности в первые годы Советской власти точки зрения нередко высказываются самые полярные: от открыто враждебных до апологетических.

Вот как оценивает, например, один из писателей-эмигрантов Роман Гуль создание ВЧК. На заседании Совнаркома 20 декабря 1917 г. автор приписывает Ф. Э. Дзержинскому следующую речь: «Революция всегда сопровождается смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ишу формы революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть — чья возьмет?! И я требую одного — организации революционной расправы!» — криком заканчивал свою речь изможденный, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское пальто монаха». Ниже автор

пишет: «Протокол этого заседания хранится в Кремле, как реликвия, ибо «наспех записан самим товарищем Лениным: — Назвать комиссию по борьбе с контрреволюцией — Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров и утвердить ее в составе: — председатель т. Дзержинский...»

С этого дня Дзержинский занес над Россией революционный меч... Связав с именем Феликса Дзержинского странное лихолетье своей истории, Россия надолго облилась кровью»¹.

Эта книга, а также ее переиздание на французском языке в 1938 году с дополнением главы о Ежове, хранилась ранее в спецхране библиотеки имени В. И. Ленина. Автор приписывает своим героям множество речей, закавычивает их вроде как бы подлинные, но ни одной ссылки на источник не дает. Это и не удивительно. По нашему мнению, закавычивание является лишь художественным домыслом автора. Иначе как объяснить такие, например, опусы. Дзержинский так разъяснял сущность своей деятельности. «ЧК не суд, ЧК — защита революции, она не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, ЧК должна заботиться только об одном, о победе, и должна побеждать врага, **даже если ее меч при этом попадет случайно на головы невинных**»² (подчеркнуто нами. — В. Н.).

На самом деле нигде в подлинных доступных нам документах мы таких высказываний не найдем. Если анализировать более широкий спектр имеющихся в нашем распоряжении источников, дело обстоит далеко не так. Конечно, шла гражданская война, конечно, были насилия и расправы. В 1988 году впервые в печати опубликованы шесть писем В. Короленко к А. Луначарскому, написанные в 1920 году, в которых также дана резко отрицательная оценка деятельности чрезвычайных комиссий за внесудебную расправу над людьми³.

Остро критикует насилие и жестокость в первые годы Советской власти и А. М. Горький в его также

¹ Гуль Роман. Дзержинский — Менжинский — Петерс — Лацис — Ягода. Париж. 1936. С. 12—13.

² Там же. С. 52.

³ См.: Владимир Короленко. Письма к Луначарскому// Новый мир. 1988. № 10.

опубликованных письмах к различным лицам, в том числе и к Ф. Э. Дзержинскому¹.

Все это было. Но было и большое стремление со стороны здоровых сил в партии и молодой Советской власти ограничить по возможности террор и репрессии. Можно было бы привести множество доказательств на этот счет из официальных источников. Но мы за краткостью ограничимся лишь некоторыми зарисовками о деятельности и взглядах самого Ф. Э. Дзержинского по этому поводу.

Бывший командир корпуса ВЧК В. Каменщиков вспоминает один эпизод, относящийся к 1918 году. Однажды глубокой ночью во время своего дежурства он увидел Феликса Эдмундовича. Выяснилось, что тот направился в одну из комнат, чтобы поговорить с арестованным.

— Завтра будем рассматривать его дело на коллегии,— сказал он,— а мне не все ясно...

..Утром, когда открылось заседание, Ф. Э. Дзержинский стал задавать следователю вопросы, характер которых свидетельствовал о знании всех обстоятельств дела. Из ответов следователя выяснилось, что он в деле не разобрался.

Речь шла об одном специалисте. Контрреволюционеры пытались если не втянуть его в свою организацию, то хотя бы скомпрометировать перед советскими органами... К заговорам он не имел никакого отношения. Его немедленно освободили².

В приказе Президиума ВЧК № 21 от 28 февраля 1920 г., подготовленном при непосредственном участии Ф. Э. Дзержинского, говорилось: «Прежде чем арестовать того или иного гражданина, необходимо выяснить, нужно ли это. Часто можно не арестовывая вести дела, избрав мерой пресечения: подписку о невыезде, залог и т. д. и т. п., а дело вести до конца. Этим ЧК достигает того, что будут арестованы только те, коим место в тюрьме, и не будет ненужной и вредной мелочи, от которой только одни хлопоты, загромождение ЧК, что лишает ЧК возможности заниматься серьезным делом...»³.

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 239—249.

² Зубов Н.И. Ф.Э. Дзержинский. М., 1963. С. 225—226.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1140.

Правда, ради истины надо сказать, что не все обстояло хрестоматийно гладко. 29 января 1924 г., уже после ухода Ф. Э. Дзержинского с поста наркома внутренних дел, он пишет записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой предлагает руководство всей борьбой с бандитизмом — как политическим, так и уголовным — возложить с целью ее усиления на ОГПУ и его местные органы, подчинив для этой цели ОГПУ оперативно органы уголовного розыска и милиции. К этой части данного документа мы возвратимся в очерке о А. Г. Белобородове. Однако в записке речь шла также о том, чтобы предоставить право ОГПУ внесудебного разрешения дел по обвинению в бандитизме не только лиц, захваченных с оружием, но и вообще принимавших участие в бандналетах¹.

Конечно, бандитизм — сложное явление, и борьбу с ним нужно было вести только решительными методами. Но предложение Ф. Э. Дзержинского о расширении внесудебного преследования встретило вполне обоснованные энергичные возражения. Ведь на дворе был уже 1924 год, т. е. после революции прошло более шести лет.

В отзыве на эту записку Народного комиссариата иностранных дел СССР, подписанном Г. В. Чичериным и направленном в Политбюро ЦК РКП(б), указано: «Дальнейшее расширение прав ОГПУ на внесудебное разрешение дел коллегия НКВД считала бы опасным». А вот что говорится в отзыве на этот же документ Народного комиссариата юстиции СССР за подписью Н. В. Крыленко: «Считаю необходимым категорически высказаться против пункта третьего предложения т. Дзержинского (о внесудебном разрешении дел — *В.Н.*). ...За последнее время ОГПУ усвоил себе практику расширять свою подсудность путем обращения к Президиуму ЦИК за разрешением рассмотреть то или иное дело в несудебном порядке, причем сначала рассматривает дело и выносит приговор, а потом просит ЦИК утвердить этот приговор».

Но то ли время было еще тревожное, то ли с личностью Ф. Э. Дзержинского очень считались, то ли уже начинали проглядываться определенные черты

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.

И. В. Сталина, а скорее всего, наверно, и то, и другое, и третье, тем не менее 14 февраля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) согласилось с предложениями Ф. Э. Дзержинского. 28 апреля 1924 г. такое же решение принял Президиум ЦИК СССР.

А вот еще одно свидетельство частного лица по той же проблеме, но относящееся к более раннему времени. 11 июля 1918 г. опытный юрист В. А. Жданов обратился с докладной запиской к управляющему делами Совета Народных Комиссаров, в которой изложил свое мнение о некоторых сторонах деятельности ВЧК. Он, в частности, указывал:

«Я беру на себя смелость сделать некоторые выводы из моих наблюдений за деятельностью Чрезвычайной Комиссии.

Чрезвычайная Комиссия взяла на себя деятельность прежних охранного и сыскного отделений.

Вместе с этим она восприняла те же методы деятельности и тот же способ производства дел. Полная безгласность и тайна производства, недопустимость защиты и отсутствие права обжалования.

Но есть черты, отличающие в невыгодную сторону деятельность Комиссии от деятельности отделений. Комиссия обладает гораздо большими полномочиями. Она не только производит дознания и следствия, но и решает дела сама, применяет даже смертную казнь. Поэтому над ней нет контролирующего органа, который был над отделениями.

Она принципиально допускает провокацию.

И, наконец, как это ни странно, состав ее гораздо невежественнее состава бывших охранных и сыскных отделений.

Особенно невежествен был в момент моего с ним знакомства Отдел по борьбе с контрреволюцией. Во главе его стоял Полукаров, человек безукоризненно честный, в высокой степени искренний, но глубоко невежественный в вопросах общественных движений в России.

Такое же невежество проявляли следователи по делам спекулятивным и преступлениям по должности.

На моих глазах одно очень крупное дело о банковских злоупотреблениях вели последовательно два сле-

дователя, Деляфар и Хуторян,— поэты-футуристы, оба очень порядочные люди, но до смешного невежественные в банковских вопросах.

Не умея разобраться в деле, путаясь в нем, такие следователи разрешают гордые узлы наложением громадных штрафов и конфискации, выгодных для агентов, и этим заканчивают дела, не стараясь далее отыскивать виновных...

Отсутствие контроля, право решения дела, отсутствие защиты, гласности и права обжалования, допущение провокации неизбежно приводит и будет приводить Комиссию к тому, что в ней соведут гнездо себе люди, которые под покровом тайны и безумной, бесконтрольной власти будут обдирать свои личные или партийные дела.

И практика Комиссии подтверждает все это...

Я утверждаю, что деятельность Чрезвычайной Комиссии необходимо будет являться сильнейшим дискредитированием Советской власти. Единственное средство уничтожить вредные стороны деятельности Комиссии — это лишить Комиссию права самостоятельно решать дела, обязав ее каждое слово в определенный срок представлять в соответствующий трибунал для гласного разбирательства и допустить защиту к участию в дознаниях, производимых Комиссией»¹.

Пишу эти строки и как бы переношусь из 1924-го в сегодняшний день. Вопросы укрепления законности и в наши дни также остры и актуальны, как они выглядели и тогда. Сегодня нас волнуют по крупному счету многие аспекты создания правового государства.

Полагаю, что лишь при повседневном внимании компетентных органов, всестороннем учете глубинных интересов народа, широком развитии демократии и гласности эти вопросы могут найти рациональное разрешение.

Так переплетаются история и современность.

Важной составной частью деятельности наркомата в 1919—1923 гг. была работа по совершенствованию милиции. Продолжался процесс ее укрепления, однако

¹ Подикарпов В. О чем предупреждал гражданин Жданов. Московские новости. 1989. № 14. С. 16.

годы были сложные, поэтому и становление милиции шло непросто. Феликс Эдмундович направлял всю эту деятельность, а также принимал в ней посильное личное участие. Так, на заседании Коллегии НКВД 18 января 1921 г., в работе которой участвовал и Ф. Э. Дзержинский, было принято решение об объединении командования войск ВЧК и милиции в центре в одном лице (В. С. Корнев) с двойным подчинением¹.

Вот как охарактеризовал В. С. Корнев проблемы милиции в одном из документов 1922 года:

«Трудности работы по милиции заключаются в том, что милиция не смогла выявить существо своего назначения.

а) Инструкция о Рабоче-Крестьянской милиции, подписанная бывшим наркомом внутренних дел Петровским и определявшая более или менее точно функции милиции, по объективным условиям нашей действительности не привилась.

б) До последнего момента милиция не имела точно очерченного круга обязанностей, который то расширялся, то суживался, в особенности на протяжении последнего года, в силу целого ряда постановлений центральных органов власти, а равно и местных исполкомов.

в) Многочисленность функций и неустойчивость их исключали возможность говорить о твердом и положительном уставе для милиции, что создавало безответственность при несении службы.

Выводы: нужно выработать «Положение» о милиции, которое прочно и детально определило бы назначение ее и которое оградило бы милицию от различного понимания и толкования основных ее функций»².

Как обеспечить революционный порядок в стране ограниченными силами милиции при острой нехватке оружия, боеприпасов, пищи, обмундирования, обуви, предметов снаряжения, нерегулярной выдаче мизерного денежного довольствия, большой текучести кадров? В каких организационных формах и на каком бюджете содержать милицию, как

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 26. Д. 206. Л. 5.

² Там же. Л. 215.

наиболее плодотворно организовать для нее подготовку кадров? Как изжить такие имевшие, к сожалению, место явления среди части работников милиции, как грубое обращение с населением, пьянство, совершение краж, присвоение вещей, производство самовольных обысков, взятки?

Эти и многие другие сложные вопросы решались в то время, исходя из реальных условий и возможностей.

И в заключение краткого раздела о милиции приведем для сопоставления с последующими периодами несколько цифр. Осенью 1919 года в милиции РСФСР работало около 88 тыс. человек, на 1 октября 1923 г. около 94 тыс. (Для сравнения: число полиции в царской России на этой же территории составляло около 140 тыс. человек, т. е. почти в 2 раза больше.) В 1919 году по далеко неполным данным общее число учтенных преступлений в РСФСР составило 99,5 тыс., из них было раскрыто 51%, в 1920-м — соответственно 322,8 тыс. и 57%.

Немало усилий приложил Ф. Э. Дзержинский на посту председателя ВЧК, наркома внутренних дел и в последующие годы к созданию и укреплению войск ВЧК — ОГПУ — НКВД. Это отдельная большая страница его деятельности. Ее не уложишь в краткую строку, но хотя бы напомнить об этом следует. Проблема эта за последние годы в значительной мере исследована, занимался ею и я¹.

В целях краткости остановимся лишь на некоторых частных моментах.

Уже первые дни существования Советской власти показали, что для утверждения нового строя нужны были не только органы государственного управления, армия и флот, но и специальные силы, предназначенные для предупреждения контрреволюционных выступлений внутри страны и борьбы с ними, установления и поддержания революционного порядка на местах, охраны важных государственных учреждений и предприятий, железнодорожных сооружений и других объектов, налаживания продовольственного дела, конвоиро-

¹ См.: Некрасов В.Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917—1977. М., 1980.

вания и охраны контрреволюционных элементов и уголовных преступников.

В условиях гражданской войны и контрреволюции эти задачи невозможно было решить без специальных органов и наличия в их распоряжении вооруженных формирований. Вот почему было принято решение о создании специальных войск, позднее получивших название «внутренние войска»¹.

Создание внутренних войск социалистического государства было не единовременным актом, а процессом, занявшим весь 1918 год и часть 1919 года. В момент возникновения и в последующее время внутренние войска были неоднородны. Главной составной частью, их ядром явились войска ВЧК. Деятельность органов Всероссийской чрезвычайной комиссии сразу же показала необходимость иметь в их распоряжении постоянную вооруженную силу. В связи с этим в конце 1917—начале 1918 года началось формирование первых вооруженных отрядов ВЧК.

Так, 26 декабря 1917 г. в распоряжение ВЧК прибыл отряд свеаборжцев, состоящий из активных участников Октябрьского вооруженного восстания, а в начале 1918 года — еще несколько отрядов. В числе их был отряд самокатчиков, в который входили солдаты бывшего самокатного батальона царской армии, перешедшего на сторону революции. Этот батальон еще накануне революции был вызван Керенским с фронта в Петроград для подавления вооруженного восстания в столице. Однако в дни октябрьских боев революционно настроенные самокатчики повернули свое оружие против буржуазии. После победы революции наиболее стойкие солдаты этого отряда добровольно изъявили желание служить в ВЧК. 27 марта 1918 г. 72 человека из этого отряда были откомандированы из Петроградского военного округа в ВЧК.

¹ Термин «внутренние войска» обычно употребляется в двух значениях. В узком смысле внутренними войсками с января 1942 года именовались части НКВД оперативного предназначения. В широком смысле под внутренними войсками понимаются войска ВЧК—ОГПУ — НКВД—МВД, кроме пограничных войск. Именно в таком значении термин «внутренние войска» употреблялся в Законах о всеобщей воинской обязанности 1939 и 1967 гг. Такая же трактовка этого понятия дана в Советской Военной Энциклопедии.

8 апреля 1918 г. Ф. Э. Дзержинский обратился с письмом к командующему Московским военным округом, в котором просил для борьбы с контрреволюцией и хулиганством предоставить Красный советский финляндский отряд в полное распоряжение ВЧК и не использовать его силы для других целей. Вскоре этот и другие отряды поступили в распоряжение Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 14 мая 1918 г. ВЦИК сообщил ВЧК, что прибывающий из Твери отряд партизан в количестве 70 человек поступает в состав отряда Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Так постепенно создавалась вооруженная сила для обслуживания ВЧК.

24 февраля 1918 г. ВЦИК принял постановление о формировании первого автоброневоего отряда при ВЦИК. Сначала он не входил в ВЧК, а предназначался для охраны правительства и подавления внутренней контрреволюции. Комплектовался отряд добровольцами, преимущественно из рабочих Петрограда. После смерти Я. М. Свердлова отряд получил наименование «Автобронепотряд имени Я.М. Свердлова» и в 1921 году вошел в состав войск внутренней службы Республики.

В марте 1918 года постановлением ВЧК все отдельные отряды были объединены в боевой отряд ВЧК. Тогда же Всероссийская чрезвычайная комиссия обратилась со специальным письмом к местным Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, предложив им наряду с организацией Чрезвычайных Комиссий создавать при них вооруженные отряды. Такие отряды при местных ЧК создавались и ранее. Например при Ярославской губчека был сформирован так называемый летучий отряд, в который вошли 30 лучших красногвардейцев под командованием коммуниста Лютова.

Против создания войск ВЧК активно выступил Троцкий, бывший в то время наркомом по военным и морским делам. Он предлагал специальных войск не создавать, а в каждом конкретном случае выделять по просьбе чрезвычайных комиссий необходимую военную силу из Красной Армии. На деле такой подход вел к обезоруженности ЧК. Вот что вспоминал в связи с этим

Ф.Э. Дзержинский в рабочем кабинете.
Телеграмма Ф.Э. Дзержинского В.И. Ленину. 1921 год.

первый начальник штаба войск Всероссийской Чрезвычайной Комиссии В. В. Каменщиков: «...после принятия решения о создании войск ВЧК предстояла напряженная борьба за войска, надо было побороть сопротивление Троцкого и его сторонников. Только благодаря вниманию В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского удалось выполнить эту задачу.

Когда встал вопрос о формировании войск, то Троцкий стал доказывать «нецелесообразность» их создания, утверждая, что это приведет к «двоевластию» военного ведомства и ВЧК. Он даже обратился по этому поводу с письмом в ЦК партии. Дзержинский страшно возмутился затяжкой дела и предложил вместе с ним съездить в Военное ведомство. Там Феликс Эдмундович высказал свой взгляд на структуру и состав отрядов ВЧК. Но Троцкий твердил свое. Не подействовало и наше обещание, что в случае необходимости усилить Красную Армию батальоны ВЧК можно будет свести в полки.

Тогда решили создать совещание из представителей Военного ведомства, Московского военного округа и ВЧК. Совещание единодушно поддержало Дзержинского. Троцкому пришлось ретироваться и снять свое предложение в ЦК...»¹.

Были и другие возражения против создания войск ВЧК. Так, Всероссийский съезд начальников управлений милиции принял решение об образовании вооруженных отрядов при управлениях милиции. Существование же отрядов чрезвычайных комиссий съезд считал излишним, предлагая комиссиям в качестве вооруженной силы использовать милицию. Некоторые губернские исполкомы на основании такого постановления съезда стали упразднять или сокращать численность батальонов губернских чрезвычайных комиссий до 100—200 человек.

Назрела необходимость законодательно закрепить целесообразность создания войск ВЧК. Это было сделано по настоянию Ф. Э. Дзержинского в Положении о чрезвычайных комиссиях, утвержденном ВЦИК 28 октября 1918 г. В этом документе, подписанном

¹ Пограничник. 1957. № 20. С. 25.

Я. М. Свердловым, указывалось, что Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и все местные чрезвычайные комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов. Их величина на местах устанавливается местными исполкомами по соглашению с ВЧК. Все отряды находятся под контролем и на учете Революционного военного совета Республики.

Выше указывалось, что Ф. Э. Дзержинский был утвержден председателем Военного совета этих войск. Совет, правда, существовал не очень долго. Но характерным является его регламент, выработанный при участии Феликса Эдмундовича: доклады по принципиальным вопросам — 10 минут, по текущим — 5 минут, выступления по принципиальным вопросам — 5 минут, по текущим — 3 минуты, конкретные предложения — 5 минут. За опоздание более чем на 5 минут в первый раз следовал выговор, во второй — удержание суточной зарплаты в пользу красноармейских семей.

С этим документом перекликаются и решения, принятые Коллегией НКВД 5 февраля и 5 марта 1923 г. об опоздавших на заседания. Было определено, что опоздания на заседание Коллегии не допускаются. Опоздавшие немедленно по окончании заседания вносят соответствующий штраф в помощь голодающим. Опоздавшие на 15 минут штрафуются на 10 руб., на 30 минут — 15 руб., свыше 30 минут или отсутствующие на заседании без достаточно уважительных причин — 25 руб.¹

Вот так вырабатывалась новая государственная дисциплина. Идея такой борьбы в измененном виде, наверно, может быть использована и сегодня.

В период, когда руководство НКВД возглавлял Ф. Э. Дзержинский, сложилась система исправительно-трудовых учреждений в стране. Сначала места заключения были рассредоточены по различным ведомствам: часть из них находилась в ведении Народного комиссариата юстиции, а часть — НКВД. Осенью 1922 года было принято решение о передаче в ведение Наркомата внутренних дел всех мест заключения. В составе

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 26. Д. 206. Л. л. 322 об, 359.

наркомата создано Главное управление мест заключения (ГУМЗ).

К сентябрю 1923 года в 355 местах заключения РСФСР содержалось 79 947 заключенных, из них были осуждены за убийство — 6,3%, за телесные повреждения и насилия над личностью — 2,8, преступления в области половых отношений — 0,9, простые кражи — 38,0, квалифицированные кражи, грабежи и разбои — 12,3, прочие имущественные преступления — 3,0, преступления по должности — 8,0, подделку государственных знаков (денежных и др.) — 0,7, преступления против налоговых, трудовых, воинских и других повинностей — 2,3, прочие преступления против порядка управления — 4,3, государственные преступления — 4,8, воинские преступления — 7,1%¹.

Обычно при упоминании об исправительно-трудовых учреждениях у читателей чаще всего возникает негативное к ним отношение, основанное на имевших место массовых репрессиях и других нарушениях законности, особенно в 30-е годы. Да, это было, и это никогда не должно повториться. Но пока в обществе имеют место уголовные преступления, будут существовать и учреждения, в которые по решению суда таких преступников отправляют для отбытия срока наказания, изоляции от общества с тем, чтобы злостные из них не натворили новых бед, а по возможности — исправились.

Ф. Э. Дзержинский приложил немало усилий к закладыванию основ советской системы исправительно-трудовых учреждений в целях защиты интересов народа от посягательств преступников.

В исправительно-трудовые учреждения направляли главным образом людей, действительно совершивших уголовные преступления, хотя там содержалась какая-то часть и тех, кто не принял Советскую власть, выступал в различных формах против нее.

За период своей работы мне довелось повидать немало таких учреждений. Обращает внимание прежде всего высокая самоотверженность работающих там людей, их мужественность, соучастное и сопереживательное отношение к чужому горю, стремление прийти

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 39. Д. 48. Л. л. 13—14.

на помощь осужденному с целью его поддержки и исправления, неприхотливость к материально-бытовым условиям со стороны сотрудников ИТУ и членов их семей. Конечно, в процессе повседневной работы отдельные из них в чем-то и грубеют, у кого-то появляются элементы профессиональной деформации, а в годы массовых репрессий немало работников этой сферы, чувствуя безнаказанность, становились на путь грубых нарушений законности. Такие явления совершенно недопустимы, борьба с ними и впредь должна быть бескомпромиссной. Однако несправедливой является попытка ряда авторов представить работников ИТУ, военнослужащих внутренних войск, охраняющих эти учреждения, как людей бездушных, черствых.

Читаем документы и видим, что судьбы людей поистине неисповедимы. На заседании Коллегии НКВД РСФСР 3 апреля 1919 г. под руководством Ф. Э. Дзержинского было принято решение об организации в составе наркомата Главного управления лагерями принудительного труда и утверждении членами коллегии этого главка т.т. Кедрова, Розенталя и Гринталя (в большинстве документов того времени проставлять инициалы к фамилиям было не принято).

Прошли годы. Михаил Сергеевич Кедров, немало поработавший на довольно высоких постах, сам стал жертвой сталинского произвола. Вот его письмо в ЦК партии.

«Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры дефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-provokator царской охранки; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я — старый, не запятанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается.

Умереть в советской тюрьме заклеянным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняет мое сердце! Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! — восклицаю я. Ни партия, ни Советское правительство, ни народный комиссар Л. П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток — было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю»¹.

Однако по указанию Берии М. С. Кедров был расстрелян.

В заключение очерка о Ф. Э. Дзержинском хотелось бы на основе имеющихся в распоряжении материалов рассказать о состоянии его здоровья в связи с перечисленными выше исключительно большими нагрузками в работе и о той заботе, которую проявлял к нему В. И. Ленин.

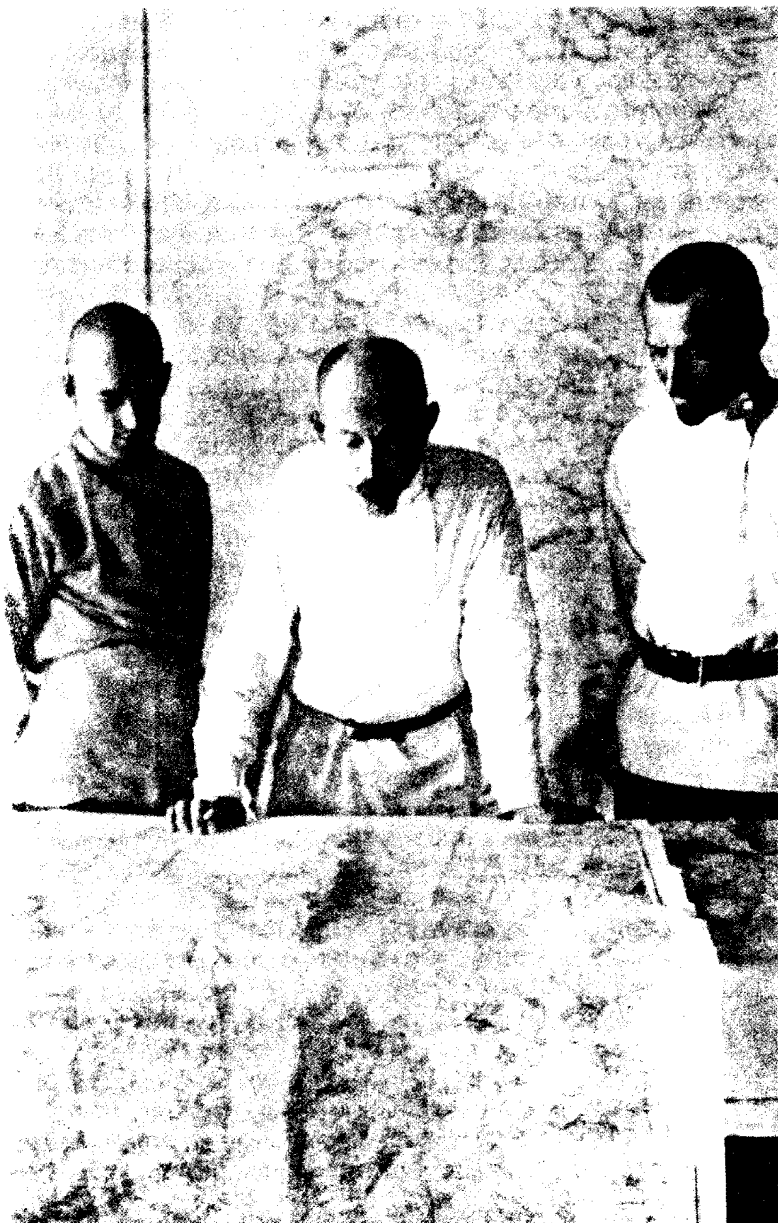
19 июля 1919 г., т. е. через 4 месяца после назначения Феликса Эдмундовича руководителем НКВД, Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании среди других рассмотрело вопрос об отпуске т. Дзержинского и приняло решение ускорить его отправку на отдых, обеспечив ему такое место пребывания, где бы он действительно мог отдохнуть.

А предшествовало этому, как вспоминала Е. Д. Стасова, следующее.

«...Владимир Ильич, узнав, что Дзержинский доработался до кровохарканья и не хочет отдыхать, позвонил мне и предложил принять решение ЦК, обязывающее Дзержинского пойти на две недели в отпуск. Для отдыха Феликса Эдмундовича Ильич наметил один из подмосковных совхозов, где можно было получить хорошее питание и где не было телефона; следовательно, Дзержинский не будет звонить на работу и сможет лучше отдохнуть...»².

¹ Волкогонов Д. Триумф и трагедия //Октябрь. 1988, № 12. С. 158.

² Рыцарь революции. М., 1967. С. 295.

Ф.Э. Дзержинский у карты военных действий.

А вот события, относящиеся к осени 1918 года. В «Биографии» Ф. Э. Дзержинского имеется сообщение о том, что он в начале октября 1918 годы выехал в Швейцарию для свидания с семьей, которую он не видел около восьми лет, и для отдыха. Вернулся в Москву Дзержинский за несколько дней до первой годовщины Октябрьской революции¹. Выходит, что был он за границей около месяца, и, по всей видимости, эта поездка была установленным порядком разрешена.

О других продолжительных поездках за границу Дзержинского в архивных документах и имеющейся литературе данных не было. Однако сын Л. П. Берии утверждает следующее. «...Отец рассказал мне, — сообщает С. Л. Берия (Гегечкори), — об одном поразившем его факте из биографии Феликса Эдмундовича. Огласке его никогда не предавали и впоследствии.

— Дзержинский, — рассказывал отец, — был человеком порядочным, но иногда такая внутренняя порядочность, любовь к близким толкали его на необдуманные поступки. Его семья жила в эмиграции, и он решил ее разыскать. В нормальных условиях это желание вполне объяснимо, но Дзержинский уехал, когда решалась судьба молодого государства. Белый террор, вооруженные заговоры, а он все бросил и уехал, не сказав ни слова ни Ленину, ни членам ЦК, и отсутствовал два месяца. Случай беспрецедентный! Как объяснить? Два месяца страна жила без председателя Всероссийской ЧК. Попробовал бы сейчас кто-нибудь такой фортель выкинуть...»².

Как видим, обвинение довольно тяжелое, но ничем не документировано да и как-то очень не вяжется со всем обликом Феликса.

К состоянию здоровья Ф. Э. Дзержинского ЦК РКП(б) неоднократно обращался и в последующем. Например, 12 декабря 1919 г. Оргбюро ЦК РК(б) рассмотрело заявление Каменева о том, что Дзержинский очень плохо чувствует себя физически и нуждается в серьезном отдыхе. Было принято решение предоставить

¹ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1977. С. 166—167.

² Серго Берия. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 76—77.

ему отпуск на срок не менее трех недель, обязав выехать из Москвы в течение трех дней. Однако просмотр последующих протоколов показывает, что и весь декабрь 1919 и январь 1920 года Феликс Эдмундович на заседании Оргбюро присутствует, видимо, в отпуске так и не был.

6 сентября 1920 г. Оргбюро снова принимает решение предоставить Дзержинскому отпуск до трех недель и самому определить время начала отпуска.

В личном фонде Ф. Э. Дзержинского имеется следующая любопытная записка управляющего делами ВЧК Г. Г. Ягоды, написанная Феликсу Эдмундовичу 31 мая 1921 г.: «Дорогой Феликс Эдмундович! Мне пришла идея — хочу предложить Вам — давайте хотя бы на неделю поедемте куда-нибудь отдохнуть — правда, тяжело и Вам и мне. Без Вас никуда не поеду.

С ком. приветом Г. Ягода».

Резолюция Ф. Э. Дзержинского: «Ну, ну, идея блестящая! Первыми должны выполнить Вы, а за Вами и я.

Т. Ягода — к исполнению. Ф. Дзержинский»¹.

Как-то, по воспоминаниям секретаря Ф. Э. Дзержинского в ВЧК—ОГПУ В. Л. Герсона, В. И. Ленин попросил освидетельствовать состояние здоровья Феликса Эдмундовича, но так, чтобы он сам не знал, зачем это делается².

В архивных фондах ЦИК СССР я случайно обнаружил следующую копию протокола одного из таких консилиумов с немецкими специалистами о состоянии здоровья Ф. Э. Дзержинского уже после ухода из НКВД от 22 октября 1925 г.; ему в это время было немногим более 48 лет:

Диагноз: отсутствие атеросклероза и гипертонии.

В анамнезе припадок вроде стенокардического. Головные боли неопределенного характера.

Прогноз: Если пациент сам себя не будет беречь и если его не будут беречь — тяжелые ангинозные припадки снова появятся.

Рекомендуется: умерить страстность при работе.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф.76. Оп. 3. Д. 185. Л. 1.

² См.: Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1977. С. 395.

Регулярный отдых. Много спать, не менее 8 часов отдыхать. После обеда отдыхать 1 час не засыпая. Два раза в год отпуск не менее 4 недель каждый с пребыванием на Кавказе, который уже оказал благотворное действие... Должен работать и не считать себя чересчур больным. Два дня в неделю свободных от работы. Время от времени курить не более 6 папирос в день (на Кавказе), при работе не более 20 папирос.

Профессор Крауз
Профессор Фарстер
Профессор Обросов».

Как видим, прогноз вроде бы и не такой уж беспоконный, однако «умерить страстность при работе» пациент педантичных немецких профессоров так и не сумел, и 20 июля 1926 г., т. е. буквально через полгода после обследования, он скончался, едва завершив яркое выступление на Пленуме ЦК ВКП(б).

Хотелось бы привести два малоизвестных высказывания о Ф. Э. Дзержинском. В речи, произнесенной 23 июля 1926 г. на пленарном заседании Моссовета, посвященном памяти Ф. Э. Дзержинского, А. И. Рыков сказал: «Несомненно, что после смерти Ленина не осталось среди товарищей таких людей, которых нельзя было бы заменить, но вместе с тем, несомненно, и то, что смерть т. Дзержинского представляет очень большую брешь и в руководстве нашей партией и в руководстве государственной жизнью,— брешь, которую трудно заполнить. ...Такого редкостного сочетания личных качеств человека с качествами общественного деятеля, как у т. Феликса, мы едва ли еще найдем в настоящее время. Тов. Дзержинский был исключительно ярким проявлением всей творческой мощи нашей партии и нашего рабочего класса»¹.

А вот что писал о нем Н. И. Бухарин в очерке «Героическая песнь. Чекист Феликс Дзержинский»: «Феликс Эдмундович, действительно, не мог жить долго, ибо он не умел отдавать делу только «половину души». Он отдал всю душу. Он отдал всю жизнь. Но эта укороченная жизнь дала в тысячу раз больше для

¹ Страж Октября (памяти Ф.Э. Дзержинского). Госиздат. 1926. С. 5, 7.

жизни нашего класса, чем жизнь людей ни теплых, ни холодных, чем жизнь людей, работающих «по долгу службы». Дзержинский не служил для революции: он жил для нее. Именно поэтому он вечно будет жить среди нас, наш Феликс, наш боец, наш воин, наш строитель»¹.

В 1992 году в одночасье был демонтирован памятник Ф. Э. Дзержинскому в Москве на площади, которая ранее носила его имя, а ныне называется Лубянкой.

Конечно, вполне понятны глубокие переживания людей, попавших под маховик репрессий, стремление не допустить этого впредь. Однако представляется, что решать такие вопросы следовало бы цивилизованными методами, а не приемами средневековья.

¹ Феликс Дзержинский. Сб. статей. Соцэкгиз. 1926—1931. С. 340.

4

Белобородов Александр Георгиевич

1923—1927 гг.

1891—1938

*Революционная
деятельность.
Расстрел бывшего
царя и членов
его семьи.
Вязьность к
Ленину. Шесть
лет работы в
НКВД РСФСР.
Совершенствование
деятельности
аппарата.
Сокращение
функций НКВД.
Коммунальное
хозяйство,
милиция, места
заключения.
Разногласия с
ОГПУ. Почетный
милиционер.
Участие в
троцкистской
оппозиции. Арест
и смерть.
Реабилитация.
Семья наркома.
Современные
споры вокруг
Белобородова.*

Александр Георгиевич Белобородов на посту наркома внутренних дел сменил Ф. Э. Дзержинского. Сначала, как указывалось ранее, А. Г. Белобородов был заместителем Дзержинского, а затем сам возглавил Наркомат внутренних дел России. Однако его фамилия как бы ушла из литературы, из истории НКВД, потому что он примыкал к троцкистам, был репрессирован и расстрелян. Ныне доброе имя этого крупного советского работника также восстановлено. В связи с прошлым забвением, видимо, следует несколько подробнее рассказать не только о работе А. Г. Белобородова в НКВД РСФСР, но и о всей его жизни.

Александр Георгиевич был яркой личностью. Родился он 26 октября 1891 г. в поселке Александровского завода Соликамского уезда Пермской губернии в семье рабочего. Еще будучи несовершеннолетним, вступает на путь революционной борьбы на Урале. Уже в 1908 году после вступления в партию его арестовывают и на долгие четыре года сажают в пермскую губернскую тюрьму. После освобождения снова борьба и ссылка в Белебей и Тюмень с 1914 по 1916 год.

После возвращения из ссылки А. Г. Белобородов ведет революционную работу в городе Лысьве Пермской губернии. Сюда 26 мая 1917 г. ему пишет письмо Яков Михайлович Свердлов с советами и рекомендациями по организации революционной работы на Урале. Текст этого письма сохранился.

В составе уральской делегации Александр Георгиевич принимает участие в работе VII Всероссийской Апрельской конференции, видит и слушает Ленина. В

последующем он был делегатом VI, VIII—X, XII и XIII съездов партии.

В начале 1918 года А. Г. Белобородов становится председателем Уральского областного Совета, куда входили Пермская, Екатеринбургская, Вятская, Челябинская, Уфимская и Оренбургская губернии. Край, как видим, огромный.

Особой страницей в деятельности А. Г. Белобородова и Уралсовета явилось решение о расстреле бывшего царя Николая Романова и его семьи. После отречения от престола и ареста царь с семьей около девяти месяцев находились в Тобольске. В связи с угрозой монархического мятежа и возможным захватом царской семьи белогвардейцами на заседании Президиума ВЦИК в марте 1918 года по предложению Я. М. Свердлова было решено перевезти семью Романовых из Тобольска в Екатеринбург, как более надежное место, а также подготовить открытый судебный процесс о преступлении бывшего царя перед страной и народом. Такой переезд был осуществлен в апреле 1918 года.

Однако белогвардейцы развернули активное наступление и на Екатеринбург, одной из целей которого было стремление захватить и вывезти семью Романовых. К заговору подключился и сам Николай II, а падение Екатеринбурга было вопросом считанных дней. В этих условиях 12 июля 1918 года Уральский Совет принимает решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда. Решение было подписано членами Президиума Уралсовета во главе с А. Г. Белобородовым. В ночь с 16 на 17 июля царская семья была расстреляна, а 25 июля под натиском белых Екатеринбург пал.

По одной версии решение Уралсоветом о расстреле было принято самостоятельно и его официальное сообщение о приведении приговора в исполнение поступило в Президиум ВЦИК 18 июля. В Москве решение и действия Уралсовета были признаны правильными.

По другой версии такое решение партийными и советскими руководителями в центре было принято заранее, а Уралсовет лишь привел его в исполнение.

После захвата Екатеринбурга (Свердловска) белыми областной Совет эвакуировался в Пермь, а затем в Вятку. Здесь А. Г. Белобородов возглавил Воен-

но-революционный комитет. От вятской организации большевиков он в марте 1919 года делегируется на VIII съезд РКП(б), где был избран членом Центрального Комитета. С марта 1919 по апрель 1920 года А. Г. Белобородов был членом Оргбюро ЦК РКП(б).

В апреле 1919 года по решению ЦК РКП(б) его с самыми широкими полномочиями направляют на Дон, в район Вешенского восстания казаков, описанного М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». У дочери А. Г. Белобородова — Александры Александровны, которая проживает в г. Екатеринбурге, сохранилось несколько ленинских документов, касающихся А. Г. Белобородова, в том числе и вот такой мандат Совета Рабочей и Крестьянской Оборона за подписью В. И. Ленина. Это интересное свидетельство того бурного времени, поэтому приведем его полностью.

М А Н Д А Т

Дан сей от Совета Рабочей и Крестьянской Оборона Р.С.Ф.С.Р. тов. Белобородову, Чрезвычайному Уполномоченному Совета Оборона в том, что он командировается на Южный фронт для расследования причин казацкого восстания на Дону, медлительности его ликвидации и принятия всех необходимых мер по ускорению ликвидации этого восстания.

Ввиду чего тов. Белобородову предоставляется право требовать от всех без исключения должностных лиц, как военного, так других ведомств, отчетов и объяснений о деятельности подведомственных им учреждений, производить непосредственно или через уполномоченных тов. Белобородовым лиц всякого рода обследования, по соглашению с Революционным Военным Советом Республики, отстранять и предавать суду Революционного Трибунала всех должностных лиц.

Тов. Белобородову поручается принимать все необходимые меры по усилению доставки продовольствия в Р.С.Ф.С.Р.

Тов. Белобородову поручается также войти в полный контакт с отрядами, посланными Народным Комиссариатом Земледелия для организации переселения рабочих и крестьян в Донецкий район, и принять все необходимые меры для успешного разрешения указан-

ного вопроса. Ему предоставляется право требовать от подлежащих советских учреждений и должностных лиц все материалы, необходимые для установления наличия свободных земель и скорейшей организации земельных отделов.

Сим мандатом тов. Белобородову присваивается право пользования прямым проводом для переговоров на всем пространстве Советской Республики, равно, как и право пользования всякими телефонами, подачей телеграмм, простых и военных с соответствующими надписями, право получения вне очереди билетов на проезд по всем железным дорогам Республики в первом классе, внеочередного обмена литер и право на проезд в штабных и особо предоставленных ему вагонах.

Все распоряжения тов. Белобородова по возложенным на него поручениям подлежат безусловному исполнению.

Всем советским учреждениям предписывается оказывать тов. Белобородову всемерное содействие при выполнении им своих обязанностей и специально возложенных на него поручений.

Лица, кои учинят противодействие чему-либо, в сем мандате изложенному, подлежат ответственности и подвергаются Суду Революционного Трибунала.

Председатель
Совета Рабоче-
Крестьянской
Обороны:

В. Ульянов
(Ленин)

Замест. Пред-
сед. Революц.
Военного Сове-
та Республики :

Э. Селянский

За Секретаря
Совета Обороны:

М. Гляссер

Москва, Кремль
21—IV—19

Позднее все эти ленинские документы сданы в Центральный партийный архив.

В годы гражданской войны А. Г. Белобородов поми-

мо работы на Южном фронте в качестве чрезвычайного уполномоченного Совета Оборона был также заместителем начальника Политуправления Реввоенсовета, членом Реввоенсовета 9-й Армии, заместителем председателя РВС Кавказской трудовой армии, членом Кавказского бюро ЦК РКП(б), председателем областного экономического совещания Юго-Востока. За заслуги перед Красной Армией в 1920 году его награждают орденом Красного Знамени.

Вот некоторые постановления высших партийных инстанций того времени, касающиеся Белобородова. 14 июля 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о переработке партийного устава. Для этой цели была создана комиссия, в состав которой наряду с Е. Д. Стасовой и другими вошел и А. Г. Белобородов. Комиссии было поручено в кратчайший срок представить проект Устава.

20 сентября 1919 г. «Известия ЦК РКП(б)» напечатали проект Устава РКП(б). Сообщалось, что проект разработан Оргинструкторским отделом ЦК и отредактирован комиссией в составе секретаря ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, члена ЦК А. Г. Белобородова и В. Н. Максимовского.

На совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) 3 сентября 1919 г. обсуждалось положение, сложившееся в коллегии Госконтроля, где отмечались постоянные трения, лишаящие коллегию работоспособности. Принимается решение обсудить возникший конфликт в Малом Совете, поручить присутствовать на его заседании А. Г. Белобородову, после чего рассмотреть вопрос в ЦК. 17—18 января 1920 г. на заседании Политбюро обсуждался протест И. Т. Смильги против отъезда из 9-й Армии А. Г. Белобородова. Принято решение временно отложить его откомандирование в Главкомпути. 26 апреля 1920 г. Политбюро постановило оставить А. Г. Белобородова в Реввоенсовете Конной Армии, написав Реввоенсовету, что ЦК доверяет ему и считает его работу в Конной по оздоровлению армии и политике совершенно необходимой. Всего по проведенным нами подсчетам только за 1919 и 1920 годы на заседаниях Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) различные вопросы, касающиеся А. Г. Белобородова, рассматривались более 15 раз.

Следует отметить, что В. И. Ленин высоко ценил организаторские способности А. Г. Белобородова и давал ему кроме упомянутых многие другие поручения. Фамилия А. Г. Белобородова в ленинской переписке упоминается 17 раз. Кроме того, о нем содержится 64 упоминания в «Биографической хронике» В. И. Ленина¹. Как видим, контакты между этими людьми были весьма основательными. Так, 17 апреля 1921 г. Ленин читает письмо А. Г. Белобородова из Ростова-на-Дону с сообщением о прошедшем Ставропольском губернском съезде Советов, об отношении крестьян к введению продналога, о высокой оценке роли демобилизованных крестьян-буденновцев в жизни губернии; делает на письме пометки; пишет записку секретарю ЦК В. М. Молотову с просьбой ознакомить с письмом всех членов Политбюро, подчеркивает важность сведений о буденновцах. В этот же день Владимир Ильич пишет записку А. Г. Белобородову, в которой запрашивает данные об отношении крестьян к новой экономической политике². Эта записка Ленина, к сожалению, не разыскана. А. Г. Белобородов упоминает о ней в ответном письме Ленину от 23 апреля 1921 г.: «Вашу записку от 17.IV. получил сегодня»³. Возможно, что именно об этой записке В. И. Ленина, сохранившейся у А. Г. Белобородова, вспоминает его дочь, о чем мы скажем в конце очерка.

Не позднее 3 октября 1921 г. Ленин делает запись на листке настольного календаря о том, чтобы среди других лиц принять и А. Г. Белобородова⁴. 3 октября Ленин принимает его и беседует об условиях работы на Юго-Востоке⁵.

17 сентября 1922 г. Владимир Ильич пишет А. Г. Белобородову (уже как заместителю наркома внутренних дел) записку с просьбой сообщить сведения об итогах выполнения трудовналога⁶.

¹ Подсчитано нами (В. Н.). См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50—53; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 7—12.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М., 1979. С. 321.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 421.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 423.

⁵ См. там же. С. 427.

⁶ См. там же. Т. 12. С. 378.

Таким образом, к моменту назначения в октябре 1921 года заместителем наркома внутренних дел РСФСР Белобородов имел большой опыт ответственной партийной, советской и военной работы. На фронтах гражданской войны он познакомился и со своей будущей женой Яблонской Франей Викторовной, армейским политработником.

Деятельность А. Г. Белобородова в НКВД РСФСР была, пожалуй, самой продолжительной за всю его бурную, но короткую жизнь. С 1921 по 1927 год он работал в этом наркомате. Всех его дел и забот, здесь, конечно, не перечислить, но на главных можно остановиться.

В качестве заместителя наркома он организовывал всю текущую работу наркомата. На ряде документов НКВД этого периода, сохранившихся в архиве, есть немало пометок и резолюций Александра Георгиевича, характеризующих его реалистичность, деловитость, стремление проникнуть в суть вопроса.

Так, 21 октября 1922 г. начальник штаба РККА по мобилизационному отделу обратился к заместителю наркомвнудел о перегрузке в работе делопроизводителей военных столов волисполкомов. Он предложил направить на места указания, чтобы делопроизводители занимались только своими прямыми обязанностями, а также улучшить материальное положение этих работников.

Резолюция А. Г. Белобородова: «Предписание на места можно, конечно, сделать, но за скудостью средств, имеющихся на местах, оплату делопроизводителям повысить будет все равно нельзя. А. Белобородов. 25.X.1922»¹.

А вот его указание на тексте отчета о работе Главного управления коммунального хозяйства НКВД за декабрь 1922 года: «Нужно было писать не то, сколько отчетов прочитано в ГУКХе, а что из этих отчетов удалось узнать»². И далее в том месте, где говорится о проведенном этим управлением совещании с делегатами X Всероссийского съезда Советов, он пишет: «Сказать, что на совещании решено по существу, а не перечень обсуждавшихся вопросов»³.

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 1. Д. 42. Л. 761.

² См.: там же. Д. 43. Л. 11.

³ См.: там же. Л. 13.

А.Г. Белобородов с женой Франей Викторовной.

Постановлением СНК РСФСР от 30 августа 1923 г. была утверждена Коллегия НКВД в составе четырех человек: А. Г. Белобородов — народный комиссар внутренних дел; Хлопьянкин И. И. — заместитель народного комиссара; Землюхтер М. В. и Сергиевский П. К. члены коллегии.

Новый нарком довольно часто выезжает на места. Так, в 1925 году он посетил подчиненные органы в Тифлисе, Мурманске, Самаре, Иваново-Вознесенске, Оренбурге; в 1926 году — во Владимире, Орле, Котельниче и др.

Большое внимание нарком уделяет и совершенствованию работы центрального аппарата НКВД РСФСР, в составе которого к ноябрю 1925 года было по штатам 586 человек. Одной из бед аппарата НКВД уже в то время, как и сейчас, был большой поток бумаг. Например, к заседанию Коллегии НКВД 22 июня 1925 г., где были заслушаны доклады о состоянии коммунального хозяйства в Архангельской, Вятской, Северо-Двинской и Череповецкой губерниях, запрашивались справки из этих губерний на 148 страницах. Отчет управлений Наркомата по исполнению плана работы за третий квартал 1925 года и план работы на четвертый квартал этого года составили 140 страниц.

Условия того времени, в которых работал аппарат НКВД, как и других ведомств, были тяжелыми. Вот как, например, выглядело транспортное обслуживание. «Ввиду ограниченности отпускаемых по смете НКВД на содержание транспорта средств, — говорится в решении коллегии от 23 ноября 1923 г., — оставить для НКВД максимально три легковых машины без установления ночных дежурств. Право пользования машинами предоставить, помимо Наркома и заместителя наркома, членам коллегии и отделу уголовного розыска ЦАУ (Центральное административное управление. — В.Н.); последнему исключительно для оперативных целей и по специальному в каждом отдельном случае разрешению начальника ЦАУ»¹.

А. Г. Белобородовым уже в то время предпринимаются попытки привлечения ученых к делу совершенствования стиля работы аппарата. Так, в ноябре 1924

¹ ЦГАОР СССР Ф. 393. Оп. 26. Д. 20 б. Л. 417.

года профессор Верховский организовал заполнение каждым сотрудником центрального аппарата НКВД специальной анкеты с целью уточнения функциональных обязанностей работников и определения путей повышения эффективности их деятельности. Выводы, вытекающие из этого опроса, были рассмотрены на заседании коллегии Наркомата 2 марта 1925 г.¹ Однако и позднее оценку работы аппарата НКВД А. Г. Белобородов дает невысокую. Выступая на заседании коллегии 9 февраля 1926 г., он, в частности, сказал: «Я работаю в Комиссариате поддесять лет и у меня самое безобразное впечатление от наркомата. Я работаю с начала революции, работал в разные стадии революции в других учреждениях, но такого мало-способного по работоспособности учреждения я не видел. Объясняют это объективными причинами, необычайно низкой оплатой труда, но, по-моему, это обстоятельство никак не могло объяснить и оправдать той низкой продуктивности труда, которая существует у нас.

Все же, как-никак, в Комиссариате имеется полтысячи сотрудников, получающих жалование, в результате не могут дать Наркому правильно составленной бумаги. Мне приходится нередко заниматься редактированием бумаг, диктовать заново или писать резолюции, чтобы переделали бумагу так, как следует»².

В период работы наркомом внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородова началось сокращение функций НКВД. В конце 1923 года у НКВД была изъята функция по организации, руководству и инструктированию местных Советов и их исполкомов. В ноябре 1923 года в связи с уходом из НКВД ГПУ отпала функция госбезопасности. Осенью 1924 года у НКВД была изъята функция по приему в российское гражданство иностранцев и о выходе лиц из российского гражданства. Помимо этого, отпал и ряд других функций.

Однако и после этого объем работы наркомата оставался значительным. Он занимался вопросами учреждений коммунального хозяйства, охраны общественного порядка и законности, руководил органами милиции и уголовного розыска, направлял деятельность мест заключения.

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 53. Д. 27. Л. л. 108—121.

² См.: там же. Ф. 393. Оп. 60. Д. 23. Л. 32.

Подчеркивая важность законности, А. Г. Белобородов в докладной записке в комиссию по революционной законности при ЦИК СССР писал: «Дабы оградить интересы трудящихся от беззакония, административного произвола, волокиты и других видов должностных преступлений, необходимо принятие соответствующих мер не только по инициативе судебно-следственных властей, но нужно также широкое вовлечение самих трудящихся в эту борьбу за укрепление революционной законности. Поэтому необходимо дать каждому для такой борьбы надлежащее оружие в виде знания законов, при помощи которого он мог бы точно определить, какие действия и распоряжения органов власти незаконны, бороться с ними принятием тех или иных мер или добиваться правильного применения закона, предоставления льгот»¹. Эти мысли глубоко созвучны с нашим временем, стремлением создать правовое государство.

Об обстановке, в которой работал НКВД того времени, свидетельствуют следующие факты. В январе 1924 года НКВД представил записку заместителю председателя СНК РСФСР Л. Б. Каменеву с перечнем вопросов, о которых, по мнению наркомата, следовало бы сказать на предстоящем XI Всероссийском съезде Советов.

По коммунальному хозяйству: о восстановлении разрушенных городов, проблемы городского и сельского строительства и благоустройства, восстановления дорог местного значения и, как средство для восстановления разрушенного местного хозяйства, вопрос об организации коммунального кредита.

По милиции. С переходом милиции на местные средства она оказалась в тяжелых материальных условиях. В ряде мест вопросы снабжения милиции находятся в самом плачевном состоянии, нет средств для приобретения даже револьверов и патронов, культурно-просветительная работа не проводится, здания не ремонтируются, форменная милицмейская одежда или совершенно отсутствует или же находится в неудовлетворительном состоянии. Зарплата в милиции носит

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4042. Оп. 1. Л. 10.

весьма пестрый характер, выдается с большими задержками и недостаточна. Милиции передали административные и следственные функции, однако из-за общей и профессиональной малограмотности значительной части ее личного состава эти задачи решаются неквалифицированно. Идет процесс неуклонного сокращения милицеских школ: если к 1 сентября 1922 г. их было 48, то к 1 октября 1923 г. осталось всего 11 из-за недостатка средств на их содержание. По этим же причинам в ряде мест стали или сокращать штаты уголовного розыска, или совсем ликвидировать такие подразделения. При таких условиях, указывалось в документе, борьба с растущей преступностью крайне затруднительна, и дело охраны Республики от преступного элемента страдает.

Проблемы по местам заключения: их переполнение; отсутствие какой-либо работы у заключенных; отнесение большинства учреждений на местный бюджет (к началу 1924 года из имеющихся в РСФСР 385 мест заключения только 20 состояли на госбюжете) и недостаточное снабжение заключенных; материальное положение сотрудников мест заключения далеко отстает от ГПУ и милиции.

В 1927 году Президиум ВЦИК рассмотрел вопрос «О состоянии и работе Рабоче-Крестьянской Милиции».

Был заслушан доклад НКВД РСФСР по этому вопросу и содоклад Моссовета о состоянии и работе милиции г. Москвы.

В докладе НКВД, в частности, сообщалось, что численность милиции из-за ограниченности местных бюджетов с 1922 по 1927 год уменьшилась в два раза: на 1 октября 1922 г. было строевого состава 79 761 человек и административного состава 27 715 человек; на 1 января 1927 г. — соответственно 36 208 и 6105.

Это приводит к большим затруднениям в работе. Например, в сельской местности, по нормам НКВД один милиционер должен обслуживать 3—5 тыс. человек, фактически он обслуживает в среднем 7 тыс., а в отдельных местностях 11—14 тыс. человек.

На 1 января 1927 г. среди начальствующего состава было членов ВКП(б) 37,3%, членов ВЛКСМ — 4%, среди милиционеров соответственно 17% и 7,3%. Около

52% милиционеров служат менее одного года. Такая громадная текучесть объясняется низким уровнем материального обеспечения.

Происходит снижение количества и работников уголовного розыска: на 1 мая 1923 г. их было 10 500 человек, на 1 октября 1925 г. — 5151. Средняя зарплата милиционеров составляет в городах 25—30 руб., в сельских местностях — 20—21 руб., а в Сибири — 12—15 руб. (для сравнения: лесной объездчик получает 45 руб., дворник — 45—50 руб., стрелок военизированной охраны — 60 руб.).

До 40% оружия милиции, явно устаревшего, находится в неисправном состоянии. Для исправления положения НКВД внесло предложение перевести милицию и уголовный розыск с волостных и уездных бюджетов на краевые, областные и губернские бюджеты.

Преступность имеет тенденцию к значительному росту: за 1926 год было зарегистрировано 1336 тыс. преступлений, раскрываемость их составила 68%.

В докладе Моссовета также сделан вывод: уровень дисциплины, подготовки и работы в милиции не соответствует особому характеру службы в ней как полуговарной организации.

В постановлении Президиума ВЦИК предусматривались меры по улучшению работы милиции.

Как свидетельствуют документы, работать А. Г. Белобородову на посту наркома было нелегко. После ухода из НКВД Ф. Э. Дзержинского по инициативе РКИ был поставлен вопрос об упразднении этого наркомата, передачи ряда его функций хозяйственным органам, мест заключения — органам юстиции, а милиции и уголовного розыска — ОГПУ. Таким образом, речь шла снова об объединении органов внутренних дел и государственной безопасности. Последние месяцы 1923 года и весь 1924 год прошли под знаком такой борьбы. Вести ее А. Г. Белобородову было сложно, особенно с учетом его довольно жесткого и самолюбивого характера. Вот некоторые эпизоды этой борьбы.

5 декабря 1923 г. А. Г. Белобородов собственноручно пишет записку в Политбюро ЦК, в которой сообщает о том, что в течение нескольких месяцев НКВД живет в обстановке слухов о его упразднении, эти слухи распространяют работники РКИ.

«Все эти слухи, разговоры и «достоверные сведения» становятся немедленно же достоянием всех служащих, причем членам коллегии и мне приходится узнавать об этом в последнюю очередь, т. к. принято об этом нас не спрашивать, вести дело за нашей спиной и не знаю уж намеренно или нет, но устранять при проработке вопроса тех лиц, которые ближе всего стоят к работе Наркомата.

Разумеется, никто из ответственных работников НКВД свою деятельность для партии и Советов не связывает непременно с работой в этом учреждении. Для каждого из нас в случае упразднения НКВД учраспред¹ найдет, вероятно, другую работу. А способ разработки вопроса, усвоенный лицами, ведущими это дело, несомненно приводит только к деморализации учреждения.

Не останавливаясь на вопросе об упразднении НКВД по существу, т. к. все же считаю, что РКИ и ЦКК, может быть, об этом спросит Коллегию Наркомата, — убедительно прошу ЦК обязать надлежащие учреждения принять меры к тому, чтобы вопрос об оставлении «в живых» или об упразднении НКВД был разрешен в ближайшее время, желательно до съезда Советов...»

Однако решить этот вопрос «в ближайшее время» не удалось. На основании постановления Президиума ЦК и коллегии наркомата РКИ от 31 декабря 1923 г. была создана комиссия по реорганизации НКВД. Работа ее продолжалась и весь 1924 год. Например, на заседании этой комиссии 4 марта 1924 г. представители ВЦИК (Киселев), ВСНХ (Эйсмонт), ОГПУ (Менжинский), РКИ (Хвесин) в той или иной мере поддержали предложение об упразднении НКВД и только сотрудник ЦКК (Манцев) заявил, что вопрос о ликвидации НКВД должен отпасть.

14 июня 1924 г. состоялось совещание наркомов внутренних дел союзных республик, где наряду с другими вопросами был рассмотрен доклад А. Г. Белобородова о взаимоотношениях органов НКВД с органами ГПУ в центре и на местах. Этому предшествовало то, что 22 мая 1924 г. Г. Г. Ягода, как зампред ОГПУ,

¹ Учетно-распределительный отдел ЦК РКИ(б).

подписал совершенно секретный циркуляр, в котором ставился вопрос о передаче в ОГПУ в центре и на местах милиции и уголовного розыска. «Вопрос, — указывал в докладе на совещании А. Г. Белобородов, — ставится так, что милиция плоха. Но передача ее в ОГПУ не сделает милицию хорошей. В чем беда милиции, в чем ее недостатки? В том, что милиции соответствующие высшие политические и советские органы не уделяли необходимого внимания. Милиция не получала того количества политических работников, которыми все время усиленно пополнялись ряды ГПУ. А с другой стороны, материальное положение милиции и уголовного розыска невероятно скверное...

Наконец, нужно остановиться на двух весьма важных моментах, говорящих против передачи милиции органам ОГПУ.

Первый. Национальные условия. В ряде национальных республик население смотрит на милицию, как на защитницу своих интересов, как на представителя Советской власти, и часто по милиции судит, хороша ли Советская власть. На ГПУ же население смотрит как на карающий орган.

Второй. Передача 70-тысячной милицейской армии в ОГПУ сразу привьет милиционерам чувство (присущее работникам ГПУ) исключительности своих прав и к улучшению работы не приведет.

В заключение нужно сказать, что недостатки в работе органов НКВД есть, но недостатки эти не органические, а являются результатом тех скверных условий, в которые органы НКВД были поставлены».

На совещании говорилось об острой ведомственной борьбе между НКВД и ОГПУ. ОГПУ, например, заняло странную позицию по вопросу о конвойной страже. Е. Г. Ширвиндт в своем выступлении указал, что эта стража не нужна ОГПУ и по его инициативе возникло дело о передаче ее НКВД. Когда же вопрос получил надлежащее оформление, пройдя все инстанции, окончательное утверждение в СТО задерживается из-за протеста ОГПУ. Все участники совещания высказались против ликвидации НКВД. Совещание поручило А. Г. Белобородову выработать резолюцию, которую можно было бы поставить на обсуждение в советских

и партийных учреждениях, а также согласовать на местах.

Наркомвнудел Татреспублики т. Чанышев подчеркнул, что вопрос о взаимоотношениях ГПУ с НКВД вопрос не новый, он дискутировался в ряде прений. Кое-как этот вопрос был разрешен, когда вместо Г. И. Петровского был назначен наркомвнуделом Ф. Э. Дзержинский, одновременно оставаясь председателем ВЧК.

Большинство членов данного совещания высказались против совмещения в одном лице руководства органами ОГПУ и милиции («вопрос о целесообразности личной унии», как говорили участники совещания). Так, член Коллегии НКВД П. К. Сергиевский говорил на совещании по этому поводу, не называя фамилии Ф. Э. Дзержинского: «Эта уния была в РСФСР и что же — практика этой унии достаточно всем известна: очень многие функции НКВД, хотя бы в области утверждения регистрации союзов и обществ, выезда и въезда из-за границы, выдачи иностранных паспортов и т. д. — все это было переташено в аппарат ГПУ, и теперь нам приходится ломать копыя, заострять мечи на эту тему, чтобы взять то, что нам принадлежит и что благодаря закоренелой привычке там засело и как бы вошло в обязанности ГПУ. На самом же деле закон говорит как раз обратное, что это есть определенные задачи органов НКВД. Почему это произошло? Благодаря этой личной унии».

ОГПУ продолжает, образно говоря, наступать, а НКВД стойко обороняться. 20 июня 1924 г. из отдела контрразведки ОГПУ в НКВД РСФСР поступил такой характерный документ: «В народный комиссариат внутренних дел, пл. Революции, дом 1/2.

Прошу прислать в копии все циркуляры и инструкции, изданные в развитие постановления Президиума ЦИКа от 9 мая сего года в борьбе с бандитизмом.

Кроме того, сообщите, что Вами предпринято к исполнению примечания к п. А ст. 1 этого же постановления».

Согласитесь, что тон документа, присланного из другого ведомства, не очень корректен.

Резолюция Белобородова, адресованная в ОГПУ

Г. Г. Ягоде: «Тов. Ягода, желательно всю переписку вести с НКВД не от имени «КРО» (контрразведывательный отдел. — *В.Н.*), а за подписью лиц, возглавляющих ОГПУ» А. Б. 21.6.1924 г. Придет время, когда Г. Г. Ягода припомнит А. Г. Белобородову и эту резолюцию.

Надо, к сожалению, сказать, что подобная пикировка НКВД и ОГПУ наблюдалась и в последующие годы, о чем свидетельствуют два таких не менее любопытных документа, но относящиеся уже к другой проблематике.

«В ЦК ВЛКСМ, Председателю Коллегии ОГПУ.

На заседании Деткомиссии ВЦИК 30 марта 1926 года при обсуждении вопроса об ассигновании Наркомпросу средств во исполнение постановления СНК РСФСР от 25/II—26... сначала член ЦК ВЛКСМ т. Матвеев, а затем и представители ОГПУ Воронцов и Погребинский заявили требования на предоставление ассигнований для колонии ОГПУ.

Несмотря на мое предложение рассмотреть вопрос об этом ассигновании предварительно в материально-финансовой подкомиссии, указанные товарищи начали кричать и требовать в вызывающем тоне и в недопустимой форме таких решений комиссии, которые решили бы ассигнование средств.

Будучи призваны мною к порядку с указанием на недопустимость своего поведения, эти три товарища демонстративно покинули собрание.

Деткомиссия отметила в своем постановлении недопустимое поведение представителей ОГПУ и тов. Матвеева.

Лично я за время своей работы... в первый раз был свидетелем такого дерзкого и вызывающего поведения представителей, имевших, очевидно, полномочия от соответствующих учреждений (ОГПУ) и организации (ЦК ВЛКСМ).

Настоящим по поручению Деткомиссии прошу ЦК ВЛКСМ и Коллегию ОГПУ принять соответствующие дисциплинарные меры по отношению к перечисленным товарищам.

Председатель Деткомиссии ВЦИКа
А. Белобородов¹.
2 апреля 1926 г.

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 4305. Л. 1.

РОССИЙСКАЯ
СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
РЕСПУБЛИКА
СОВЕТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Великий Новгород

№

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

представитель сего тов. БЕЛОБОРДОВ посто-
плением Совета Народных Комиссаров от 29
ноября с.г. утвержден заместителем народного
по делам внутренних дел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

А.Г. Белобородов в рабочем кабинете.
Удостоверение, выданное А.Г. Белобородову.

«В ЦКК ВКП(б)

Копия тов. Белобородову.

30 марта с. г. на заседании Деткомиссии под председательством т. Белобородова при рассмотрении вопроса о субсидии Деткоммуне ОГПУ возник инцидент между т. Белобородовым и представителями ОГПУ и ЦК ВЛКСМ. Я узнал об этом инциденте от т. Ягоды, который рассказал о пристрастном и неприемлемом отношении к нашим представителям со стороны председателя Деткомиссии. В несколько дней после этого я получил прилагаемую при сем записку от т. Белобородова с нападками на наших представителей и на т. Матвеева за их «недопустимое поведение», причем т. Белобородов добавляет, что на такое «дерзкое и вызывающее поведение» «наши» имели, очевидно, полномочия от соответствующих учреждений (ОГПУ) и организации (ЦК ВЛКСМ)».

Эта выходка т. Белобородова делает для меня невозможным рассмотрение и исчерпание инцидента путем совместного с ним обсуждения, поэтому я вынужден обратиться в ЦКК с просьбой разрешить как сам инцидент на заседании Деткомиссии, так и выходку т. Белобородова по отношению к ОГПУ и ЦК ВЛКСМ.

С коммунистическим приветом
Ф. Дзержинский¹.

5/IV—26 г.

Данных о том, чем закончился этот инцидент, в нашем распоряжении не имеется.

Возвратимся, однако, к работе комиссии по упразднению НКВД. 23 ноября 1924 г. на заседании ЦКК ее состав был уточнен. В нее вошли вместо прежнего состава Н. М. Шверник, Т. В. Сапронов и А. Г. Белобородов. На каком-то из последующих этапов работы вопрос об упразднении НКВД отпал. Но инициаторы от своей цели окончательно не отказались, они лишь выждали время, а через шесть лет — в 1930 году — снова поставили этот вопрос и добились упразднения НКВД. Но об этом речь пойдет в следующем очерке.

В 20-е годы довольно широко была распространена

¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 4305. Л. 1.

практика, когда еще при жизни руководителей разного уровня их имена присваивались предприятиям, учреждениям и организациям.

Например, в сборнике приказов милиции Республики мы находим такой приказ № 141 от 12 мая 1923 г.

«Общим собранием работников Петроградской милиции 31-го декабря 1922 г. Председатель Революционного Военного Совета Республики тов. Лев Давидович Троцкий был избран красным милиционером на почетном посту у Смольного.

На представленное мною ходатайство о принятии этого звания тов. Троцкий изъявил полное свое согласие и просил передать работникам Петроградской милиции следующий его ответ:

«В Смольном подготавливалась Октябрьская Революция. Из Смольного мы руководили ею. Со Смольным связаны воспоминания мои о славных днях пролетарской борьбы. Рад стоять милиционером на почетном посту у Смольного».

Ваш Л. Троцкий
7 мая 1923 г.

Об изложенном объявляю для сведения всех работников милиции РСФСР.

П.П. Врид. Начальника милиции Республики Ф. Петров».

Так было и с А. Г. Белобородовым. 25 марта 1925 г. издается приказ начальника милиции Республики, в соответствии с которым Александр Георгиевич был зачислен почетным милиционером в списки работников милиции Канского округа Сибирского края.

28 апреля 1926 г. торжественное заседание членов клуба при административном отделе Пензенского губисполкома приняло такое решение: «Имея в виду революционные заслуги народного комиссара внутренних дел товарища Белобородова Александра Георгиевича и его заботы, как старшего товарища, по поднятию культурного уровня и боеспособности милиции и уголовного розыска, постановили именовать открываемый клуб «Красный страж» именем нашего наркома А. Г. Белобородова. Избрать тов. Белобородова почетным членом нашего клуба».

В августе 1926 года он избирается почетным курсантом Первой ленинградской школы среднего комсостава милиции, в октябре этого же года — почетным курсантом Саратовской областной школы младших командиров¹.

Однако должного порядка в этом большом государственном деле тогда, как, кстати, и сейчас, не было и нет: сначала широко присваиваем «имени такого-то», а потом отменяем, вызывая у людей раздражение и скептицизм. После освобождения А. Г. Белобородова от должности наркома появился, в частности, вот такой приказ № 31 по НКВД РСФСР от 16 февраля 1928 г.: «Начальник 3-й школы среднего начсостава милиции по постановлению личного состава школы от 21 января с. г. возбудил ходатайство перед Начальником милиции Республики об отмене наименования 1-й роты школы «1-я, имени т. Белобородова, рота».

Признавая это ходатайство заслуживающим уважения, приказ по НКВД 1924 г. за № 18 о присвоении 1-й роте 3-й школы среднего начсостава милиции имени бывшего народного комиссара внутренних дел т. Белобородова — отменяю.

Народный комиссар внутренних дел В. Толмачев»².

В политическом отношении в бытность наркомом внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов больше поддерживал взгляды Троцкого, чем позицию Сталина. В октябре 1923 года он среди других видных партийных и советских работников подписал троцкистское «Заявление 46», которое было направлено против «режима фракционной диктатуры внутри партии», т. е. диктатуры сторонников Сталина, Зиновьева, Каменева.

В 1927 году А. Г. Белобородов также подписывает две троцкистских платформы: летом — платформу «83» и 3 декабря 1927 года — заявление 121 деятеля троцкистской оппозиции. Обе платформы выражали несогласие с позицией Сталина по важнейшим партийным и государственным вопросам.

О близости А. Г. Белобородова к Л. Д. Троцкому

¹ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 85. Д. 581. Л. л. 42, 51—53, 55, 61.

² См.: там же. Оп. 74. Д. 3. Л. 31.

свидетельствует такой факт, приведенный последним в автобиографической книге «Моя жизнь» (события относятся к 1927 году): «Я жил уже не в Кремле, а на квартире у моего друга Белобородова, который все еще числился народным комиссаром внутренних дел, хотя его самого по пятам преследовали агенты ГПУ. В те дни Белобородов находился на родном Урале, где в борьбе с аппаратом пытался найти путь к рабочим»¹.

В конце 1927 года Белобородов исключается из ВКП(б), освобождается от должности наркома и постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ был выслан в область Коми на три года. В 1929 году Александр Георгиевич подал заявление в ЦК ВКП(б) с признанием своих ошибок. Его восстанавливают в партии и направляют на работу в г. Ростов-на-Дону уполномоченным комитета заготовок при СНК РСФСР по Азово-Черноморскому краю.

Однако в период массовых репрессий 15 августа 1936 г. он был вновь арестован за связь с троцкистами. Через несколько дней арестовали и его жену.

После ареста А. Г. Белобородов в течение шести месяцев на допросах и очных ставках виновным себя не признавал. Лишь в 1937 году от него были получены подробные показания, в которых он признал себя виновным в контрреволюционной, троцкистской террористической деятельности. Как показало последующее изучение, все три протокола его допроса были исполнены на пишущей машинке без ссылок на стенографирование. Проводившие эти допросы бывший помощник начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю Коган и начальник 4-го отдела Осинин в 1940 году Военной коллегией Верховного Суда СССР были осуждены к расстрелу за контрреволюционную вредительскую деятельность и фальсификацию следственных дел в период их работы в органах НКВД. А. Г. Белобородов с материалами предварительного следствия ознакомлен не был.

26 мая 1937 г. Н. И. Ежов направил И. В. Сталину копию заявления А. Г. Белобородова о лицах, разделявших взгляды троцкистов. Будучи недовольным этими

¹ Л.Тронкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991, с. 509.

показаниями А. Г. Белобородова, Сталин на сопроводительной к заявлению написал: «Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова — трибуна для произнесения речей — заявления, касающиеся деятельности всякого рода лиц, но не его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице? И. Ст.»¹.

8 февраля 1938 г. на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, которое продолжалось всего 15 минут, А. Г. Белобородов был приговорен к расстрелу. На следующий день 9 февраля приговор был приведен в исполнение. Что касается его жены Франи Викторовны, то датой ее смерти документ называет 15 апреля 1938 г. Так в период сталинских репрессий за совершенно короткое время была уничтожена еще одна семья видного работника партии и государства.

Через 20 лет в 1958 году определением Военной коллегии Верховного Суда СССР Александр Георгиевич Белобородов был посмертно реабилитирован, дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления. Такое же решение принято и в отношении его жены.

В 1988 году в Москве находилась дочь Белобородовых — Александра Александровна.

После смерти родителей ее воспитали родственники. Она по профессии врач, в течение 20 лет была заведующей отделом здравоохранения Железнодорожного района г. Свердловска, заместителем главного врача больницы. Сейчас Александра Александровна — персональный пенсионер, но продолжает трудиться. Она — большой труженик, добрый человек.

Вот что она рассказала мне о своей семье.

«О жизни нашей семьи в Москве, когда мой отец работал в Наркомвнуделе (мне в то время было 2—6 лет), я сохранила довольно скудные сведения, помню, что жили мы на ул. Грановского, дом 3, кв. 62, случайно запомнила номер телефона 1—99—39.

Мои родители были очень занятыми людьми, отец большинство времени проводил на работе, мне уделял немногие свободные часы — брал с собой на парад на

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 84.

Красную площадь, изредка на прогулки, покупал игрушки, книги.

Помню, что в кабинете отца стояли большие книжные шкафы, было очень много книг, как я теперь понимаю по политическим вопросам. Материально наша семья жила очень скромно, партмаксимум составлял 225 рублей, это было в то время нормой жизни для коммунистов.

Помню, что иногда собирались гости, но друзей и знакомых помню плохо, остались в памяти такие яркие личности, как Иван Иванович Скворцов-Степанов, Иван Тенисович Смилга, Арташес Багратович Халатов.

Мой отец не имел законченного образования, его глубокие знания были следствием упорного труда, самообразования во все периоды его жизни, он был всесторонне образованным человеком.

Более отчетливые впечатления остались у меня о периоде жизни в г. Ростове-на-Дону — 1931—1936 гг. Отец очень много работал, часто приносил с собой бумаги в портфеле, работал в вечерние часы. Он продолжал заниматься самообразованием — изучал высшую математику, английский язык.

Благодаря его широкому кругозору я всегда имела в его лице взыскательного и доброжелательного наставника по всем вопросам, которые касались школьных предметов, особенно литературы. Очень хорошо помню его увлечение Пушкиным, он прекрасно знал не только его творчество, но и обширную критическую литературу того времени, высоко ценил Пастернака.

Мои родители всегда были строги со мной в вопросах воспитания, требовали дисциплины, прилежания, трудолюбия, все нравственные основы были для меня заложены в детском возрасте, т. к. после 15-ти лет я уже жила почти самостоятельно. Отец был всегда безупречно честным человеком, никогда не позволял себе использовать служебное положение в личных целях, его отличала нетребовательность к бытовым условиям.

Моя мама по характеру была более общительной и открытой, чем отец, он отличался несколько замкнутым, суровым характером. В семье была обстановка дружелюбия, взаимного уважения, семейного согласия, меня никогда не наказывали.

Воспитывая меня в духе советского патриотизма, родители всегда были для меня образцом преданности делу партии. Я помню, что отец бережно, как драгоценную реликвию, хранил личную записку В. И. Ленина — небольшого размера листок, написанный карандашом, точно содержание я не помню, это была краткая деловая записка о необходимости переговорить по важному вопросу.

В Ростове-на-Дону часто бывали на гастролях московские театры, известные исполнители, родители брали меня на спектакли, концерты. Запомнились творческие вечера Михаила Кольцова, Михаила Зощенко, концерты Л. Ойстраха, Э. Петри и других музыкантов.

Из членов нашей семьи, которые приняли живое участие в моей судьбе, хочу рассказать о сестрах моей матери. Выдающейся личностью была Яблонская Любовь Викторовна — известный инженер-металлург. Она участвовала в строительстве и эксплуатации металлургических заводов в гг. Керчи, Жданове, затем работала в Наркомате черной металлургии, последние годы в издательстве журнала «Сталь». Это был исключительно энергичный, волевой человек, эрудированный инженер, горячо преданный своей профессии. За свою самоотверженную работу она была награждена четырьмя орденами, в т. ч. орденом Ленина. Ее единственный сын Лев, мой сверстник и большой друг, ушел добровольцем на фронт и погиб в первые месяцы Отечественной войны.

Вторая сестра матери — Яблонская Полина Викторовна, 1905 года рождения, работала экономистом. Она была прекрасным, душевным, отзывчивым человеком. Меня связывали с ней самые искренние теплые отношения.

В 1936 году мои родители стали жертвами беззакония и произвола, но для меня они навсегда остались образцом большевиков-ленинцев, беззаветно преданных делу революции. В 1958 году родители мои были посмертно реабилитированы, а в октябре 1962 года посмертно восстановлены в правах членов партии.

Происходящие в нашей стране перемены общественного мнения, когда восстанавливается историческая

правда об истинных революционерах и активных работах первых лет Советской власти, приносят большое моральное удовлетворение», — закончила свой рассказ А. А. Белобородова-Яблонская.

Таким был последний нарком внутренних дел ленинского периода — А. Г. Белобородов.

Очерк был уже закончен, когда в печати появились две публикации с упоминанием А. Г. Белобородова, на которых, на мой взгляд, нельзя не остановиться.

В статье доктора исторических наук профессора В. Сироткина¹ содержится обвинение в том, что А. Г. Белобородов помимо расстрела царской семьи готовил и другие репрессивные акты, теперь уже не против врагов, а против своих. «И предпринял ее (попытку. — В.Н.), — пишет В. Сироткин, — зампред ВЧК, молодой карьерист, 30-летний А. Г. Белобородов, тот самый, который оформил расстрел фамилии Романовых протоколом Уралсовета, но в телеграмме на имя Ленина и Свердлова указал — «расстрелян Николай Романов, семья его эвакуирована в надежное место» (т. е. на тот свет. — В.Н.). Теперь Белобородов решил «эвакуировать в надежное место» А. М. Коллонтай, А. Г. Шляпникова и других лидеров «рабочей оппозиции»².

Эти данные во многом опираются на письмо Г. Я. Сокольникова Н. Н. Крестинскому, где он пишет: «...Это, по-видимому, новые махинации Белобородова, который в отсутствие Дзержинского позволил себе эту вольность, и пробует вести себя так, как в Екатеринбург»³.

В приведенных выдержках немало неясного. Во-первых, А. Г. Белобородов никогда не был зампредом ВЧК. Как уже указывалось выше, осенью 1921 года он был отозван с работы на юге и назначен замнаркомом внутренних дел РСФСР к Ф. Э. Дзержинскому, который одновременно возглавлял и ВЧК, но у него там были свои заместители.

Когда 6 февраля 1922 г. ЧК реорганизуется в ГПУ

¹ См.: Сироткин В. Еще раз о белых пятнах. Читая журнал «Известия ЦК КПСС»//Неделя. 1989. № 24, 25.

² Неделя. 1989. № 25. С. 11.

³ Там же.

при НКВД РСФСР и Ф. Э. Дзержинский назначается председателем Госполитуправления, то действительно он в это время находился в Сибири. 8 марта Феликс Эдмундович возвратился в Москву. Вряд ли в течение этого месяца именно А. Г. Белобородов организовал описываемую кампанию против «рабочей оппозиции». Факты, по существу, ничем не документированы.

Наконец, совершенно не могу согласиться с такой точкой зрения, когда В. Сироткин пишет, что вслед за Г.Г. Ягодой «пришла целая команда «белобородовых» и фабрикация дел против инакомыслящих в партии... была поставлена на поток»¹. Тем самым А. Г. Белобородов ставится в один ряд с Г. Г. Ягодой, Н. И. Ежовым и Л. П. Берией, что совершенно не соответствует исторической действительности. Во всяком случае требуется дальнейшее углубленное изучение подлинных документов по этому вопросу.

Теперь о второй публикации. В журнале «Наш современник» Игорь Шафаревич в статье «Русофобия» пишет следующее:

«...Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней... Особенно... ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи... Какие имена мы встречали? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, **председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт)** ... (подчеркнуто мною. — В.Н.)².

Иначе говоря, А. Г. Белобородов косвенно обвиняется здесь в том, что скрыл свою настоящую еврейскую фамилию. Когда я по телефону спросил у И. Р. Шафаревича об источниках такой информации, то он сослался на западногерманскую публикацию, но отметил, что там доказательств не приводится. Дочь А. Г. Белобородова, когда я сообщил ей об этом и попросил прокомментировать публикацию, возмутилась такой постановкой вопроса. Она еще раз сообщила, что никакой

¹ Неделя. 1989. № 25.

² Наш современник. 1989. № 11. С. 166.

другой фамилии ее отец кроме Белобородова не имел и подтвердила это такими фактами.

1. Имеется тетрадь воспоминаний отца, где его рукой записано:

«Моя родина — Александровский завод бывшего Соликамского уезда, расположенного недалеко от известных Кизеловских копей на Северном Урале.

Родился я 26 октября 1891 года в семье рабочего Егора Васильевича Белобородова и его жены Татьяны Федоровны».

2. Сохранилось свидетельство, выданное отцу об окончании начальной церковной школы, датированное примерно 1902—1903 гг. с указанием его фамилии, имени и отчества. Этот документ передан мною в Институт марксизма-ленинизма 28 сентября 1988 г., при необходимости можно снять копию.

3. В документах дореволюционного времени царской охранки неизменно указывается единственная, принадлежащая ему фамилия — Белобородов.

4. Членский партийный билет № 1055 члена РКП(б) Белобородова А. Г., выданный 22 ноября 1918 г., передан мною в Свердловский государственный историко-революционный музей.

5. Существовавшая практика, когда революционеры-подпольщики пользовались псевдонимами в целях конспирации, моим отцом не применялась, я нигде не встречала упоминаний об этом.

6. Ни в каких ранее опубликованных документах относительно биографических данных отца не приводится сведений о другой фамилии и указывается его подлинная национальность — русский.

7. Белогвардейский следователь Соколов, автор известной книги о расстреле царской семьи, приводит многие известные ему фамилии революционеров нерусской национальности, имевших псевдонимы, но в отношении фамилии отца нет никаких изменений.

8. Брат моего отца — Белобородов Константин Георгиевич намного моложе его, долгое время жил в Москве, я с ним встретилась один раз примерно в 1960 году.

Таким образом, достоверность второй публикации об А.Г. Белобородове также весьма сомнительна. Однако если версия появилась, то ее следует или документально

доказать, или опровергнуть, к чему я и приглашаю заинтересованного читателя.

Кстати, эта версия не нова. Когда бывший царь Николай Романов находился в 1918 году под арестом в Екатеринбурге, то однажды он спросил у окружающих:

— Скажите, пожалуйста, Белобородов — еврей?.. Он на меня производит впечатление русского...

— Он русский и есть.

— Как же он тогда состоит председателем областного Совета? — недоумевающе протянул бывший царь.

Оказывается, он был убежден, что во главе советских органов, стоят только большевики-евреи»¹.

¹ Касвинов М.К. Двенадцать три ступени вниз. М., Мысль, 1978, с. 479.

Толмачев Владимир Николаевич

1928—1930 гг.

1886—1937

*Забытый
нарком. Как
создавался очерк.
Страницы
биографии. Три
года в
должности
наркома
внутренних дел
РСФСР. «НКВД
должен громким
голосом заявить
о себе». Милиция
и уголовный
розыск. Колонии.
Упразднение
наркомата. В
СНК и
Экономсовете
РСФСР.
Исключение из
партии и
осуждение за
антисоветскую
деятельность.
Отсутствие
состава
преступления.*

аже специалисты по истории органов внутренних дел знают о В. Н. Толмачеве очень мало. Данные материалы добывались буквально по крупицам, поэтому хотелось бы кратко рассказать, как создавался очерк. В. Н. Толмачеву, как и другим наркомам, я посвятил свой очередной отпуск. Упоминания о нем были найдены в справочнике «Вся Москва» издания 1930 года. Там, кстати, в отличие от теперешних времен, читателям сообщалось, что он — народный комиссар внутренних дел, и указан адрес: г. Москва, ул. Воровского, 11, кв. 12.

Далее по моей просьбе доктор исторических наук С. В. Биленко нашел краткую биографическую справку о В. Н. Толмачеве в Малой советской энциклопедии издания 1931 года и, как ответственный работник Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления, предоставил возможность изучить соответствующие архивные документы за период работы В. Н. Толмачева в должности наркома.

Добрый и отзывчивый человек, кандидат исторических наук Галина Николаевна Горская, заведующая читальным залом Центрального партийного архива, запросила его личное дело и решение КПК при ЦК КПСС о реабилитации. Бывший заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майор М. А. Маров ознакомил с имеющимися у них документами по этому вопросу. Сотрудники Академии МВД СССР С. А. Акимов, С. В. Игнатов и И. В. Слабцова по отрывочным и устаревшим данным пытались отыскать дочь В. Н. Толмачева — Зою Владимировну. Сделать они это, к сожалению, не смогли, она недавно

скончалась, но были найдены ее потомки — дочь Мария Федоровна Константинова и другие, которые сообщили немало полезных сведений.

Большое спасибо всем этим и другим товарищам, оказавшим помощь в работе над очерком о В. Н. Толмачеве. Мне оставалось лишь организовать все это, основательно проштудировать имеющуюся литературу о работе НКВД за указанный период и другие источники. Так и сложился этот очерк.

Владимир Николаевич Толмачев родился в 1886 году (по некоторым данным — в 1887 году) в г. Костроме в семье народного учителя, преподававшего в техническом училище. В 1904 году он вступает в РСДРП и приобщается к революционной деятельности, будучи учащимся Костромской гимназии. В 1905 году вел революционную работу среди рабочих г. Костромы и был избран членом городского комитета РСДРП. В 1906 году арестован и сослан в Яринский уезд Вологодской губернии, где находился в ссылке в течение пяти лет. По возвращении из ссылки в 1910 году уехал на черноморское побережье и тем самым связал свою последующую судьбу с этими местами.

В 1911—1912 гг. был на военной службе. После ее окончания женился на Варваре Афанасьевне, своей верной и боевой подруге. В 1914 году у них родилась дочь Нина, а через два года вторая дочь — Зоя. В 1914 году В. Н. Толмачев вновь призван и направлен на турецкий фронт. Будучи в армии, в марте 1917 года организовал Совет солдатских депутатов гарнизона и был избран его председателем. В ноябре 1917 года вместе с частями фронта прибыл в Тифлис, а затем бежал от меньшевиков в г. Новороссийск, где назначен заведующим военным отделом и избран заместителем председателя Новороссийского комитета партии, затем назначен новороссийским военным комиссаром. Здесь в г. Новороссийске в июне 1918 года В. Н. Толмачев, выполняя указание В. И. Ленина о том, чтобы Черноморский флот немцам не сдавать, а потопить, принял участие в организации затопления кораблей.

Позднее, в 1919 году, В. Н. Толмачев — заместитель начальника политотдела 14-й Армии, член Реввоенсовета Крымской республики. В 1921—1922 гг. — секретарь Кубано-Черноморского обкома. В 1922—1924 гг. —

В.Н. Толмачев в кругу семьи.

председатель Кубано-Черноморского исполкома. В 1924—1928 гг. — заместитель председателя Северо-Кавказского крайисполкома¹.

Как и почему именно В. Н. Толмачев сменил на посту наркома внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородова — не очень ясно. То ли случай помог этому, то ли какие-то личные связи, то ли другие обстоятельства. Размышляю об этом потому, что перейти с должности одного из многих заместителей крайисполкома страны с периферии на должность наркома в Москве — явление не рядовое и для того времени и для наших дней.

В личном деле В. Н. Толмачева имеются характеристики, собранные в конце 1927 года, видимо, в связи с предстоящим назначением на пост наркома. Оценки даются неоднозначные. Так, в характеристике за подписью секретаря Кубано-Черноморского обкома А. Аболина отмечается: «старый, марксистский, выдержанный революционный работник. Средний администратор. Отличительная черта — умение спланировать, воодушевлять работающих с ним. Прямолинейный и честный в своих взаимоотношениях с товарищами».

В характеристике председателя Кубано-Черноморского губернского исполнительного комитета сказано: «Хороший организатор... умеет хорошо подбирать вокруг себя работников и руководить ими, создавать товарищескую атмосферу. Является фактическим руководителем советской работы».

В другом же документе он характеризуется как «человек с весьма средней политической и марксистской подготовкой. Мягкий по натуре. Слабый администратор. Человек уживчивый... На пост председателя Кубано-Черноморского губернского исполкома не годится также, как был бы слабым и секретарем губернского комитета партии».

В характеристике заместителя секретаря Кубанско-областкома т. Черного от 1924 года отмечается: «По занимаемой должности предисполкома является фактическим руководителем работы... Умеет подбирать работников и руководить ими... Использовать на более ответственной работе можно... Устойчив, политически выдержан. Отличный товарищ. Умеет объединять и

¹ См.: Малая советская энциклопедия. М., 1931. Т. 8. С. 840.

сплачивать работников, создавать теплую, товарищескую обстановку»¹.

Как бы то ни было, но в январе 1928 года В. Н. Толмачев назначается наркомом внутренних дел РСФСР. Правда, работать на этом посту ему довелось не очень долго, ровно три года, до января 1931 года, когда наркомат был ликвидирован. В эти годы он избирается членом ВЦИК и его президиума, а также членом ЦИК СССР.

Отметим такую уточняющую деталь. В некоторых изданиях появились сообщения о том, что наряду с названными лицами в 1927—1928 годах якобы наркомом внутренних дел РСФСР был Валентин Никандрович Егоров. Об этом, в частности, в своем письме спрашивал О. В. Ильинский из города Ростова-на-Дону. Дополнительное изучение этого вопроса по архивным источникам показало, что В. Н. Егоров был только заместителем наркома внутренних дел РСФСР. После освобождения от должности наркома А. Г. Белобородова и до назначения очередного наркома В. Н. Толмачева В. Н. Егоров лишь исполнял обязанности.

НКВД РСФСР, как и прежде, при А. Г. Белобородове, живет в эти годы нелегкой жизнью. (Да и вообще попутно заметим, что «легкой» жизни в НКВД (МВД) не было никогда, не то ведомство. Достаточно сказать, что из 13 наркомов (министров), о которых я пишу эти очерки, шесть были репрессированы и расстреляны, а один застрелился сам, о чем свидетельствует таблица, приведенная в начале. В последующем застрелился и еще один министр — Б. К. Пуго, но об этом речь пойдет во второй книге.)

С одной стороны новому наркому надо было активно выполнять порученное дело, с другой — не прекращались действия по упразднению наркомата. Рассмотрим кратко обе эти стороны на основе имеющихся документов.

Придя в наркомат и несколько ознакомившись с положением дел, В. Н. Толмачев на совещании руководящего состава наркомата сказал: «Я далек от мысли критиковать чью-либо работу, у меня еще очень мало наблюдений и знания дел этого наркомата. Я хочу

¹ По материалам ЦПА ИМЛ.

исходить только из поверхностных впечатлений, которые я старался собрать здесь и из ряда наблюдений, которые я имел на месте, где приходилось наблюдать деятельность наркоматов, в частности НКВД.

Прежде всего нужно постараться создать авторитет НКВД, который, по правде говоря, в глазах мест не имел веса, волею судеб и в системе центральных организаций авторитетом не пользовался. Дело ведь доходило до того, что ставился вопрос, нужен ли этот наркомат. По-моему, это край большой, до которого добралось учреждение. Но поскольку вопрос решен в положительном смысле, что наркомат нужен, что это не только формально существующая организация, а кому-то приносит пользу, мне кажется, что необходимо в порядке обмена мнениями наметить если не план, то подход к составлению реального плана работы как в отношении целого наркомата, так и его частей.

...Наркомат в отношении мест был так поставлен, что места относились к нему безразлично, не враждебно, а безразлично — это еще хуже. ...До сих пор НКВД был второстепенной организацией, но он должен выдвигаться на первый план и громким голосом заявлять о себе — это можно сделать путем выхода из узкого ведомственного круга».

Намекая на то, что А. Г. Белобородов примкнул к троцкистам, был исключен из партии и снят с работы, один из участников этого совещания сказал: «...Причиной отсутствия авторитета нашего ведомства в соответствующих политических инстанциях в значительной степени играло общественное значение бывшего нашего руководителя. В зависимости от того, какой он имел авторитет там, такой вес имел НКВД». Говоривший это сотрудник НКВД, конечно, не подразумевал, что примерно такая же судьба уготована и новому наркому.

В. Н. Толмачев много внимания уделяет совершенствованию стиля работы аппарата. Кстати, нынешним сотрудникам министерств внутренних дел невредно посмотреть на то, какими были штаты наркомвнудел РСФСР свыше 60 лет назад — на 1 октября 1928 г.:

народный комиссар — 1, заместитель наркома — 1; политинспектор — 1; секретариат коллегии — 10; статотдел — 23; общий отдел — 91 (в том числе хозяйственное обслуживание); финансовый отдел — 16; учет-

но-распределительный отдел — 3; отдел адмнадзора — 19; отдел милиции — 14¹; отдел уголовного розыска — 47; Главное управление коммунального хозяйства — 59; Главное управление местами заключения — 42; Секретариат административной комиссии при Президиуме ВЦИК — 5; мобилизационный отдел — 7; резерв — 2. Всего по комиссариату — 349 человек².

Конечно, сейчас и времена и масштабы не те, но на некоторые мысли это все-таки наводит. Курс, который в этом вопросе взят сейчас, — больше самостоятельности низовым звеньям, резкое сокращение аппарата в верхних эшелонах и решительная борьба с его бюрократизацией — несомненно правилен.

Наркомвнудел В. Н. Толмачев строг, что отражается и в его приказах. Вот три характерных, на наш взгляд, приказа, подписанных В. Н. Толмачевым.

Приказ по НКВД № 134 от 18 августа 1928 г.

«При посещении мною вместе с Народным комиссаром юстиции Сокольнического исправдома 16 сего августа обнаружена полная нераспорядительность администрации Сокольнического исправдома и неудовлетворительное состояние последнего.

Ставя это на вид Главному управлению местами заключения, предлагаю срочно принять меры к устранению отмеченных недостатков и к обновлению руководящего состава Сокольнического исправдома».

Приказ по Народному комиссариату внутренних дел № 138 от 23 августа 1928 г.

«При обходе здания Наркомата мною обнаружена большая небрежность в уборке рабочих помещений.

Коменданту объявляю выговор за недостаточное наблюдение за чистотой зданий».

И снова приказ НКВД № 170 от 29 сентября 1928 г.

«При произведенном осмотре помещений НКВД я установил, что все здание от подвала до кабинета Наркома находится в крайне запущенном состоянии. Грязь и пыль, беспорядок и неряшливость представляют собой привычное и прочно установившееся явление. Видно, что годами накопленные залежи мусора, пыли

¹ В декабре 1928 года отдел милиции был преобразован в Управление, но численность этого подразделения не изменилась.

² См.: ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 74. Д. 3. Л. л. 172—180.

и грязи годами же не привлекали к себе ничего внимания.

Не лучше обстоит дело и с обстановкой в рабочих кабинетах Наркомата. Всюду — на подоконниках, в шкафах — навалены груды дел. В ящиках письменных столов находятся совершенно ненужные для работы предметы. Деловые бумаги и принадлежности остаются неубранными и после работы. На стенах неряшливо наклеены и болтаются лохмотьями разные зачастую ненужные плакаты, надписи и т. п. Этим загрязняются и портятся стены, а учреждению придается вид какого-то временного полужилого помещения.

Разнокалиберная мебель иногда совершенно бесцельно загромождает комнаты, усугубляя и без того гнетущую картину общей неряшливости. Особенно возмутительным и совершенно недопустимым оказалось состояние кухни и столовой...»¹.

Далее следовали меры, которые наркомвнудел В.Н. Толмачев предписывал должностным лицам для наведения порядка.

Думаю, читатель согласится со мной, что приказ написан лицом неравнодушным, к тому же живым и непосредственным языком. Что касается описанного, то за прошедшие годы в зданиях МВД, по моим наблюдениям, внешний порядок в основном наведен, однако многие наши учреждения и до сих пор имеют примерно такой же вид, как описано в приказе, и работа здесь предстоит еще большая.

В октябре 1928 года был составлен «План контрольно-обследовательских работ НКВД на 1928—1929 годы», которым предусматривалось провести 13 обследований коммунальных органов и 12 административных органов (милиция, угрозыск, места заключения). На все это была отпущена 21 тыс. руб. Как отметил В. Н. Толмачев, на эту сумму особенно не разгонишься, денег мало, а работ много.

В связи с этим своеобразными были и методы обследования. Так, в Дальневосточный край намечалось выслать на 120 дней двух человек, одного по линии административной, другого — по коммунальной с привлечением местных работников.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 74. Д. 3. Л. л. 133, 137, 168.

Главным направлением деятельности НКВД и в этот период были вопросы коммунального хозяйства. Так, на заседании коллегии от 7 декабря 1928 г. рассматривалось два вопроса: а) план кредитования жилищного строительства; б) план кредитования электростроительства.

На заседании коллегии от 8 декабря 1928 г. — один вопрос: «План кредитования коммунального благоустройства (водопровод, канализация, трамвай, бани, съемка, планировка)»¹.

Наряду с коммунальным хозяйством продолжалось развитие советской милиции.

Большое значение для определения путей дальнейшего совершенствования милиции имело обследование органов милиции и уголовного розыска, проведенное Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции в феврале—мае 1928 года. Проверка проводилась специально созданной комиссией НК РКИ СССР, а также наркоматами рабоче-крестьянской инспекции союзных республик при участии представителей ОГПУ, республиканских наркоматов внутренних дел и юстиции, профессионального Союза совторгслужащих. К обследованию были привлечены также широкие круги рабочих и крестьян. Оно находилось под постоянным контролем Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

22 июня 1928 г. на совместном заседании Президиум ЦКК и коллегия НК РКИ СССР, заслушав доклад Центральной комиссии НК РКИ СССР, приняли постановление «О результатах обследования милиции и органов уголовного розыска», в котором отметили достижения и недостатки милиции и уголовного розыска и указали меры улучшения их организации и деятельности². Докладная записка о состоянии и деятельности милиции и уголовного розыска была представлена в ЦК ВКП(б).

В определении путей совершенствования милиции большую роль сыграл также Второй Всероссийский съезд административных работников, проходивший в Москве с 23 по 30 апреля 1928 г. с участием представителей от всех союзных республик. В решении съезда

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 74. Д. 2. Л. л. 24—54.

² Там же. Оп. 78. Д. 66. Л. л. 2, 8, 9.

было записано: «Отмечая ряд достижений в области административной работы и укрепления административных органов, съезд одновременно констатирует, что объем этих достижений и рост удельного веса административных органов значительно отстают от размаха хозяйственно-культурного строительства страны, благодаря чему административные органы не могут сполна удовлетворять быстроповышающиеся требования населения»¹.

9 июля 1930 г. СНК РСФСР на своем заседании заслушал НКВД о состоянии милиции и уголовного розыска. В постановлении отмечалось:

«Констатируя ряд достижений в деятельности милиции и уголовного розыска, признать работу этих органов в общем удовлетворительной и взятый ими курс на широкое привлечение общественности к непосредственному участию в работе милиции и уголовного розыска и на общественно-политическую установку в подготовке и подборе административных кадров правильным. Отметить, что в области укрепления связи с населением уже имеется ряд достижений»².

Отмечались и недостатки: незначительная партийная и рабочая прослойка среди личного состава; большая текучесть, неудовлетворительное состояние дисциплины, разложение в отдельных звеньях; низкое качество расследования уголовных дел, слабая раскрываемость. В постановлении были намечены меры по устранению недостатков.

Мы видим, что проблемы в деятельности милиции в 1930 году были почти такими же, как и сейчас, лишь с учетом поправки на новую историческую обстановку. Это неудивительно. Функция охраны правопорядка и борьбы с преступностью является одной из постоянных для общества в целом и государства в том числе. Поэтому для качественного осуществления такой работы на всех этапах развития государства нужны были хорошо подготовленные и высокосоциальные люди, кадры.

Большой заботой для наркома было и налаживание

¹ Второй Всероссийский съезд административных работников 23—30 апреля 1928 г. Сокращенная стенограмма. М., 1929. С.126.

² ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 1.

деятельности исправительно-трудовых учреждений. На 1 мая 1930 г. в НКВД имелось 279 таких учреждений, в которых содержалось 171 251 человек. В числе названных исправительно-трудовых учреждений было 176 территориальных домов заключения, 24 лесозаготовительные колонии, 14 фабрично-трудовых, 24 — сельскохозяйственных и 18 других колоний.

Эти данные не полностью характеризуют исправительно-трудовую систему того времени, так как наряду с колониями НКВД к тому времени начала складываться система лагерей ОГПУ. К описываемому периоду существовал Соловецкий лагерь ОГПУ, а также группа лагерей особого назначения ОГПУ с центром в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар), в которых содержалось примерно 100 тыс. человек. Для осуществления общего руководства исправительно-трудовыми лагерями в 1930 году было создано Управление лагерями (УЛАГ) ОГПУ, которое в 1931 году было реорганизовано в Главное управление лагерями (ГУЛАГ) ОГПУ.

К началу 30-х годов общее число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составляло примерно 300 тыс. человек. К 1934 году, к моменту создания НКВД СССР, в связи с массовыми репрессиями это число возросло до полумиллиона, а в 1935 году приблизилось к миллиону человек.

Однако в ряде изданий у нас и за рубежом, в выступлениях публицистов, деятелей литературы и искусства приводятся значительно преувеличенные данные на этот счет, называются баснословные десятки миллионов человек. Частично это делается, видимо, из-за неведения, но нередко и по конъюнктурным соображениям.

В период работы наркомом В. Н. Толмачева важную роль в развитии исправительно-трудового права сыграло постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «По докладам НКО и НКВД о карательной политике и состоянии мест заключения»¹. ВЦИК и СНК отметили в качестве положительных моментов работы НКВД: «правильность, в основном, направления политики... в области применения исправительно-трудовых мер воздействия на лиц, находящихся в

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 78. Д. 65. Л. 369—372.

В.Н. Толмачев в годы гражданской войны.

местах лишения свободы, рост культурно-просветительной работы среди заключенных, а также организацию научного изучения преступника и преступности». Наряду с этим в постановлении было указано на крупные недочеты в работе исправительно-трудовых учреждений:

а) недостаточно обоснованное предоставление в ряде случаев льгот для классово чуждых и социально опасных элементов;

б) недостаточную дисциплину в местах заключения;

в) слабое руководство наблюдательными комиссиями и недостаточное внимание к работе распределительных комиссий;

г) недостаточное внимание к перевоспитанию заключенных, принадлежащих к рабоче-крестьянской молодежи.

ВЦИК и СНК признали необходимым в области карательной политики применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов, преступников-профессионалов и рецидивистов.

В отношении же социально неустойчивых элементов, совершивших преступления случайно, рекомендовалось развить в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами наказания, применять лишение свободы только в тех случаях, когда иные меры либо невозможны, либо явно нецелесообразны.

ВЦИК и СНК предложили упорядочить режим в местах заключения, в частности, ограничить льготы классово чуждым элементам, социально опасным преступникам и профессионалам-рецидивистам; устранить полностью совместное содержание социально опасных элементов и случайных преступников; расширить компетенцию начальников мест заключения в области их полномочий по поддержанию режима, сохранив за наблюдательными комиссиями функции наблюдения и общественного контроля; при постановке культурно-просветительной работы обратить особое внимание «на впадшую в преступление рабоче-крестьянскую молодежь».

В конце 1930 года НКВД РСФСР был упразднен. Этому предшествовала широкая кампания в печати. Вот название некоторых газетных материалов: «Наша газета» от 29 января 1929 г.: «Чуждые люди в Наркомвнуделе.

Профессор богословия ведает рационализацией. В чьих руках охрана порядка?» Та же газета от 16 февраля 1929 г.: «Странная картина. Еще о чуждых в Наркомвнуделе». Та же газета от 5 июля 1929 г.: «Парадный выезд чиновников из Главумзака» (главное управление мест заключения НКВД.— *В.Н.*).

«Комсомольская правда» от 10 августа 1929 г.: «В обход декрета о земле. «Теоретики» из Наркомвнудела узаконивают частную собственность». «Наша газета» от 24 августа 1929 г.: «Спертый воздух в Наркомвнуделе». Та же газета от 7 сентября 1929 г.: «Готовьтесь к чистке в Наркомвнуделе». Та же газета от 12 сентября 1929 г.: «Им нечего ответить. Вместо них должна заговорить ЦКК».

«Правда» от 30 декабря 1929 г.: «Нужны ли наркомвнуделы?» (подчеркивается, что вопросы коммунальной работы НКВД ведет плохо, а вопросы охраны правопорядка дублируются с Минюстом). «Наша газета» от 10 января 1930 г.: «Наркомвнудел должен быть расформирован». «Правда» от 8 февраля 1930 г.: «НК РКФСР за ликвидацию Наркомвнуделов». «Экономическая жизнь» от 22 февраля 1930 г.: «Почему нужно изъять управление коммунального хозяйства из НКВД?» и т. д. Как видим, происходит постоянное нагнетание обстановки, причем, по некоторым данным,— не без влияния ОГПУ.

А вот другая точка зрения на эту проблему. В августе 1930 года была написана докладная записка «О ликвидации НКВД» в ЦИК СССР. Судя по автографу М. И. Калинина и описи, автором ее является некто Зайцев (возможно, работник ЦИК). В записке, в частности, сообщалось: «Вопрос о ликвидации наркомвнуделов был поднят еще в 1923—1924 году Сапроновым и на протяжении всех последующих лет в ряде союзных и автономных республик наркомвнуделы упразднялись и снова восстанавливались».

Действительно, как свидетельствуют документы, 16 мая 1927 г. постановлением ЦИК и СНК Узбекской ССР был упразднен НКВД Узбекской ССР. Президиум ЦИК СССР на своем заседании 16 мая 1928 г. рассмотрел вопрос об упразднении НКВД Узбекской ССР и принял следующее решение:

«1. Констатировать, что упразднение НКВД УзССР

произведено с нарушением ст. 67 Конституции Союза ССР.

2. Предложить Президиуму ЦИК УзССР пересмотреть вопрос об упразднении НКВД в сторону целесообразности его восстановления.

3. Поручить Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по советскому строительству и организационным вопросам изучить вопрос о целесообразности упразднения НКВД в ТуркССР.

Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енукидзе».

Далее Зайцев в своей записке продолжает: «Так, например, наркомвнуделы были ликвидированы, затем снова восстановлены в УзССР, ТуркССР и Крымской АССР.

В начале 1930 года ликвидированы наркомвнуделы в республиках Закавказья, которые еще не восстановлены. В настоящее время в связи с ликвидацией округов в УССР также поставлен вопрос о ликвидации НКВД.

Во всех случаях постановки вопроса о ликвидации НКВД авторы исходят из задач упрощения и удешевления аппарата и из идеи «отмирания» функции административного принуждения в Советском государстве».

Автор критикует такую позицию, предлагает оставить НКВД в том виде, как они есть, иначе реорганизация их цели не достигнет и приведет к ослаблению работы.

На письме рукой М. И. Калинина чернилами написано: «Т. Зайцев. По существу я с вами согласен. В партийном порядке этот вопрос как вероятно Вам известно снят на год. М. Калинин. 24.VIII. 30».

Но, видимо, уже к этому времени не М. И. Калинин определял политику в столь больших вопросах, а Сталин и его самое ближайшее окружение. Во всяком случае менее чем через 4 месяца после указанной резолюции 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР за подписями того же М. Калинина, а также А. Рыкова и А. Енукидзе принимают два постановления: «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» и «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска». В постановлениях так объяснялась необходимость упразднения НКВД: «На новом этапе в условиях социалистической реконструкции народного хозяйства комиссариаты внутренних дел союзных и автономных рес-

публик, объединяющие руководство различными, органически не связанными между собой, отраслями управления и народного хозяйства — коммунальным делом, милицией, уголовным розыском, местами заключения — стали излишними звеньями советского аппарата»¹.

Исходя из этого, ВЦИК и СНК РСФСР 31 декабря 1930 г. постановили упразднить НКВД РСФСР. 31 декабря 1930 г. был издан приказ по НКВД РСФСР № 337 о ликвидации Наркомата².

В нем было сказано:

а) Главное управление коммунального хозяйства и управление милиции с их полным штатом и наличным составом работников выделить из системы НКВД и, согласно имеющимся директивам правительства, передать в непосредственное подчинение Совету Народных Комиссаров РСФСР;

б) Главное управление мест заключения и Государственный институт по изучению преступника и преступности с их полным штатом и наличным составом работников передать в ведение Народного комиссариата юстиции РСФСР;

в) Административно-организационное управление расформировать, а функции общего администрирования и надзора как в центре, так и на местах передать соответствующим органам, согласно постановлению Президиума ВЦИК;

г) Управление кадрами, I управление, Управление делами и финотдел расформировать, передав их функции и аппарат соответствующим частям коммунального и административного сектора с подлежащими их ведению учебными заведениями в центре и на местах;

д) краевые (областные) административные управления, административные управления автономных областей и административные отделы районных исполкомов и горсоветов самостоятельных городов реорганизовать в управления — отделы милиции (и уголовного розыска) при соответствующих исполкомах, при этом:

1) функции по местам заключения передать в ведение выделяемых из административных управлений — «отделов (управлений) мест заключения и принудработ»

¹ СЗ СССР. 1930. № 60. Ст. 640.

² ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 84. Д. 115. Л. 503.

с включением их в систему Народного комиссариата юстиции;

2) функции общего администрирования и надзора распределить в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК;

е) «Издательство НКВД» согласно указанию Председателя СНК РСФСР было передано издательству «Советское законодательство», а Административная комиссия при Президиуме ВЦИК, состоящая на бюджете НКВД РСФСР, была переведена во ВЦИК¹.

Итак, НКВД РСФСР не стало. За весь период советской истории НКВД упразднялся дважды: в 1930 году НКВД РСФСР и других союзных и автономных республик, а в 1960 году — МВД СССР. На мой взгляд, оба эти упразднения были ошибочными. Они не вытекали из каких-то внутренних потребностей развития общества, а были результатом борьбы или различных ведомств между собой, или определенных группировок, или ошибочных установок первых руководителей того времени И. В. Сталина и Н. С. Хрущева.

Самым красноречивым подтверждением ошибочности упразднения названных структур было то, что через короткое время они снова были восстановлены, правда, в видоизмененном качестве. В частности, упраздненные в 1930 году НКВД союзных республик были снова восстановлены, кроме НКВД РСФСР, в 1934 году во главе уже с НКВД СССР.

Но для этого им нужно было пройти через разрушение аппаратов, созданной нормативной и материально-технической базы, разгон кадров и т. д., а затем все начинать сначала. Однако в документах того времени эти акции подавались как мудрые решения в интересах государства и народа. А сколько еще было таких же бездумно амбициозных реорганизаций в различных сферах? Эти примеры лишний раз должны напоминать должностным лицам, особенно высокого ранга, о необходимости весьма взвешенного подхода при принятии крупных решений.

Возвратимся, однако, к герою этого очерка, теперь уже бывшему наркому внутренних дел РСФСР Владимиру Николаевичу Толмачеву.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 84. Д. 115. Л. 504.

После освобождения от должности в январе 1931 года он назначается начальником Главдортранса СНК РСФСР и членом Экономсовета РСФСР, т. е. на довольно высокий пост, где проработал до ноября 1932 года. В автобиографии В. Н. Толмачев указывал, что еще до революции, в ссылке он встречался с видными деятелями партии и государства В. Н. Подбельским, а также в последующем ставшими секретарями ЦК Л. П. Серебряковым и А. П. Смирновым (наверно, не исключено, что кто-то из этих лиц мог рекомендовать его и на пост наркома внутренних дел). Так вот, в московский период работы В. Н. Толмачева (1928—1932 гг.) происходит его дальнейшее сближение с А. П. Смирновым, а также Н. Б. Эйсмонт (в то время работал наркомом снабжения РСФСР). Однако это сближение в последующем стоило ему жизни. А развивались события так.

По доносу на имя И. В. Сталина В. Н. Толмачев вместе с А. П. Смирновым и Н. Б. Эйсмонт был обвинен в создании антипартийной группы и намерении «убрать» Сталина.

Вот стенограмма его опроса 25 ноября 1932 г. на заседании Президиума ЦКК, где присутствовали Я. Э. Рудзутак, Н. К. Антипов, П. П. Постышев, Е. М. Ярославский, М. Ф. Шкирятов, Г. А. Молчанов, А. С. Енукидзе:

«1. Рудзутак: Мы сегодня пригласили вас, т. Толмачев, по следующему поводу. К нам, в ЦКК, поступили сведения о том, что вы, Эйсмонт, Смирнов и еще ряд товарищей ведете антипартийную агитацию, недовольны линией ЦК, считаете, что политика ЦК привела к разорению деревни и продолжение этой политики грозит крестьянскими восстаниями, что нужно убрать из ЦК Сталина, что нужно вообще его убрать и прочее. Что вы можете сказать по этому поводу?

Толмачев: (разводит руками).

Постышев: Вы здесь руками не разводите, а вы скажите всю правду, тогда, может быть еще какое-нибудь смягчение будет. Не крути здесь, а Расскажи, какие вы разговоры вели со Смирновым и Анохиным. У нас есть данные и материалы. Ты не крути, скажи всю правду. Скажешь правду, может быть, легче будет, может быть, какое-нибудь снисхождение будет, а руками

нечего разводить. У вас всех одинаковая политика. Эйсмонт тоже руками разводил, а потом начал говорить.

Толмачев: Меня раньше никто не вызывал.

Постышев: Раз не было нужно, так и не вызывали.

Толмачев: Никогда ни одного слова в своей жизни не говорил относительно замены т. Сталина.

Постышев: Не заменить, а убрать. ...Ты сейчас врешь, ты ни одного слова правды в ЦКК не говоришь, от начала до конца врешь, я тебе сразу сказал, что всякая ложь не поможет, а усугубит твое дело. Если хочешь сказать правду — скажи. Эйсмонт заявляет, что очень часто, когда он приезжал к Смирнову, всегда он своих друзей встречал словами: «Неужели не нашлось до сих пор человека в партии и в стране, который бы убрал Сталина».

Толмачев: Никогда я этого не слыхал.

Постышев: Говорилось у вас о том, что члены ЦК, каждый в отдельности не согласен с политикой ЦК, а как соберутся вместе, как придет Сталин, все голосуют «за»?..

Толмачев: Этого не говорили...

Рудзутак: Сталина обвиняли, партию тоже?

Толмачев: Нет...

Постышев: Разрешите мне еще вопрос задать. Нам интересует ваша беседа втроем, когда вы критиковали политику ЦК как неправильную политику в отношении сельского хозяйства, и, в частности, вы критиковали руководство в лице тов. Сталина. Вот что говорили вы — Эйсмонт, ты и Смирнов. Ты должен нам сказать не отдельные отрывочные фразы, а то, что у вас было на самом деле. Скрывать этого тебе не следует. Мы тебя все предупреждаем, что неправда только усугубит твое положение. У вас на этом совещании была критика совершенно непартийного порядка. Вы говорили, что политика ЦК неправильная, что она ведет к крестьянским восстаниям, что она привела к разорению Украины и Казахстан, что теперь на очереди Северный Кавказ и что во всем этом деле виноват Сталин, который...

Толмачев: Нет.

Постышев: Да, да, который сделал безгласным ЦК, и что отдельные члены ЦК с политикой ЦК не согласны каждый в отдельности, а когда соберутся вместе, как только приходит Сталин — все голосуют «за». Такие разговоры были, и ты врешь, если отказываешься.

Толмачев: Не были.

Постышев: Об этом Эйсмонт говорил Никольскому.

Толмачев: Не знаю, какие разговоры с Никольским были»...

Президиум ЦКК ВКП(б) постановил:

«1. За участие в антипартийной группировке и лживые показания в ЦКК ВКП(б) исключить Толмачева В. Н. из рядов ВКП(б).

2. Дальнейшее ведение дела Толмачева поручить ОГПУ»¹.

Тогда же, 25 ноября 1932 г., В. Н. Толмачев был арестован. 26 ноября 1932 г. на допросе в ОГПУ вновь твердо заявил: «Существование организации из настроенных антипартийно тт. я отрицаю»².

Особое совещание своим постановлением от 16 января 1933 г. за антисоветскую агитацию заключило В. Н. Толмачева и Н. Б. Эйсмонта в спецлагерь сроком на три года.

Состоявшийся 7—12 января 1933 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял следующее решение «Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова и др.»:

1) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) устанавливает, что Эйсмонт, Толмачев, Смирнов и др., заявляя на словах о своем согласии с линией партии, на деле вели антипартийную работу против политики партии. С этой целью они создали подпольную фракционную группу, причем Эйсмонт и Толмачев вербовали своих сторонников среди разложившихся элементов, оторвавшихся от рабочих масс буржуазных перерожденцев.

2) В момент, когда партия подводит итоги величайшим победам пятилетки, эта группа, подобно рютинско-слепковской антипартийной группировке, ставила своей задачей, по сути дела, отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности кулачества.

3) Исходя из этого, Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановляет:

а) одобрить решение Президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева, как разложившихся и переродившихся антисоветских людей, пытав-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 69—70.

² Там же. С. 70.

шихся организовать борьбу против партии и партийного руководства;

б) на основании резолюции X съезда партии исключить из Центрального комитета ВКП(б) Смирнова, предупредив его, что в случае, если всей своей работой в дальнейшем не заслужит доверия партии,— будет исключен из партии»¹.

Находясь в заключении, В.Н.Толмачев четырежды в 1932 и 1933 гг. обращался в Политбюро, в ЦКК, а затем и в Президиум XVII съезда партии с просьбой о восстановлении его в рядах партии. Так, в заявлении от 16 января 1933 г. в адрес Политбюро Центрального Комитета и Президиума ЦКК В. Н.Толмачев писал: «Когда в Президиуме ЦКК и на следствии мне был поставлен вопрос — принадлежу ли я к антипартийной правооппортунистической группировке, я, ни на минуту не сомневаясь в своей правдивости, категорически отрицал это, т. к. мне никогда и в голову не приходило, что я могу принять участие в каком бы то ни было антипартийном деле. Эта основная уверенность в своей безусловной преданности партии была для меня настолько привычна и сильна, что вопрос этот показался мне тогда просто недоразумением. Была у меня уверенность, что и Смирнов с Эйсмонтom также против партии пойти не могут, а что все наше эпизодическое общение ограничивается только рамками простого знакомства и откровенных разговоров ответственных партийцев по поводу тех или иных явлений нашей хозяйственной и политической жизни. Правда, разговоры эти при более строгом отношении к себе не следовало бы допускать. Такая уверенность создалась у меня благодаря тому, что никто из нас ни в каких ранее существовавших оппозиционных группировках не состоял, а, наоборот, боролся с ними.

...Вопрос о том, с кем я, могу ли я пойти на какое-нибудь уклонение от линии партии, для себя я решил раз навсегда в том смысле, что никогда ни с какой группировкой не пойду и все силы до конца отдаю на выполнение решений партии и указаний ее руководства»².

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 6. 1985. Изд. 9. С. 32—33.

² По материалам ЦПА ИМЛ.

27 марта 1934 г. парткомиссия КПК, рассмотрев его заявление к XVII съезду, отказала в пересмотре решения как исключенному за контрреволюционную фракционную работу.

После отбытия наказания В. Н. Толмачев, работая заведующим береговыми разработками Костромской топливной конторы, 30 марта 1937 г. был арестован вторично и 20 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу «за контрреволюционную деятельность».

Позднее, уже в 60-е годы, органы прокуратуры установили, что В.Н.Толмачев оба раза был арестован и осужден необоснованно. В связи с этим Военная коллегия Верховного Суда СССР 23 августа 1962 г. отменила приговоры 1933 и 1937 годов и прекратила оба дела за отсутствием состава преступления. Такие же решения были приняты и в отношении А. П. Смирнова (в 1938 году осужден к расстрелу) и Н. Б. Эйсмонта (в 1936 году погиб в авиакатастрофе).

28 декабря 1962 г. В.Н.Толмачев реабилитирован и в партийном отношении (посмертно).

Пострадали и близкие родственники В.Н. Толмачева. В 1937 году были арестованы и расстреляны два его младших брата — Владимир и Сергей, арестована жена Варвара Афанасьевна, которая провела в заключении почти семь лет, а также жены братьев. В последующем все родственники также были реабилитированы.

Так закончилась жизнь наркома внутренних дел РСФСР В.Н.Толмачева по уже известной трагической схеме: работал — невинно осужден — расстрелян — реабилитирован через много лет.

* * *

Итак, мы завершили первую часть очерков. Из пяти наркомов внутренних дел РСФСР, о которых в ней говорится, никто, как свидетельствуют документы, близок к Сталину не был. Первые четыре наркома (А. И. Рыков, Г. И. Петровский, Ф. Э. Дзержинский, А. Г. Белобородов) являлись работниками ленинской школы. А. Г. Белобородов, правда, в последующем подписал все три известных троцкистских платформы и был в оппозиции к Сталину, как и В. Н. Толмачев.

Таким образом, никто из наркомов к Сталину еще не примыкал. Да и Сталину этот не очень весомый, всего лишь республиканский наркомат не так уж был нужен. Существовала параллельная и более мощная общесоюзная структура — ОГПУ, к которой он все более внимательно присматривался. Пройдет время, и после XVII съезда партии в 1934 году он объединит эти ведомства, а между кабинетом Сталина и Наркоматом внутренних дел установится повседневная тесная связь, которая будет длиться почти 20 лет, вплоть до смерти вождя, и которая принесет немало горя и страданий людям.

Ягода Генрих Григорьевич

1934—1936 гг.

*Создание НКВД
СССР. Начало
биографии.
Заместитель
председателя
ОГПУ.
Оценки Ягоды.
Система
лагерей и
колоний.
Социалистическая
законность —
слова и дела.
Наращение
психоза,
разоблачение
«врагов народа».
Дело
«объединенного
троцкистско-
зиновьевского
центра» и
другие. По его
же сценарию.
Постскриптум.
Сын живет под
другой
фамилией.*

1891—1938

Написание документальных очерков о Г. Г. Ягоде и Н. И. Ежове явилось для автора наиболее сложным делом во всей серии. Выше указывалось, что архивные материалы НКВД СССР за период 1934—1943 гг. при разделении наркомата на НКВД СССР и НКГБ СССР в 1943 году были переданы на хранение в архив КГБ, где они и находятся до настоящего времени. Однако на просьбу предоставить документы на этих лиц для работы (личные, судебные дела и другие материалы) мне ответили отказом.

Тогда была предпринята попытка найти хотя бы какие-то документы в периферийных органах, куда в свое время рассылались из центра приказы, директивы наркоматов и т. п. Были изучены архивы МВД Украинской и Киргизской ССР, ГУВД Московской области, ГУВД Ленгороблсполкомов. На этих и других материалах и написаны данные очерки, хотя при более благоприятных условиях они, конечно, могли бы быть более обстоятельными.

Однако автор не теряет надежд на лучшие времена в данном отношении.

В 1934 году второй раз в истории Советского государства органы госбезопасности и внутренних дел были объединены в составе одного ведомства (напомним, что первый раз это было сделано в 1922—1923 гг., когда НКВД РСФСР и ГПУ возглавлял Ф. Э. Дзержинский).

10 июля 1934 г. ЦИК СССР принял постановление «Об образовании общесоюзного Народного Комиссариата внутренних дел», в составе которого были созданы Главные управления государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутрен-

ней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений и некоторые другие службы.

При НКВД СССР организовывалось особое совещание, которому было предоставлено право применять в административном, а не в судебном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы СССР. Во всех союзных республиках, кроме РСФСР, снова создавались республиканские НКВД. В РСФСР вводился институт уполномоченных НКВД СССР (Министерство внутренних дел в Российской Федерации воссоздано лишь через 21 год — в 1955 году. Оно просуществовало 11 лет — до 1966 года, а затем снова было упразднено).

Вот такое грозное карательное ведомство было образовано по замыслу И. В. Сталина. Возглавить же этот наркомат поручили многоопытному и преданному Сталину Генриху Григорьевичу Ягоде.

В биографии этого человека нас интересует главным образом двухлетний период его пребывания на посту наркома внутренних дел СССР в 1934—1936 гг. Однако остановимся и на других этапах его жизни, чтобы полнее представить картину.

Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершонович Иегуда) родился в 1891 году в семье мелкого ремесленника в городе Рыбинске. Его отец Григорий Филиппович Ягода (по некоторым данным Гирш, Гершон Фишелевич Ягуда, Иегуда) был часовым мастером (в других источниках — аптекарем, печатником-гравером), мать — Мария (Хася) Гавриловна домохозяйкой. Детей в семье было много — три брата и пять сестер. Генрих по получению среднего образования работал в качестве статистика. В молодости примкнул к революционному движению, участвовал в нелегальной ученической организации в Нижнем Новгороде, в 1904—1905 гг. работал в подпольной типографии. В 1907 году вступил в нижегородскую организацию РСДРП. Здесь, в Нижнем Новгороде, он знакомится с Я. М. Свердловым, на племяннице которого Иде Леонидовне Ягода впоследствии был женат.

При царизме Г. Г. Ягода арестовывался и два года находился в ссылке, после чего работал в больничной

кассе на Путиловском заводе в Петрограде. В 1915 году был мобилизован в старую армию, где входил в военную организацию большевиков. Был активным участником Октябрьской революции в Петрограде.

Таковы сведения о дореволюционной деятельности Г. Г. Ягоды, взятые из различных официальных источников. Однако вот какое пространное письмо прислал мне в феврале 1990 года Б. М. Пудалов из Нижнего Новгорода:

«Уважаемый Владимир Филиппович!

С большим интересом прочитал вашу статью «Генрих Ягода — народный комиссар внутренних дел СССР» («Советская милиция», 1990, № 1, с. 16—23). Искренне благодарен Вам за новую, объективную информацию.

Но у меня возникли некоторые вопросы по нижегородскому периоду деятельности Г. Г. Ягоды (1904—1913 гг.), изучением которого я занимался в основном по документам Гос. архива Горьковской обл. Первый, важнейший вопрос: Г. Ягода в цитируемом Вами последнем слове на процессе 1938 г. и в партийных анкетах указывал, что вступил в РСДРП(б) в 1907 г. Между тем по документам Нижегородского губернского жандармского управления и охранного отделения он действительно участвует в революционной деятельности с 1907 г., но не в рядах РСДРП, а в нижегородской организации анархистов-коммунистов, где и остается до отъезда из Нижнего (1913 г.). В этот период у Генриха, по наблюдениям жандармов, проявляется максимализм, готовность к экстремистским действиям и террору (может быть, вызванные обстоятельствами личной жизни). По данным охраны, Генрих становится правой рукой лидера нижегородских анархистов И. А. Чемборисова, впоследствии разоблаченного как провокатора. Случалось, что жандармы ошибались в определении партийной принадлежности того или иного лица, но в данном случае Чемборисов, опытный агент, не мог ошибиться в партийной принадлежности своего ближайшего помощника. Постоянные контакты Ягоды с Чемборисовым позволяют с доверием относиться к сведениям охраны. (Не правда ли, ситуация напоминает пару Азеф-Савиков, только на

порядок ниже?) Кстати, самый близкий Генриху человек в семье — сестра Роза — тоже примыкала к анархистам, а ее гражданский муж, московский эсер Н. К. Кузьмин-Рощин, судя по жандармским отчетам, был довольно странной личностью (может быть, вел двойную игру).

Второй вопрос: Г. Г. Ягода указывал, что подвергся аресту и ссылке в 1911 г. Но по материалам, хранящимся в ГАГО, Нижегородское и Московское охранные отделения пристально следили за его связями и поездками в Москву вплоть до 1913 г. и только тогда они поднимают вопрос о его аресте. Этот достаточно важный момент хотелось бы уточнить.

Есть еще ряд небольших уточнений по документам о семье Ягоды. По полицейской справке от декабря 1904 г., родители Генриха, Гершон Фишелевич (1861 г. рожд.) и мать Хася Гавриловна (1865 г. р.) Иегуда — рыбинские мещане, Ярославской губ. У них 5 детей: (по старшинству) Эсфирь, Михаил, Роза, Енох (Генрих), Хая-Тоба. Маловероятно, чтобы у родителей, которые в 1904 г. были уже немолоды, могли позднее родиться другие дети: может быть, указанные в Вашем очерке еще один брат и две сестры — приемные дети? Особенно «смущает» брат, расстрелянный в 1916 г.: ведь ему не могло быть меньше 18 лет (т. е. не позднее 1898 г. р.), а в полицейской справке о семье 1904 г. он не упоминается.

Далее, отец Ягоды, по профессии гравер-печатник, был подмастерьем у разных хозяев (в т. ч. у М. И. Свердлова), а после революции — помощником зав. типографии Нижгубвоенкомата (сохранилась его анкета с фотографией). Когда в 1904 г. подпольная типография Нижегородского комитета РСДРП, находившаяся на квартире Г. Ф. Ягоды (ул. Ковалихинская, д. 17), была разгромлена жандармами, у них не возникало и мысли об участии младших Ягод (в т. ч. Генриха) в работе типографии. По-моему, реальным работником в типографии, кроме отца, мог быть старший брат, Михаил, но не Генрих, которому было 13 лет.

Генрих Григорьевич Ягода среднего образования не получил, в учебных заведениях никогда не учился (как и все Ягоды, кроме Хаи), готовясь к экстерну на

Красная площадь. Второй справа Г.Г. Ягода.

грошовых домашних уроках. В силу этого он вряд ли мог состоять в Нижегородской ученической организации РСДРП, возглавляемой гимназистом В. Лубоцким (В. М. Загорский). Во всяком случае, в следствии по делу этой организации имя Г. Ягоды ни разу не упоминалось. Нет документов и о службе Генриха статистиком. Он пару месяцев учился у фармацевта (как и сестра Роза, готовившаяся к поступлению в университет), но фармацевтического образования не получил. К 22-м годам Генрих в донесениях охраны всегда упоминается просто как «мещанин» (без профессии и образования, обязательных формулировок типа «окончивший курс» и т. п.).

Кроме того, некоторые любопытные детали о Ягоде рассказали мне наши старожилы, родня и родственники их семьи. «Разговорить» стариков было нелегко: сказывалась и запретность темы долгие годы (пришлось дать обещание, что их фамилии не будут упомянуты), и опасение антисемитских интерпретаций (в отношении меня этих опасений не было), да и разница в возрасте (им за 80, а мне нет и 28 лет). В целом эти воспоминания не противоречат документам, лишь добавляют интересные штрихи. По их рассказам, семья Ягод была беднейшей из бедных, что старики объясняют не только социальным и национальным моментом, но и непрактичностью отца («недотепа-индханец»). Генрих — очень импульсивный, вспыльчивый, мстительный, замкнутый («вырос затравленным волчонком»); будто бы внешне был очень красив в молодости. Вспоминают, что уже в 30-е годы, будучи в Москве, иногда заходили к Ягоде в гости; он встречал приветливо, но в общении бывал неровен: однажды на довольно безобидную просьбу помочь с железнодорожным билетом не просто отказал, а вспылил, раскричался, крепко обидел. По-моему, тяжелый, неуравновешенный характер его и погубил: не умел вести «придворную» интригу, управлять своими эмоциями.

По имеющимся у меня материалам я пытался реконструировать образ молодого Генриха Ягоды; посылаю Вам газетную вырезку. К сожалению, первая публикация в обл. газете «Горьковская правда» (сентябрь 1989 г.) в соавторстве с корреспондентом С. Скатовым

вызвала у меня разочарование некоторыми журналистскими приемами (текст писал Скатов, по моим материалам). Но благодаря Ю. А. Бугрову, нашему земляку, удалось в курской молодежной газете опубликовать мой текст, в виде беседы, так что я целиком и полностью несу за него ответственность. Вот этот текст я Вам и посылаю».

Как видим, Б. М. Пудалов несколько иначе трактует отдельные обстоятельства из дореволюционной биографии Г. Г. Ягоды.

После Октября 1917 года работал в Высшей военной инспекции РККА, участвовал в гражданской войне на Южном и Юго-Восточном фронтах, с 1919 года — член коллегии Наркомата внешней торговли, с 1920 года — член Президиума ВЧК, с 1924 года — заместитель Председателя ОГПУ.

Документы свидетельствуют, что В.И. Ленин лично знал Г. Г. Ягodu и встречался с ним. Владимир Ильич подписывал ему удостоверения об утверждении членом коллегий ВЧК и Наркомата внешней торговли¹. 5 октября 1920 г. по поручению В. И. Ленина Г. Г. Ягоде направляется запрос по делу арестованных бывших офицеров Лавровских².

22 октября 1921 г. В. И. Ленин принимает членов коллегии Наркомвнешторга И. И. Радченко и Г. Г. Ягodu.

В этот день В. И. Ленин пишет записку председателю Главторфа и члену коллегии Наркомвнешторга И. И. Радченко с просьбой срочно направить телеграмму в Берлин Б. С. Стомонякову о заказе оборудования для Каширской электростанции³. Видимо, по этому вопросу В. И. Ленин и принимал их.

Фамилии двух этих работников стоят рядом и еще в одном ленинском документе. 9 декабря 1921 г. Владимир Ильич пишет следующую записку Н. А. Семашко: «Т. Семашко! Доктор Гетье просит меня принять меры к лечению:

1) Ивана Ивановича Радченко (Внешторг). Лучше бы

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. М., 1978. С. 145.

² См.: там же. С. 340.

³ См.: Ленинский сборник XXIX. С. 382, 408—409, а также Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 295—296.

всего в санаторий под Москву. Хорошо бы в тот же, где Ягода (из Внешторга)...»¹.

Г. Г. Ягода на XVI съезде партии избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а на XVII съезде — членом Центрального Комитета, был членом ЦИК СССР.

Эти и другие данные свидетельствуют о несостоятельности попыток ряда авторов изначально представить Г. Г. Ягоду как политического проходимца и авантюриста.

Например, уже упоминавшийся ранее Роман Гуль пишет о Ягоде в таком тоне:

«Кто же он, этот кремлевский вельможа? Откуда пришел к креслу министра полиции? Где разыскала большевистская революция для своего паноптикума эту фигуру с изжелта-мертвенно-бледным лицом, с обрывком усов над губой и тупыми сумасшедшими глазами?

...Его настоящая фамилия — Ягуда Генрих Григорьевич. По национальности еврей, специальность — фармацевт. Родился в 1890 г. в небольшом местечке Царства Польского в бедной семье. Был единственным сыном среди многих дочерей.

...Фармацевт был хитер, необычайно зверски озлоблен и, как неудачник, ко всему патологически завистлив.

В начале 900-х годов принимал участие в деятельности революционного подполья Нижнего Новгорода под руководством Я. Свердлова. В это же время знакомится с Горьким.

...Фармацевт потом ловко прибрал к рукам «властителя дум», предложив выкинуть из головы былые глупости о «Соколах» и «Буревестниках», а взамен этого восторженно писать о коммунистических концентрационных лагерях. И старик Горький этот заказ, увы, выполнил.

При любом строе браки всегда вернейшее средство политической карьеры, и фармацевт Ягода отпраздновал октябрьскую свадьбу с племянницей председателя ВЦИК Свердлова.

А Свердлов порекомендовал Дзержинскому своего родственника для чекистской работы»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 69.

² Роман Гуль. Дзержинский — Менжинский — Петерс — Лацис — Ягода. Париж, 1936. С. 166, 168—169.

Г.Г. Ягода на похоронах С.М. Кирова.

И далее в таком же разнузданно-развязном тоне.

Некоторые даже утверждают, что в прошлом он был агентом царской охранки. Например, кандидат исторических наук М. Ляшко пишет:

«Ягоду подозревали, что он работал на царскую охранку и, может быть, небезосновательно. Но так как сотрудники охранки после победы Октябрьской революции уничтожили почти все архивы, то такие подозрения нуждались в доказательствах. Дела такого рода были очень запутанными, так как косвенные доказательства всегда ненадежные, а прямых улик не было, и проверить подозрения практически было невозможно. Скользкий характер эти подозрения носили и потому, что царская охранка любила и умела запутывать следы, направлять тех, кто стремился узнать подлинность предполагаемого, по ложному следу. А в трудные годы революционного подполья каждый, кто попадался в руки жандармов, вынужден был изворачиваться и маневрировать, чтобы сохранить себя для партии и революции. Вот почему сегодня отдельные ситуации прошлых лет могут показаться сомнительными.

Так было и с Ягодой в те годы. Кое-какие материалы на него представили, но доказать, что он был связан с охранкой, оказалось крайне трудно, так как документы были косвенными и неубедительными. И так же трудно было опровергнуть подозрение, убедительно доказать обратное. И все же по представленным материалам обвинить Ягоду в провокаторстве при «желании» можно было. Но Сталин тогда объявил, что партия считает представленные материалы неубедительными и приказал чекисту, представившему ему документы, никогда к этому вопросу не возвращаться. Сами же материалы на Ягоду остались тогда у Сталина. И Ягода об этом знал. Но ему было запрещено трогать человека который представил на него материалы»¹.

Обвинение, как видим, тяжкое, но совершенно бездоказательное. Откуда автор взял эти сведения, насколько они документированы — неизвестно.

В действительности за время совместной работы с Ф. Э. Дзержинским и В. Р. Менжинским Г. Г. Ягодой

¹ Ляшко М. Яд Ягоды для Ягоды. Минск//Политический собеседник. 1988. № 7. С. 27.

было сделано немало полезного для упрочения Советской власти, укрепления органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ. Однако в последующем в силу насаждения Сталиным жесткой командно-административной системы управления обществом, гипертрофии функций карательных органов и неспособности самого Г. Г. Ягоды противостоять этому он стал первым среди сталинских наркомов, наряду с Ежовым и Берией, кто создал мощный репрессивный механизм и несет личную ответственность за массовые нарушения законности.

В своем заключительном слове на процессе по делу «правотроцкистского блока» в марте 1938 года Г. Г. Ягода сказал:

«Прокурор не прав, когда говорит, что я никогда не был большевиком,— я бы не останавливался на своей жизни, если бы не это замечание.

Вот в двух словах моя жизнь: я с 14-ти лет работал в подпольной типографии наборщиком. Это была первая подпольная типография в г. Нижнем Новгороде. Нас было три брата. Один убит в Сормове во время восстания, другой расстрелян за восстание в полку во время войны. Я могу только позавидовать их смерти. 15-ти лет я был в боевой дружине во время Сормовского восстания. 16—17-ти лет я вступил в партию, об этом знает нижегородская организация. В 1911 году я был арестован и послан в ссылку. В 1913—1914 году вернулся в Петроград, работал на Путиловском заводе, в больничной кассе по вопросам страхования, вместе с Крестинским. Потом фронт, где я был ранен. Революция 1917 года застает меня в Петрограде, где я принимаю активное участие, являюсь членом военной организации, формирую отряды Красной гвардии. 1918 год — Южный и Восточный фронты. 1919 год — ЧК...»¹.

В связи с 10-летием ВЧК — ГПУ — ОГПУ в 1927 году было принято решение наградить 35 работников ОГПУ орденом Красного Знамени «за боевые отличия в борьбе с контрреволюцией, шпионскими, бандитскими и другими враждебными Советской власти организациями, а также за боевые заслуги на фронтах», как указывалось в документе. Г. Г. Ягоду к этому ордену

¹ Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». М., 1938. С. 693—694.

представило не только ОГПУ, но и Реввоенсовет СССР. Вот такая характеристика была дана ему в представлении заместителя председателя Реввоенсовета СССР в Президиум ЦИК в декабре 1927 года: «Одним из активных работников и ближайшим помощником т. Дзержинского по созданию органов ВЧК — ОГПУ был т. Ягода Генрих Григорьевич, проявивший в самое трудное для страны время редкую энергию, порядительность и самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией. Одновременно в качестве начальника Особого отдела т. Ягода имеет большие заслуги в деле организации и поднятии боеспособности Красной Армии. Ввиду этого Революционный Военный Совет ходатайствует о награждении т. Ягоды орденом «Красное знамя»¹.

В 1931—1932 гг. Г. Г. Ягода, как и многие другие работники ОГПУ, принимал активное участие в организации строительства Беломорско-Балтийского канала, где широко применялся труд заключенных. После окончания строительства большая группа чекистов была награждена правительственными наградами. Получил орден Ленина за эту стройку и Г. Г. Ягода.

25 декабря 1933 г. был издан приказ ОГПУ о награждении Высшей пограничной школы ОГПУ почетным знаком ВЧК — ОГПУ и о присвоении школе имени заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды.

Позднее его именем были названы Болшевская трудовая коммуна НКВД, мост через реку Тунгуску.

Так что к моменту, когда Г. Г. Ягода возглавил НКВД СССР, он был довольно опытным и известным работником.

Никто из предшественников Г. Г. Ягоды на посту народных комиссаров внутренних дел специальных званий не имел. Он был первым, кого Сталин удостоил этого: в ноябре 1935 года Г. Г. Ягоде присваивается звание генерального комиссара государственной безопасности, что соответствовало маршальскому воинскому званию.

Одно из важных направлений деятельности нового наркома — совершенствование системы лагерей и

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 3316. Сч. Оп. 2. Д. 454. Л. 20.

колоний. После приема их от Наркомюста 26 января 1935 г. он разослал на места почтотелеграмму, в которой указывалось, что принятые места заключения скорее похожи не на тюрьмы, а на какие-то богоугодные заведения. Режим, порядок и дисциплина в большинстве тюрем отсутствуют. Состояние охраны неудовлетворительное, и побеги исключительно велики. Ввиду отсутствия необходимой изоляции интересы следствия совершенно не обеспечены. Следственные содержатся вместе с осужденными. Личный состав принятых УИТУ засорен преступным и разложившимся элементом. Нарком потребовал в кратчайший срок привести тюрьмы в надлежащий порядок. В частности, было предложено немедленно уволить или предать суду всех виновных сотрудников в преступлениях, хищениях и избиениях заключенных; ввести в тюрьмах строжайший режим, полностью обеспечивающий интересы следствия; принять меры к улучшению питания заключенных, прекратив немедленно всякое незаконное разбазаривание продуктов и хищения; ввести обязательный порядок регулярного посещения бань и дезинфекцию камер и одежды заключенных; привести в порядок все помещения тюрем, в первую очередь следственных, представив в ГУЛАГ обоснованные сметы на ремонт; все открытые колонии взять под охрану и прекратить побеги из них; начальникам УНКВД и их заместителям лично регулярно посещать все тюрьмы, изоляторы и колонии и тщательно проверять соблюдение установленного режима и порядка.

Мы видим, что акценты в этом документе сделаны на укрепление законности, режима содержания и дисциплины в местах лишения свободы. Однако пройдет немного времени, и эти акценты начнут смещаться в сторону репрессий и произвола.

Характерно, что в ряде документов до 1934 года ОГПУ критиковало органы юстиции за плохое состояние дел в лагерях и колониях. После создания НКВД СССР и приема в его состав исправительно-трудовых учреждений роли поменялись.

Так, 26 июня 1935 г. народный комиссар юстиции Н. Крыленко направил письмо в адрес Сталина и других руководителей, в котором, в частности, говорилось:

Г.Г. Ягода среди соратников.

«Считаю необходимым довести до Вашего сведения о следующих фактах, прошедших через судебные учреждения и характеризующие «режим» в лагерях наркомвнудела.

В свое время наркомвнудел рассылал членам ЦК меморандумы о безобразиях, имеющих место в тюрьмах, когда они находились в ведении НКЮ. Ничего подобного в тюрьмах НКЮ не было». Далее следует изложение 14 уголовных дел о различных преступлениях в лагерях.

«Подобных фактов,— заканчивает Н. Крыленко,— через судебные учреждения проходит не десятки, а сотни».

В эти и последующие годы по мере увеличения размаха репрессий происходит значительный рост числа заключенных. Если в 1933 году в местах лишения свободы их было 334 тыс., в 1934 году — 510 тыс., в 1935 году — 991 тыс., то в 1936 году уже 1296 тыс. В соответствии с ростом количества рабочей силы прибавлялось дел и у ГУЛАГа, фронт народнохозяйственных работ у НКВД стремительно расширялся.

Набравшись опыта при сооружении Беломорско-Балтийского канала, НКВД активно приступил к строительству канала Москва—Волга. Так, в одном из приказов, подписанном Г. Г. Ягодой 27 апреля 1936 г., было сказано:

«Только правильное и максимальное использование летнего сезона 1936 года, последнего летнего сезона строительства, гарантирует сдачу канала в эксплуатацию в срок, указанный партией и правительством.

Всем строителям канала известно, что с начала строительства по 1 января 1936 года всего уложено бетона 1 миллион 500 тысяч кубометров, а земляных работ сделано 90 миллионов кубометров.

Всем строителям также известно из утвержденного мною производственного плана строительства на 1936 год, что за 9 месяцев этого года надо сделать земляных работ 56 миллионов кубометров и уложить бетона 1 миллион 600 тысяч кубометров.

Эти громадные задачи, при оснащении строительства огромным, первоклассным экскаваторным парком, многочисленным транспортом и при последовательной

подготовке в течение почти четырех лет к работам завершающего года, — легко выполнимы.

Для последних решающих боев за канал фронт строительства обеспечен всем необходимым.

Теперь только нужны большевистская сплоченность и железная дисциплина среди чекистов и инженеров и организованность среди каналаармейцев.

Надо только подумать и понять, что никаких резервов во времени мы не имеем и что лето 1936 года — это последний этап строительства».

Однако завершить эту стройку Ягоде не удалось, и сдавал канал в эксплуатацию уже Ежов.

Слабым местом в нашей стране при ее необъятных просторах являлись во все времена, как и теперь, дороги. Пытались мы в разные исторические периоды решать эту проблему и через обычные трудовые коллективы, и с привлечением заключенных, и военных. Но дело и на сегодня продвинулось недалеко. В период работы наркомом внутренних дел Г. Г. Ягоды ЦИК и СНК СССР 28 октября 1935 г. приняли постановление о передаче Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУдор-транс) в НКВД СССР в качестве одного из его управлений, получившего название Гушоссдор (Главное управление шоссейных дорог).

Для подготовки кадров специалистов по дорожному строительству и геолого-разведочным работам НКВД СССР принял в свое ведение 5 автодорожных институтов, Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, а также 30 техникумов и 7 рабфаков.

Уже в 1936 году начались работы по изысканию, составлению проектов и смет на строительство автомагистралей Москва — Харьков, Харьков — Ростов, Москва — Ярославль, Ростов — Орджоникидзе, Харьков — Севастополь, Москва — Горький, Казань — Свердловск (как часть будущей магистрали Москва — Владивосток), Москва — Себеж, Москва — Ленинград и др. В условиях слабого развития дорожной сети и постоянной военной угрозы эта работа приобрела особое значение. Строили дороги и вольнонаемные сотрудники, и большие массы заключенных.

В первое время своей работы по руководству Наркоматом внутренних дел в официальных документах Г. Г. Ягода постоянно ратует за укрепление законности. Рассмотрим некоторые из них.

5 января 1936 г. нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар государственной безопасности Г. Г. Ягода подписывает приказ «О нарушении местными органами НКВД постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г. о порядке производства арестов». В приказе осуждаются имеющиеся факты арестов граждан без предварительного разрешения прокуроров, называются конкретные фамилии виновных работников органов внутренних дел, отдельные из которых были уволены, другие — наказаны.

31 мая 1936 г. НКВД СССР за подписью Г. Г. Ягоды издает приказ «Об осуждении работников тюрьмы г. Орла за нарушения революционной законности». В нем сообщалось, что в тюрьме г. Орла Курской области выявлены преступные факты задержки выполнения решений кассационных инстанций об освобождении из-под стражи заключенных.

В канцелярии тюрьмы были обнаружены неисполненными с июня по ноябрь 1935 года постановления областного суда об освобождении и сокращении срока наказания в отношении 69 человек заключенных, в результате чего лица, подлежащие освобождению, незаконно содержались в тюрьме, а часть из них была этапирована в другие места заключения.

Непосредственные виновники допущенных нарушений начальник канцелярии тюрьмы г. Орла — Дюканов и делопроизводитель той же тюрьмы Рожков 14 марта 1936 г. осуждены военным трибуналом первый — на 2 года и второй — на 1 год 6 месяцев лишения свободы. Приказ потребовал обследовать состояние учета в местах заключения и принять меры к обеспечению своевременного выполнения судебных решений.

После создания НКВД СССР Г. Г. Ягода и его аппарат проводят линию на ужесточение требовательности к сотрудникам. В силу этого 1935 год дал наибольшее количество привлеченных к уголовной ответственности среди работников милиции страны по сравнению с последующим периодом.

Если в 1935 году было привлечено к уголовной ответственности 13715 работников милиции, то в 1936-м — 4568 человек, в 1937-м — 8905 человек, из них осуждено соответственно 5284, 2621 и 3057 человек.

Данные свидетельствуют также, что год от года нарастал психоз разоблачения «врагов народа» среди самих работников милиции и в то же время отмечалось снижение требовательности за соблюдение законности.

В названные годы за контрреволюционные проявления было осуждено 73, 50 и 844 сотрудника милиции, а за нарушения революционной законности 1322, 672 и 706 человек соответственно.

Именно при Ягоде и под его непосредственным руководством начались беспрецедентные процессы (включая самый первый после убийства С. М. Кирова), в результате которых были осуждены и расстреляны много неповинных людей.

Например, по делу так называемого Московского центра в декабре 1934 года были арестованы 19 человек, в том числе Зиновьев и Каменев. 16 января 1935 г. всех их осудили за антисоветскую деятельность. Однако проведенной уже в наши дни проверкой установлено, что дело это было сфальсифицировано НКВД, а обвиняемые по нему лица осуждены необоснованно. Их арест явился началом осуществления замысла использовать убийство С. М. Кирова для политической дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров, обвинив их в подготовке и осуществлении этого преступления.

Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, Н. И. Ежов рассказал, как его вызвал к себе Сталин и дал указание по поводу убийства С. М. Кирова: «Ищите убийц среди зиновьевцев». А когда Ежов пожаловался Сталину, что Ягода не хочет показывать, как идет следствие по этому делу, то товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: «Смотри, морду набьем»¹.

Следующим эпизодом борьбы стало привлечение к уголовной ответственности лиц по делу «Ленинградской

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 69.

контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других».

По этому делу, выделенному в декабре 1934 года в особое производство, в ходе расследования обстоятельств убийства С. М. Кирова по так называемому делу Ленинградский центр, органами НКВД были арестованы без санкции прокурора 77 человек, в том числе 65 членов ВКП(б), среди которых было большое число партийных, советских и хозяйственных работников, представителей интеллигенции Ленинграда и Москвы.

Арестованных допрашивали по поводу их принадлежности в прошлом к зиновьевской оппозиции, которой инкриминировалась причастность к убийству С.М. Кирова. Никаких конкретных обвинений им не предъявлялось. Не составлялось по делу даже обвинительного заключения. Тем не менее особое совещание при НКВД СССР 16 января 1935 г. приняло постановление, в соответствии с которым все проходившие по делу лица были подвергнуты наказанию в виде лишения свободы или высылки на различные сроки, а позднее были повторно подвергнуты репрессиям с применением более суровых мер наказания, вплоть до расстрела.

В конце 50-х — начале 60-х годов дело «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» было пересмотрено в судебном порядке и прекращено за отсутствием состава преступления в действиях всех его участников, кроме Г. И. Сафарова. На том же основании были прекращены и вторично фабриковавшиеся в отношении этих лиц дела¹.

Продолжением сталинской политики репрессий после убийства С. М. Кирова стало в 1935 году «Кремлевское дело», по которому во главе с Л. Б. Каменевым было осуждено 110 человек, в том числе двое — к расстрелу. Всех их обвинили в создании на территории Кремля сети террористических групп с целью убийства Сталина. Весь процесс по делу был инсценирован секретно-политическим отделом НКВД. Бывшие сотрудники НКВД,

¹ См.: Правда. 1989. 12 авг.

принимавшие непосредственное участие в расследовании этого дела, в 1937—1938 гг. были осуждены.

Террористов и шпионов стали искать повсюду. 22 марта 1935 г. за подписью Г. Г. Ягоды во все органы внутренних дел и особые отделы в войсках были разосланы «Материалы следствия по делу курсанта школы имени ВЦИК Лысака Е. Т. и других» на 40 страницах. В них на примере этого дела была показана методика, с помощью которой следователю удалось доказать существование антисоветской группировки с целью террора против руководителей партии и правительства и прежде всего, конечно, против товарища Сталина.

Всем сотрудникам органов было приказано тщательно изучить рассылаемые материалы для широкого применения методики расследования этого дела в своей оперативно-следственной работе¹. Таким образом, работников НКВД подталкивали к тому, чтобы они везде видели врагов.

Система исправительно-трудовых учреждений разбухла на глазах. К апрелю 1935 года только в Москве и Московской области находилось 30 тюрем, 8 исправительно-трудовых колоний, 9 сельскохозяйственных исправительно-трудовых колоний, 4 колонии для несовершеннолетних и областная больница мест заключения, а всего 52 учреждения.

Следующим сфальсифицированным актом было рассмотрение особым совещанием при НКВД СССР в марте — апреле 1935 года дело Московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции». По этому делу привлекалось 18 человек (А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, Г. И. Бруно и др.). Они обвинялись в том, что, собираясь на квартире у Шляпникова или Медведева, подвергали контрреволюционной критике политику партии и Советской власти, вырабатывали и распространяли контрреволюционные установки среди своих единомышленников в Москве и на периферии. Участники группы сначала были лишены свободы на разные сроки, а позднее по вновь сфабрикованным обвинениям многих из них приговорили к высшей мере наказания. Проведенная в

¹ По материалам архива МВД Киргизской ССР. Экз. № 4162.

Во время парада на Красной площади. Первый справа Г.Г. Ягода.

период с 1956 по 1978 год проверка показала необоснованность обвинений. Все участники «группы» были реабилитированы в судебном и партийном порядке¹.

Но главный спектакль, который готовил Ягода по указанию Сталина, был впереди. Арестованных и осужденных Зиновьева, Каменева и других из Ленинграда перевезли в Москву и полтора года по тщательно разработанному сценарию заставляли признаваться в заговоре против Советской власти, организации убийства Кирова и покушении на жизнь Сталина, обещая взамен сохранить жизнь. Наконец, всяческие изощрения во время следствия и пытки сделали свое дело: обвиняемые согласились дать признательные показания как плату за жизнь.

20 августа 1936 г. начался новый судебный процесс над 16 обвиняемыми во главе с Зиновьевым и Каменевым по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

Все они приговариваются к расстрелу, и, несмотря на обещание Ягоды и Сталина оставить им жизнь, 25 августа 1936 г. приговор приводится в исполнение. Однако расстрелянные успели назвать на суде фамилии новых «заговорщиков» — Бухарина, Рыкова и других, к которым Сталин решил присоединить и Ягodu, так как первый тур чистки он закончил, да и вопросы у Сталина к Генриху Григорьевичу были.

По некоторым данным, Ягода частично разделял взгляды Бухарина и Рыкова, был близок к ним.

Сталину стало ясно, что нужен человек, который бы более рьяно проводил его линию, в том числе и по организации массовых репрессий. Он принимает решение о замене Ягоды и, находясь на отдыхе в г. Сочи, 25 сентября 1936 г. вместе со Ждановым посылает Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 60—80.

все партработники и большинство областных представителей НКВД»¹.

26 сентября 1936 г. Г. Г. Ягода отстраняется от обязанностей руководителя НКВД СССР и назначается народным комиссаром связи, сменив на этом посту А.И. Рыкова.

Конечно, для Ягоды было неприятно терять такой пост, но пока все устроилось более-менее нормально, хотя в воздухе явно запахло грозой. Через 4 месяца — 29 января 1937 г. — ЦИК СССР принимает еще одно спокойное и деликатное решение о переводе в запас генерального комиссара государственной безопасности Г. Г. Ягоды.

Но дни Ягоды уже сочтены. 3 апреля 1937 г. его отстраняют от исполнения обязанностей комиссара, начинается следствие по его делу, а 4 апреля 1937 г. он уже арестован. Так система, которую он насаждал и укреплял, поглотила и его самого. Началось развенчание кумира. 14 апреля 1937 г. имя Г. Г. Ягоды снимается с Высшей ордена Ленина пограничной школы НКВД, 31 мая — с Болшевской трудовой коммуны НКВД и с моста через реку Тунгуска по железной дороге Волочаевка — Комсомольск, его выводят из состава ЦИК и т. д.

В процессе следствия теперь уже новый нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов заключает с Г. Г. Ягодой по той же известной схеме договор на жизнь за признательные показания. Ягода принимает такую игру. Когда читаешь его показания на судебном процессе², то диву даешься, как он раскаивается во всех мыслимых и немыслимых грехах: и в том, что он был одним из руководителей правотроцкистского подпольного блока с целью свержения Советской власти и восстановления капитализма; и в соучастии по делам об убийствах С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и его сына М. А. Пешкова; и в покушении на жизнь Ежова; и в помощи иностранным шпионам и т. д. Правда, когда Вышинский на процессе стал уже совсем переигрывать

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 138.

² См.: Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». С. 502—512, 549, 693—696.

и обвинять в шпионаже самого Ягоду, то он ответил: «Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки»¹.

Конечно, Ягоду нужно было судить, но за действительно допущенные им самим преступления, а не за надуманные. Вот как оценила Ягоду на этом процессе в своих воспоминаниях жена Н. И. Бухарина. «Нужно было «сделать «правых». Кто же ими стал? Чудовищно, но одной из центральных фигур на процессе стал Ягода, бывший наркомвнудел, при котором был проведен процесс Зиновьева — Каменева и другие небольшие процессы. Ягода, к которому Николай Иванович, кроме презрения и ненависти, никаких иных чувств в последнее время не питал. Бухарин считал, что Ягода разложился, забыл свое революционное прошлое, превратился в авантюриста и чиновника. Ягода никогда не мог быть ни правым, ни левым, он всегда держался за свой пост, он строго выполнял указания «хозяина», не понимая, как последний его «отблагодарит»! Ни об одном из подлинных преступлений Ягоды на процессе не было сказано ни слова. Он был так же оклеветан, оболган, как и его жертвы»².

Суд приговорил 17 обвиняемых к расстрелу, в том числе и Г. Г. Ягоду. 15 марта 1938 г. приговор был приведен в исполнение. Так судьба по-своему объединила одновременным актом смерти первого наркома внутренних дел РСФСР А. И. Рыкова и первого наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоду.

Известно, что к настоящему времени все лица, проходившие по данному процессу, реабилитированы как осужденные невинно, за исключением Г. Г. Ягоды, в отношении которого Прокуратура СССР протест не вносила. Когда я спросил о причинах этого руководящих работников Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР, то они ответили, что у Ягоды руки в крови.

А вот что ответил на вопрос корреспондента «Правды», почему не вносился протест Прокуратуры СССР в отношении Ягоды, бывший председатель комиссии

¹ См.: Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». С. 509.

² Ларина А. М. Незабываемое//Знамя. 1988. № 10. С. 142.

Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, М. С. Соломенцев: «Основания для такого вопроса есть. Бывший нарком внутренних дел Ягода — фигура одиозная. Он проходил по делу о правотроцкистском блоке. Как и другие, он признал свою вину, не будучи ни правым, ни левым. Но несомненная вина его в другом — он причастен к репрессиям 30-х годов. Под его руководством фальсифицировались уголовные дела, по которым осуждено много невиновных граждан. Фактическая мера вины Ягоды будет определена в процессе дальнейшей работы»¹.

Кроме самого Г. Г. Ягоды, по данным его племянницы Вероники Константиновны Знаменской, были репрессированы, расстреляны или скончались в тюрьмах и ссылках 15 ближайших родственников бывшего наркома. Такая участь постигла жену Ягоды, его родителей, пятерых сестер с мужьями, других родственников. Так, старшая из сестер Генриха Григорьевича — Знаменская-Ягода Эсфирь Григорьевна 6 мая 1938 г. была арестована органами НКВД, а 16 июня 1938 г. расстреляна.

Другая сестра Шохар-Ягода Розалия Григорьевна, 1890 года рождения, работала в аппарате ЦК ВКП(б), МК ВКП(б), Институте Ленина, инструктором Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. В 1937 году она была арестована и выслана вместе со всей семьей Ягоды в Астрахань сроком на 5 лет, а затем осуждена на 8 лет. В 1946 году ее освободили из ИТЛ по отбытию срока. Однако решением особого совещания при МГБ СССР от 28 августа 1948 г. она была сослана на 5 лет на Колыму. По дороге к месту ссылки она умерла в Комсомольске-на-Амуре. Позднее была реабилитирована.

И только единственному сыну Г. Г. Ягоды — Генриху, родившемуся в 1929 году, чудом удалось спастись.

При встрече с ним в апреле 1989 года он рассказал, что после ареста отца его — 7-летнего мальчика вместе с матерью Идой Леонидовной и бабушкой Софьей Михайловной Авербах (родной сестрой Якова Михайло-

¹ Правда. 1988. 19 авг.

вича Свердлова) выслали в г. Оренбург. Мать и бабушку в последующем арестовали, а Генрих воспитывался в детских домах Оренбургской и Куйбышевской областей.

Примерно в 1940 году, когда мальчику было 11 лет и находился он в детдоме г. Бугуруслана, по предложению директора детдома Ксении Прокофьевны Поздняковой и заведующей учебной частью Нелли Филатовны Хатунцевой, о которых Генрих Генрихович вспоминает с большой теплотой, они сменили ему фамилию и тем самым спасли от гибели. Правда, уже после войны в 1945 году, как рассказал мне Генрих Генрихович, он допустил одну оплошность: при поступлении в железнодорожный техникум г. Куйбышева в анкете указал, что его отцом был Ягода. Из техникума его исключили, а позднее — в 1949 году — по решению особого совещания при МГБ СССР он был осужден на 5 лет. Из лагеря Генрих Генрихович вышел по амнистии в 1953 году. В последующем он получил инженерное образование, был реабилитирован и живет сейчас вместе с семьей в одном из городов Украины.

При встрече я рассказал Генриху Генриховичу о том, что А. М. Ларина (Бухарина) в своих воспоминаниях ссылается на его письма к бабушке в Томский лагерь. В частности, она приписывает ему такие слова: «Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук»¹.

Однако Генрих Генрихович, подтверждая, что письма бабушке он в лагерь писал, от приведенных слов отказался и утверждает, что он такого не писал. Возможно, что в этом случае память могла кого-то подвести.

Вина отца опалила крылом и сына, который всю жизнь живет под другой фамилией.

Но древо жизни Г. Г. Ягоды в отличие, скажем, от А. И. Рыкова, не остановилось. В 1989 году его внук Станислав Генрихович поступил учиться в один из московских институтов, а теперь уже окончил его и приступил к работе. Жизнь продолжается.

Об истории публикации этого очерка в 1989 году мною была написана вот такая шутливая зарисовка-быль под названием «Что такое аппарат».

¹ Ларина А. М. Цит. соч. С. 161.

В сентябре 1989 года был осуществлен пробный выпуск газеты «Щит и меч» как еженедельного приложения к журналу «Советская милиция». Детище было совершенно новое, экспериментальное, еще не до конца разрешенное верхами, поэтому и интерес к нему был повышенным.

В газете, в частности, в рубрике «Политические портреты» был помещен очерк В. Ф. Некрасова о первом наркоме внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде. Личность, конечно, не однозначная, но реальная, как и сама жизнь.

Прочитав, аппаратчики наверху раздумчиво закачали головами. Качали они головами долго, взгляд их становился все более задумчивым и значительным. «Надо ли — размышляли они — в первом-то номере еще не разрешенной газеты писать о такой сомнительной личности как Ягода? Ой-ой-ой! Что же будет? Батюшки! Батюшки!»

Их мысль конструировалась по такой схеме: «Оно, конечно. Оно и надо бы. Оно бы и ничего. Оно, может быть, и не плохо. А случись что — вот тебе и пожалуй-ста».

Сомнения разрешил член Политбюро ЦК КПСС, к тому времени первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов. Он прочитал пробный выпуск, одобрил все материалы, включая и очерк о Г. Г. Ягоде.

И тогда аппарат перестал качать головой, а начал усиленно кивать и сказал: «Конечно, и мы говорили, что это тот материал, который нужен советскому народу на данном этапе перестройки».

Так наверху, так и внизу.

7

Ежов Николай Иванович

1936—1938 гг.

*Карьера до
прихода в
НКВД.
Генеральный
комиссар
государственной
безопасности.
Применение
методов
физического
воздействия к
арестованным.
Дальстрой,
БАМ.
Лимиты на
расстрел.
«Железный
нарко».
Перечень
главных
преступлений.
Финиш.
Приемная
дочь.*

1895—1940

Ежов, наряду с Берией, был наиболее мрачной фигурой из всех наркомов (министров), а время его руководства деятельностью НКВД вошло самой черной страницей в историю наркомата.

В начале биография Николая Ивановича Ежова ничем не отличалась от биографии типичного рабочего на рубеже XIX—XX веков. Он родился в 1895 году в Петербурге. С 14 лет начал работать на различных заводах. Его образование не превышало начальной школы.

С марта 1917 года, после Февральской революции, Ежов вступает в большевистскую партию и участвует в революционных событиях в Петрограде.

В годы гражданской войны Ежов военный комиссар ряда красноармейских частей, где он служит до 1921 года. После окончания гражданской войны он уезжает в Туркестан на партийную работу, с 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома, затем Казахского краевого комитета партии.

Как-то ко мне позвонил житель Марийской АССР Шингарев Б. Ш. в связи с публикацией в «Комсомольской правде»¹ и поделился такими данными. Как свидетельствуют местные архивные документы, Н.И. Ежов еще до Казахстана был кооптирован секретарем Марийского обкома партии и находился в этой должности с марта по октябрь 1922 года. Но якобы местные коммунисты не хотели, чтобы он работал у них, и сделали все, чтобы он ушел. После предоставленного отпуска Ежов уехал в г. Семипалатинск, но вроде бы затаил обиду на марийцев и затем мстил массовыми

¹ Десять «железных» наркомов // Комсомольская правда. 1989. 29 сент.

репрессиями. А может быть, это и легенда, потому что репрессии шли по всей стране.

Как отмечает ряд авторов, своим быстрым продвижением по службе Ежов обязан тому, что при всех перипетиях внутрипартийной борьбы 20—30-х годов он всегда делал ставку только на Сталина. Последний это заметил, оценил и началась стремительная карьера Николая Ивановича. С 1927 года он на ответственной работе в ЦК ВКП(б). Не блистая образованием и интеллектом, он отличался слепой верой в Сталина, жесткостью характера.

В самый сложный период жизни деревни — коллективизацию — Ежов в 1929—1930 гг. работает заместителем наркома земледелия СССР и непосредственно причастен ко всем допущенным искривлениям и перекосам в отношении крестьян. В 1930—1934 гг. он заведует Распределительным отделом и Отделом кадров ЦК ВКП(б), т. е. на практике реализует все кадровые задумки Сталина. Видимо, реализовывал успешно, так как высокие должности сыпались на него как из рога изобилия.

На XVII съезде партии в 1934 году избран членом ЦК ВКП(б) и членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С того же времени Н. И. Ежов — член Организационного бюро ЦК, заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) и заведующий Промышленным отделом Центрального Комитета партии. В 1936 году — он уже секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и заместитель председателя Комитета резервов Совета Труда и Обороны СССР. На VII конгрессе Коминтерна Ежов избирается членом Исполкома Коминтерна.

Как секретарю Центрального Комитета партии Ежову поручается непосредственно заниматься делами НКВД СССР, он принимает личное участие в подготовке ряда судебных процессов и допросах наиболее важных лиц из обвиняемых. Между ним и Ягодой складываются неприязненные отношения. Вот как описывает Ежова того времени Роман Гуль. Ежов «маленького роста, почти карлик, с пронзительным голосом, короткими, кривыми ногами... У него тусклая окраска, натянутая улыбка, большие уши и резкая ирония в голосе... Отныне карлик Николай Иванович Ежов — настоящее пугало для всех коммунистов.

Но страна еще не в полную меру ощутила тяжесть его железной руки.

Подозрительный, мстительный, злобный, он заимел много врагов. Он «на ножах» с Ворошиловым после периода коллективизации. Он ненавидит Ягоду, своего опасного соперника перед Сталиным.

Этот почти неграмотный пролетарий не любит молотовых, степских, мейлоков. В целом, он не любит интеллектуалов. Он не скрывает радости, когда их ставят к стенке за «государственную измену».

Тем не менее Ежов возликовал, когда в сентябре 1936 года Сталин прочитал рапорт военной службы ГПУ, бросающий подозрение на Ягоду в том, что он мягок в репрессиях против троцкистов. Ягода тут же попадает в немилость, и теперь Ежов — нарком внутренних дел и руководитель ГПУ. Истинный хозяин страны. Он открывает новую страницу в истории террора.

Теперь Ежов собирается заняться «старой гвардией» большевизма — Пятаковым и Радеком, как основными обвиняемыми. Но перед этим он постарался ликвидировать Ягоду и его окружение.

Чекисты знали жестокость Ежова: он представил тому доказательства, будучи председателем Бюро Партийного Контроля. Его появление на Лубянке вызвало настоящую панику среди сотрудников Ягоды. Все, с кем последний «работал», один за другим были поставлены к стенке.

Ежов положил руку и на самых близких друзей своего предшественника: его первого помощника, старого чекиста Прокофьева, Лурье, Островского, Фельдмана, барона Стейгера (доверенное лицо Ягоды).

Одних он расстрелял без всяких преамбул, других бросил в тюрьму, чтобы заставить их сыграть роль в процессе, который он готовил... В целом 325 чекистов Ягоды были расстреляны или посажены во внутреннюю тюрьму. Ежов неумолим: он абсолютно лишен нервов»¹.

1 октября 1936 г. Ежов подписывает первый приказ по НКВД о своем вступлении в исполнение обязанностей народного комиссара внутренних дел Союза

¹ Роман Гуль. Дзержинский — Менжинский — Петерс — Лацис — Ягода — Ежов. С. 216, 221—223.

СССР. Его взлет продолжается. В январе 1937 года Ежову, как ранее Ягоде, а потом и Берии, присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, в этом же месяце он утверждается почетным красноармейцем 13-го Алма-Атинского мотомеханизированного полка. 16 июля 1937 г. Президиум ВЦИК принимает решение о переименовании г. Сулимова Орджоникидзевского края в г. Ежово-Черкесск, а на следующий день М. Калинин и А. Горкин подписали постановление ЦИК СССР, в котором сообщалось о награждении Н. И. Ежова орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий». 16 февраля 1938 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении школе усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД имени Ежова Н. И.¹ и т.д.

Николай Иванович весь в лучах славы и заботах по НКВД. Он еще не знает, что отпущено ему судьбой быть наркомом всего два года, как и предшественнику, и что на горизонте уже замаячил призрак нового исполнителя воли Сталина — Берии, который будет более удачливо угождать вождю, поэтому проработает рядом со Сталиным около 15 лет, вплоть до его смерти.

Сначала многие окружающие сочувственно относились к Ежову, считая его порядочным человеком и действительно большевиком. Вот как оценивал его Н. И. Бухарин по воспоминаниям А. М. Лариной:

«К Ежову же он (Бухарин.— *В.Н.*) относился очень хорошо. Он понимал, что Ежов прирос к аппарату ЦК, что он заискивает перед Сталиным, но знал и то, что он вовсе не оригинален в этом. Он считал его человеком честным и преданным партии искренне,— «преданный партии»,— тогда это достоинство являлось существенной чертой большевика. Бухарину же представлялось тогда, как это теперь ни кажется парадоксальным, что Ежов, хотя человек малоинтеллигентный, но доброй души и чистой совести. Н.И. был не одинок в своем мнении; мне пришлось слышать такую же оценку нравственных качеств Ежова от многих лиц, его знавших. Назначению Ежова на место Ягоды Н.И. был искренне

¹ См.: Архив ГУВД Леноблгторисполкомов. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 851. Д. 65, 84.

рад. «Он не пойдет на фальсификацию», — наивно верил Бухарин до декабрьского Пленума 1936 года»¹.

Жизнь, однако, не подтвердила этого прогноза. Главное, в чем Ежов особо отличался, — это дальнейшая организация репрессий, показательных судебных процессов над видными партийными и советскими работниками, неугодными Сталину.

Первым таким процессом, организованным Ежовым, явилось рассмотрение дела так называемого «Московского параллельного антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 года. В качестве обвиняемых предстали Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков и другие, всего 17 человек.

Придя к руководству, Ежов много внимания уделяет укреплению органов НКВД. Рассмотрим некоторые документы на этот счет. 28 сентября 1938 г. он подписывает приказ «О результатах проверки работы рабоче-крестьянской милиции Татарской АССР». В нем констатировалось, что проведенной проверкой был вскрыт ряд вопиющих нарушений и игнорирование приказов и директив НКВД СССР, приведших на практике к развалу работы милиции, засорению кадров, разгулу грабителей, воров и хулиганов. Однако начальник управления Аитов вместо организации борьбы с преступностью занимался очковитирательством. За восемь месяцев 1937 года в Казани было 212 грабежей, а в отчетности показано лишь 154 (написано как будто бы про сегодняшний день, хотя с того времени прошло много лет).

Вот некоторые другие оценки из этого приказа: ...«Хулиганы-поножовщики в Казани настолько распоясались, что передвижение по городу граждан с наступлением вечера становится опасным. Ряд мест общественного пользования, в частности, Ленинский сад, улица Баумана и другие находятся во власти хулиганов-бандитов... Вместо ареста хулиганов практиковалось наложение штрафов, но даже штрафы не взыскивались... Безнаказанность преступников порождала политический бандитизм... Руководство милиции создало в аппарате полную безответственность и безнаказан-

¹ Ларина А. М. Цит. соч. С. 122—123.

Первый эшелон руководителей. Второй слева Н.И. Езов.

ность... Важнейшие участки работы милиции находятся в состоянии развала» и т.д.

Меры, которые намечались в приказе, — вполне соответствовали духу времени. Предписывалось снять с работы, немедленно арестовать и предать суду начальника Управления милиции и начальника политотдела, а также девять других работников, ряду сотрудников были объявлены взыскания. А заканчивался приказ такими энергичными словами: «Народному комиссару внутренних дел Татарской АССР капитану государственной безопасности т. Михайлову в двухмесячный срок привести милицию Татарской ССР в боеспособное состояние и мне доложить. Ежов»¹. Здесь весь нарком — деловой, властный, жесткий.

Таким он выглядит и по другим документам. Так, он упрекает тюрьмы Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР за слабый режим и объявляет совершенно секретное «Положение» о порядке его укрепления с целью полной изоляции подследственных арестованных от внешнего мира и от арестованных других камер, а также строгого соблюдения правил внутреннего распорядка².

Были определены и меры наказания к «хулиганствующим заключенным в тюрьмах ГУГБ». За оскорбительные словесные и письменные заявления заключенных или оскорбительные выходки (плевки, ругательства, попытки нанесения оскорбления действием) предусматривался перевод в более строгую тюрьму, применение более строгого тюремного режима, заключение в карцер до 20 суток, предание суду. Так, в приказе от 8 февраля 1937 г. Ежов предписывает предать суду следующих «содержавшихся в тюрьмах ГУГБ осужденных на разные сроки заключения, приславших мне в связи с введением нового тюремного режима и процессом оскорбительные заявления: Карсанидзе Ш. А., Смирнова В. М., Кузьмина В. В., Сатаневича В. М., Котолынова П. И., Строганова Д. И., Гольдберг Р. М., Марголина-Сигал Г. Г., Петунина К. Г., Петрова А. П. Посадить в карцер на 20 суток Копытова Г. С., Гагуа А. Н., Алексидзе В. И., Карабаки А. Г., Геворкян А. Е., Пурцеладзе А. Н., Ва-

¹ Фонд приказов архива МВД Киргизской ССР. № 12917.

² См.: там же. № 824.

щина-Калюгу К. П., Ваньяна Г. А., Исабекян А. А., Джапаридзе В. Н., Бер А. А.»¹. Вот так. Работники НКВД могли делать все, вплоть до безнаказанного убийства людей или доведения до самоубийства, но упаси бог, если заключенный начнет как-то защищать свое достоинство — он сразу становится хулиганствующим элементом.

В другом приказе, разосланном на места в целях ориентировки и устрашения оперативных работников, Ежов обвиняет начальника особого отдела Главного управления госбезопасности 6-й стрелковой Орловской дивизии лейтенанта госбезопасности Ширина Б. И. в том, что «... до сего времени по контрреволюционному элементу, находящемуся в дивизии, полного оперативного удара не нанесено». А мера та же — «за развал оперативной работы, отсутствие борьбы с контрреволюцией, за связь с врагами народа — арестовать и предать суду»².

Ответная реакция на местах не заставляла себя долго ждать. В архиве ГУВД Леноблгорисполкомов мне попало в руки дело, содержащее часть списков военнo-служащих, арестованных особыми отделами НКВД военных округов, армий, флотов, флотилий, корпусов, дивизий, бригад и гарнизонов в 1937—1938 гг. В данном деле имеется 17 списков с количеством арестованных от 7 человек по 2-й отдельной Краснознаменной армии до 816 человек по Белорусскому особому военному округу, а всего на 3349 человек³.

Правда, в ряде партийных и государственных решений шла речь о необходимости укрепления социалистической законности и недопустимости репрессий. Об этом, в частности, говорилось и в решении январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б). Однако эти установки лишь провозглашались, практика же шла по другому пути.

Например, 14 марта 1938 г. из Ухтомского райотдела милиции Московской области был взят на допрос арестованный Печек А. Х., который в результате избиений скончался. Как показали допрошенные позднее

¹ Архив ГУВД Леноблгорисполкомов. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 236—236б.

² Фонд приказов архива МВД Киргизской ССР. № 461.

³ См. Архив ГУВД Леноблгорисполкомов. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150.

сотрудники райотдела, арестованного били кулаками и ногами по телу, при этом его поддерживали, чтобы не падал. Установку об избиении всех арестованных, которые признали себя виновными в контрреволюционной деятельности, дал своим работникам начальник районного отделения НКВД Малышев Г. Д., а он ее получил сверху. Только в этом райотделении в период с января по март 1938 года такие методы были применены примерно к 40—50 арестованным¹.

В УНКВД Московской области следователи, применяя в процессе следствия меры физического воздействия к арестованным руководящим работникам автозавода имени Сталина, превращали их показания о производственных неполадках и ошибках, имевших место на заводе, в умышленные вредительские акты. Работники НКВД провозгласили, что на заводе существует разветвленная правотроцкистская организация, хотя фактически ее там не было².

Все это благословлялось на самом верху. В докладе Н. С. Хрущева XX съезду партии о культе личности была обнародована следующая телеграмма Сталина от 10 января 1939 г.:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»³.

Н.И. Ежов заботливо пестует и укрепляет систему лагерей и колоний. В 1936 году исполнилось 5 лет печально известному Дальстрою. В связи с этим

¹ См.: Архив ГУВД Мособлгорисполкома. Фонд СО. Уголовное дело № 13260.

² См.: там же. Ф. 111. Оп. 22. Д. 1. Л. 126.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

1 ноября 1936 г. нарком издает специальный приказ. В нем говорилось, что постановлением партии и правительства от 9—13 ноября 1931 г. на государственный трест Дальстрой была возложена задача освоения одной из самых отдаленных окраин Союза — Колымы.

За истекшие пять лет Дальстрой проделал под руководством ЦК партии и лично тов. Сталина огромную работу в исключительно трудных условиях.

Выявлены основные природные богатства района. Добыча рассыпного золота достигла таких размеров, что Дальстрой выдвинулся на первое место среди золотопромышленных районов Союза. Построен порт в бухте Нагаево. Проложена автомобильная дорога в глубь Колымы. На реке Колыме создан крупный речной флот. Построены десятки поселков с электростанциями, промышленными и коммунальными предприятиями. Совхозы на побережье доставляют тысячи тонн овощей и корнеплодов, сотни тонн мяса и молочных продуктов.

Десятки колхозов охватили значительную часть коренного населения. Построены национальные центры, и вокруг сельсоветов, школ, больниц оседает кочевое население. Все дети коренного населения посещают школы; ликвидируется безграмотность; растет тяга к советскому врачу. Сотни работников из местного населения становятся во главе сельсоветов, колхозов; десятки женщин выдвинулись на руководящие должности.

В процессе проведения всей этой работы тысячи бывших правонарушителей приобщены к социалистической стройке и становятся честными тружениками (о том, сколько погибло, — ни слова).

Отмечая эти успехи, достигнутые настойчивой и энергичной работой всего коллектива Дальстроя — Севвостлага НКВД, и поздравляя работников Дальстроя и Севвостлага НКВД с пятилетием, нарком Н. И. Ежов приказал:

1. Директору Дальстроя Берзину и начальнику Севвостлага Филиппову освободить досрочно 300 человек заключенных и сократить срок от 6 месяцев до 3-х лет 1500 заключенным стахановцам, показавшим лучшие образцы работы и поведения в лагере.

Указанные льготы объявить заключенным не позднее 7-го ноября, проведя соответствующую разъяснительную работу.

Список заключенных, в отношении которых будут применены льготы, выслать в ГУЛАГ НКВД.

2. Список лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, кои достойны применения льгот, представить ему на утверждение.

3. Вольнонаемным работникам треста и лагеря, а также Московского Управления за хорошую ударную работу выдать денежные премии и ценные подарки.

4. Приказ передать по телеграфу и широко распубликовать на территории деятельности Дальстроя.

«Уверен, — заключает свой приказ нарком, — что накопленный за пять лет опыт будет широко использован всем коллективом Дальстроя для дальнейшей плодотворной работы на Крайнем Севере»¹.

Свою давнюю историю имеет строительство Байкало-Амурской магистрали и участие в этой деятельности значительных контингентов осужденных. Некоторые авторы относят основные работы по сооружению БАМа к периоду 1975—1985 гг. Но это был уже третий этап работ по созданию магистрали. Фактически первые постановления правительства о строительстве БАМа были приняты в 1932—1937 годах. Так, в документе НКВД от 9 декабря 1937 г., подписанном Н. И. Ежовым, сообщалось, что решением правительства Народному комиссариату внутренних дел Союза ССР поручено строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали общим протяжением около 5 тыс. км.

Осуществление этого грандиозного по своему масштабу строительства было возложено на Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь НКВД.

К началу Великой Отечественной войны на БАМе был проведен значительный объем работ. Однако из-за большой потребности в рельсах на театре военных действий часть железнодорожных путей на БАМе в годы войны была демонтирована. Так, на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 9 марта 1943 г. НКВД СССР осуществил разборку железнодорожной линии Известковая — Ургал. Вместе с этим строительство дороги продолжалось и в военные годы. Постановлением ГКО от 21 мая 1943 г. НКВД

¹ Архив ГУВД Леноблгосисполкомов. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. л. 207—208.

СССР было поручено строительство железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань.

Таким образом, сооружение этой крупной железнодорожной магистрали продолжалось с перерывами в течение 50 лет. Да и к настоящему времени осталось еще немало проблем по ее обустройству.

А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет: «Состав захваченных в 1937—1938 и отнесенных полумертвыми на Архипелаг так пестр, причудлив, что долго бы ломал голову, кто захотел бы научно выделить закономерности. (Тем более современниками они не были поняты.)

А истинный посадочный закон тех лет был — заданность цифры, разрядки, разверстки. Каждый город, район, каждая воинская часть получали контрольную цифру и должны были выполнить ее в срок. Все остальное — от сноровки оперативников»¹.

Прочитал и сначала подумал, что слова эти у Солженицына — лишь литературный прием, гипербола, преувеличение, которых немало в «Архипелаге». А когда познакомился с судебным делом Берии, то понял, что и такое было при Ежове. Подсудимый Гоглидзе, например, показал: «Я должен сказать суду, что для НКВД Грузии Ежовым был дан лимит об осуждении к расстрелу 1500 человек». А через несколько страниц показания свидетеля Морозова: «В 1937—1938 гг. я исполнял обязанности секретаря особой тройки при НКВД Грузинской ССР... За период работы тройкой рассмотрено приблизительно дел на 30 тыс. человек, из них около 10 тыс. были приговорены к расстрелу». Такова страшная правда.

В печати неоднократно сообщалось, что из 1966 делегатов XVII съезда партии 1108 были арестованы. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного XVII съездом, 110 были уничтожены.

А вот еще не публиковавшиеся данные о том, что произошло с членами ЦИК СССР, избранными на VIII Чрезвычайном съезде Советов, который утвердил новую Конституцию СССР. С 13 июля по 2 декабря 1937 г. Президиум ЦИК СССР за подписями М. И. Калинина или А. Ф. Горкина направил 15 списков в Прокуратуру

¹ Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956 // Новый мир. 1989. № 8. С. 45.

На трибуне мавзолея.

Осмотр построенного канала. Справа Н.И. Ежов.

СССР на заключение по обвинению членов ЦИК в контрреволюционной деятельности и в связях с врагами народа.

Машина, заведенная Сталиным, работала беспрерывно, а угодливый всесоюзный староста, жена которого тоже была отправлена в лагерь, в своем ведомстве с помощниками лишь конвейерно подписывал списки на членов ЦИК СССР — «врагов»: 13 июня — на 6 человек, 14 июля — на 2 человека, 31 июля — на 14, 13 августа — на 25, 26 августа — на 12, 28 августа — на 7, 11 сентября — на 8, 27 сентября — на 19, 17 октября — на 16 человек и далее, и далее. Так методично и последовательно уничтожались избранники народа.

Всего в этих списках были названы фамилии 181 члена ЦИК, в том числе бывших заместителей наркомов внутренних дел Агранова Я. С., Хлопьянкина М. И., бывшего заместителя председателя Верховного Суда старого чекиста Манцева В. Н. и др. Прокуратура СССР (как правило, за подписью Вышинского) через 3—5 дней после того, как был отправлен список, конечно, без какой-либо проверки давала заключение, что да, все перечисленные — враги народа и рекомендовала исключить их из состава членов ЦИК СССР, что и было сделано вместе с их арестом, а для большинства — и с последующим расстрелом.

А одновременно с этим происходили и такие события. В конце мая 1938 года в «Известиях» было помещено постановление общего собрания рабочих, работников, инженеров, техников и служащих 1-й Образцовой типографии ОГИЗа. Кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Кировскому избирательному округу решено выдвинуть ближайшего соратника великого Сталина, верного стража величайших побед социализма, кристально честного, любимого сына советского народа, непоколебимого борца за дело Ленина — Сталина тов. Ежова Николая Ивановича.

В Горьком, на автозаводе, беспартийный кузнец, выдвигая того же Ежова в депутаты, сказал:

...«Всех революционных подвигов тов. Ежова невозможно перечислить. Самый замечательный подвиг Николая Ивановича — это разгром японско-немецких троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов, убийц, которые хотели потопить в крови советский

народ... Их настиг меч революции, верный страж диктатуры рабочего класса — НКВД, руководимый тов. Ежовым»¹.

Таковыми были реальности и мифы времени, когда наркомвнуделом был Ежов.

В вихревой поток разоблачения «врагов народа» попали и многие видные ученые — С. П. Королев, А. Н. Туполев и др. Именно при Ежове в апреле 1938 года с целью использования этих специалистов-заключенных для выполнения работ оборонного значения было создано Особое конструкторское бюро Управления НКВД по Ленинградской области, сотрудники которого и в неволе продолжали укреплять оборонный потенциал страны («шарашка» — по А. Солженицыну).

Беззакония творились ежедневно, они вошли в норму жизни НКВД. Например, ставший министром внутренних дел СССР в 1956—1960 гг. Н. П. Дудоров в своих воспоминаниях сообщает, что в июне 1937 года Ежов представил списки на 3170 политических заключенных к расстрелу. В тот же день списки были утверждены Сталиным, Молотовым и Кагановичем. Таких списков было много.

Мы не располагаем точными данными о количестве лиц, на которых обрушились репрессии. В печати на этот счет приводятся разноречивые сведения, а в архивах таких материалов мы пока не нашли. Этот бурный поток начался при Ягоде, а наиболее стремительной силы достиг при Ежове. Хрущев Н. С. в докладе на XX съезде партии сообщил, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в 10 раз².

Только Военной коллегией Верховного Суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах за время с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 г. было осуждено к расстрелу 30 514 человек и 5643 человека к тюремному заключению³.

По данным Д. А. Волкогонова, с 1937 по 1938 год

¹ Владимир Амлинский. На заброшенных гробницах // Юность. 1988. № 3. С. 51.

² См. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 140.

³ См.: Красная звезда. 1989. 8 апр.

репрессиям подверглось примерно 3,5—4 млн. человек; из них 600—650 тыс. были расстреляны¹.

В делах Военной коллегии Верховного Суда СССР имеется документ, датированный 12 октября 1960 г. Это справка по особо важным делам, рассмотренным коллегией с 1934 по 1952 год. Конечно, такой период выходит за рамки времени, когда НКВД СССР руководил Н. И. Ежов, но представляется целесообразным рассмотреть весь этот документ.

В справке перечислены 13 наиболее крупных дел, рассмотренных Военной коллегией Верховного Суда СССР за указанное время. Открывает список дело «Ленинградского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в связи с убийством С. М. Кирова. По нему было приговорено к высшей мере наказания 14 человек, а в последующем еще 9 человек к различным срокам лишения свободы. По этому же делу были осуждены 12 руководящих работников УНКВД по Ленинградской области (в том числе Запорожец И. В. — сначала к 3 годам и вторично в 1937 году — к расстрелу, Медведь Ф. Д. — тоже вторично к расстрелу). В 1957 году они были реабилитированы.

Далее в списке названо дело «Московского центра», рассмотренного в январе 1935 года, по которому, как уже указывалось, к различным срокам лишения свободы было приговорено 19 человек во главе с Зиновьевым Г. Е.

Следующим в июле 1935 года идет дело, которое мы ранее в очерке о Г. Г. Ягоде назвали «Кремлевским». В справке оно именуется так: «Террористическая группа в правительственной библиотеке и контрреволюционная троцкистская группа военных работников Комендатуры Кремля». Всего по этому делу было осуждено 112 человек во главе с Л. Б. Каменевым, из них 91 уже к 1960 году были реабилитированы.

В ноябре 1935 года коллегия рассмотрела дело «Контрреволюционной фашистской террористической организации финских политэмигрантов». Все 10 человек, осужденные по этому делу к различным срокам лишения свободы, в 1957 году реабилитированы.

Август 1936 года — дело «Московского объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока», по

¹ См. Д. Волкогонов. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 129.

которому сначала было осуждено 16, затем еще 13 человек. И, наконец, еще один центр, а далее пойдут блоки, заговоры и т. д.— это «Московский параллельный антисоветский троцкистский центр» (январь 1937 года). На этот раз к высшей мере наказания приговорены 17 человек.

По делу о «Военно-фашистском заговоре» в июне 1937 года были расстреляны 8 крупнейших военачальников, о чем в печати сообщалось многократно.

Потом идет «Антисоветский правотроцкистский блок», о котором упоминалось уже несколько раз. Здесь осуждены сначала 21, а затем еще 11 человек.

Список бесстрашный, длинный, и он продолжается. Читаем, что в 1937—1938 гг. были осуждены 16 руководящих работников Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (своих врагов внутри страны стало уже мало). А попутно в связи с этим пошли под суд и 20 руководящих советских работников.

В справке имеются сведения, что В. А. Балицкий, Н. И. Ежов и Г. Г. Ягода были осуждены как организаторы массовой фальсификации уголовных дел и поэтому к реабилитации они не представлялись.

Заключают список «Ленинградское дело» от сентября 1950 года (56 человек) и «Еврейский антифашистский комитет» в июле 1952 года (14 человек). Вот такой грустный список фальсифицированных дел, в результате которых пострадало множество невинных людей.

Власть НКВД становилась все более и более безбрежной. Н. С. Хрущев, работавший в это время первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии, свидетельствует, что все избранные в состав названных комитетов должны были обязательно проверяться и одобряться НКВД. «В этот период,— пишет Н. С. Хрущев,— партия начала утрачивать свой авторитет и превращаться в прислужницу НКВД... Поскольку всякое выдвижение или перемещение партийных кадров приходилось проводить в соответствии с директивами НКВД, партия утратила свою руководящую роль. Это был позор»¹.

Пробует себя Н. И. Ежов и в теоретических изысканиях. Вскоре после убийства С. М. Кирова он начинает разрабатывать «теоретический труд» под названием «От

¹ Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 84—85.

фракционности к открытой контрреволюции». И.В. Сталин по просьбе Н. И. Ежова лично редактировал эту работу¹.

Но дни Ежова уже сочтены. 9 апреля 1938 г. «Известия» сообщили, что он по совместительству назначен еще и народным комиссаром водного транспорта. Вроде бы ничего особенного. В 20-е и 30-е годы бытовала практика совмещения в одном лице руководства несколькими наркоматами.

Ровно через девять месяцев — 9 декабря 1938 г. «Правда» и «Известия» опубликовали следующее сообщение: «Тов. Ежов Н. И. освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей Наркома внутренних дел с оставлением его Народным комиссаром водного транспорта.

Народным Комиссаром внутренних дел СССР утвержден тов. Л. П. Берия»².

По свидетельству А. Антонова-Овсеевко, Ежов в должности наркома водного транспорта стал беспребудным пьяницей, который «на службе появлялся не каждый день, обычно с опозданием. Во время совещаний катал хлебные шарики или прилежно конструировал бумажных голубей...»³.

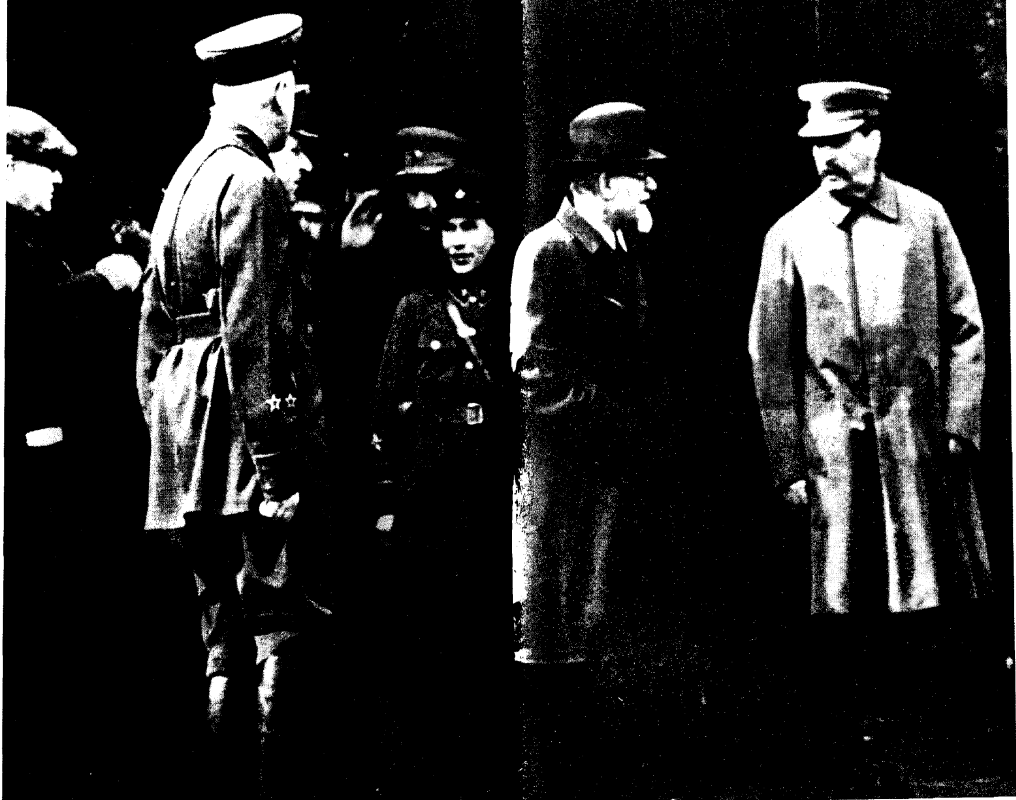
10 апреля 1939 г. Ежов был арестован по обвинению в руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД СССР, в проведении шпионажа в пользу иностранных разведок, в подготовке террористических актов против руководителей партии и государства и вооруженного восстания против Советской власти. Словом, вся терминология, которой он так часто пользовался, теперь была применена к нему.

Н. И. Ежов отверг на суде все обвинения в свой адрес об антипартийной деятельности, шпионаже и т. д., которые он признал на предварительном следствии. В то же время Ежов заявил, что «есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять... Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил... Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве,

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 73.

² Аргументы и факты. 1988. № 49. С. 7.

³ Антон Антонов-Овсеевко. Карьера палача // Звезда. 1989. № 5. С. 90.

У мавзолея Ленина. Третий справа Н.И.Ежов.

Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа»¹.

Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 3 февраля 1940 г. Ежов Н.И. был осужден к исключительной мере наказания; приговор приведен в исполнение 4 февраля того же года.

В октябре 1989 года в «Рекламной газете», издаваемой в г. Магадане, впервые было опубликовано стихотворение поэта В. Португалова, за которое в 1946 году он был осужден к 8 годам лишения свободы и на 3 года поражения в правах.

Вот это стихотворение.

В. Португалов

НЕ СОВСЕМ ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

«Николай Ежов»² идет проливом
Терпения.

Газета «Советская Колыма»

Позабыв все ужасы царизма,
Мы «доплыли» до социализма.
Это было, братцы, на беду,
В девятьсот тридцать седьмом году.
Иосиф Сталин ловко и умело
Опохабил ленинское дело,
Позабыв бывшие обещанья,
Он довел страну до обнищанья.
Водка, тюрьмы, лагеря да палка —
Для народа ничего не жалко,
Лишь орите, глоток не щадя,
Здравие Великого Вождя!
Появились небылицы в лицах:
Вся страна в «ежовых рукавицах»...
Ах, как это в памяти свежо,
Николай Иванович Ежов!
Помним, не за хрен сгубил Ягода

¹ В. Бакатин. Избавление от КГБ. М., Новости, 1992. С. 30.

² Так назывался один из пароходов, принадлежащих Мортрансу Дальстроя. После ареста Ежова пароход получил имя «Феликс Дзержинский».

Много православного народа,
Ну, а вы куда его бойчее,
Николай Иваныч Аракчеев!
За год посадили тысяч триста
Двенадцатилетних «террористов»,
Вместе с ними — пару миллионов
Всех полов и возрастов «шпионов».
Восемьдесят тысяч «диверсантов»,
Сто семнадцать молодых талантов.
Девяносто девять «интервентов».
Ну, и... половину всех студентов.
Ради пущей важности момента
В тюрьмах до хрена интеллигента.
Множество рабочих и крестьян,
Словом — пролетарии всех стран.
Здесь французы, немцы и поляки,
Венгры, латыши и австрияки,
Весь без исключения наверно,
Пленум Исполкома Коминтерна.
Только мерзость, милосердный боже,
На богопротивной роже,
Что ж у нас творится на душе,
Николай Иванович Фуше?¹
Сколько зла стране вы причинили?
Сколько русской крови вы пролили?
Вам же только этого и надо,
Николай Иваныч Торквемада².
Помните, собачая порода:
Велико терпение народа,
Только и ему придет конец,
Николай Иванович Подлец!
Нет спасенья шайке сумасбродов:
Первым делом кокнут Вошь народов,
Ну и вас пристукнут заодно,
Николай Иванович Говно!

(Публикация Л.В. Португаловой)

И, наконец, о родственниках Николая Ивановича.

¹ Фуше Жозеф (1759—1820), министр полиции Франции, создал развернутую систему политического сыска и шпионажа.

² Торквемада Томас (ок. 1420—1498), глава испанской инквизиции (великий инквизитор).

Жена Н.И. Ежова Евгения Соломоновна с приемной дочерью.

Здесь у нас результаты разысканий пока слабые, так как с его личным делом, как я уже указывал, познакомиться не удалось.

Отыскалась лишь его приемная дочь, которая, как и сын Ягоды, носит другую фамилию. Она рассказала, что о родственниках Ежова знает мало. Известно, что у него была родная сестра Евдокия Ивановна, которая скончалась. Вторая жена Ежова, Евгения Соломоновна, работавшая редактором журнала «СССР на стройке», в 1938 году погибла. По некоторым данным, Ежов ее отравил. Своих детей в семье не было. После того как Ежова арестовали, приемная дочь была направлена в детдом г. Пензы как дочь «врага народа». Ее судьба описана в рассказе В. Гроссмана «Мама»¹.

Жена Ежова дружила с Зинаидой Гавриловной Орджоникидзе. По словам приемной дочери, З.Г. Орджоникидзе не считала Ежова страшным злодеем. «Он был игрушка, — говорила она. — Им вертели, как хотели. А когда он стал много знать — его решили убрать».

Примерно об этом же говорит в своих мемуарах и И. Г. Эренбург. Он пишет: «Ежов стрелял по площадям и снарядов не жалел. Говорю «Ежов», потому что тогда мне казалось, что все дело в нем...

Кажется, умнее меня да и многих других был Бабель. Исаак Эммануилович знал жену Ежова еще до того времени, когда она вышла замуж. Он иногда ходил к ней в гости, понимая, что это опасно, но ему хотелось, как он говорил, «разгадать загадку». Однажды, покачив головой, он сказал мне: «Дело не в Ежове. Конечно, Ежов старается, но дело не в нем...» Ежова постигла судьба Ягоды. На его место пришел Берия, при нем погибли и Бабель, и Мейерхольд, и Кольцов, и многие другие неповинные люди»².

¹ Гроссман В. Мама // Знамя. 1989. № 5. С. 8—15.

² Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга третья и четвертая. М., 1963. С. 661, 663.

8

Берия Лаврентий Павлович

1938—1945, 1953 гг.

*Современники о
Берии. Работа
в чекистских и
партийных
органах. Берия
в НКВД.
Моральное
разложение.
Дальнейшее
искоренение
«врагов народа».
Следы «Особого
совещания».
ГУЛАГ в годы
войны. Маршал
Советского
Союза, Герой
Социалистического
Труда.
Арест,
следствие,
суд,
расстрел.
Сын
Берии
об отце.*

1899—1953

Наш рассказ о Л. П. Берии как о наркоме (министре) внутренних дел основан на архивных материалах, переписке со Сталиным, 40 томах уголовного дела по обвинению Берии в преступлениях, документах НКВД (МВД) того периода, материалах ГУЛАГа и других главков.

Делами органов госбезопасности и внутренних дел Л. П. Берия за свою жизнь занимался довольно много. Если попытаться дать этому сложному человеку какую-то общую характеристику, то можно было бы, в частности, сослаться на мнение П. А. Шария, профессора, доктора философских наук, действительного члена Академии наук Грузинской ССР, в прошлом секретаря ЦК КП Грузии. Он был приглашен Берией на роль начальника секретариата НКВД (МВД), а также являлся его помощником как заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Шария принимал участие в составлении статей для Берии о 70-летию Сталина, предвыборной речи Берии, его доклада о 34-й годовщине Октябрьской революции. Берия обязывал его давать замечания и вносить изменения почти во все документы, поступающие в Совет Министров в форме проектов из МИДа и других ведомств. Эти поправки были нужны Берии не столько с точки зрения целесообразности, сколько с целью подчеркивания своей роли и значимости. Вот его оценка, данная в 1953 году во время следствия по делу Берии: «Берия — государственный работник несоветского типа, признающий за основу государственного руководства преимущественно организационную технику и кабинетно-закулисные комбинации в расстановке

кадров. Если к этому добавить ограниченность общетеоретического, а стало быть, и политического кругозора Берии, с одной стороны, и безусловные его организаторские способности, с другой стороны, нужно признать логическим последствием всей его предшествующей карьеры то, что он после смерти Сталина зарвался, возомнил себя чуть ли не всемогущим человеком и потерял чувство критического отношения к себе. Получение при этом снова поста Министра внутренних дел СССР усугубило отмеченные выше черты Берии и превратило его в человека, могущего решиться на сумасбродную попытку реализации своих неограниченных честолюбивых устремлений. Тем самым он стал представлять для нашего государства большую опасность». С такой оценкой в основном можно согласиться.

Вот что говорит о Берии Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях: «Я уже давно знал, что никакой он не коммунист. Я считал его коварным оппортунистом, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. С идеологической точки зрения все то, чем он занимался, по-моему, не соответствовало коммунистическим идеалам. Он был палачом и убийцей»¹. Как видим, мнения совпадают и во многом оценки усиливаются.

Хотя есть и другие оценки. Например, бывший министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов в интервью в 1980 и 1981 гг. указывал: «Возьмите, например, Берию. Его преподносят как скопище всех мыслимых и немыслимых пороков. Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный, нечистоплотный — как и другим наркомам, мне от него немало натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изьянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватить суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке.

Ведь это факт, что под руководством Берии было осуществлено, и в кратчайшие сроки, создание атомного оружия, а в годы войны с рекордной быстротой соорудались объекты оборонного значения.

¹ Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 307.

Но Берия умел небольшой ошибке придать видимость сознательного умысла, даже «политических» намерений. Думаю, Берию, как и Мехлиса, Сталин использовал как своего рода «дубинку страха», с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил «русской обломовщиной». И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно.

Конечно, были случаи, когда бериевская дубинка опускалась и на головы честных людей»¹.

Ю. Афанасьев в польском журнале за 1988 год предложил даже реабилитировать Берию².

Вот еще два противоположных мнения простых людей:

«Сколько бы ни говорили плохого за товарища Сталина, Ягоду, Ежова и Берия, я никогда этому не поверю! Да, товарищ Сталин был жесток, и власть его была жестока. При ней расстреливали — и правильно делали. Стреляли-то кого? Врагов народа. И за это ему большое спасибо. Никто из простых людей — пусть даже и отсидевших в лагерях — не упрекает товарища Сталина в несправедливости.

В. Каланга.

г. Ильичевск, Одесская обл.»

«Потоки сомнительных обвинений в адрес И. Сталина льются со страниц печатных изданий. В прошлом я работал у него — был офицером охраны.

На мой взгляд, Сталин никого не шельмовал. Его всегда ставили перед совершившимся фактом. Так было с Михаилом Кольцовым, Королевым и другими.

Не Сталина надо винить в репрессиях. К арестам приложили руку все тогдашние руководители партии — Молотов, Маленков, Каганович и другие. Особо хотел бы выделить негативную роль Ежова и Берии. Первый основательно засорил аппарат НКВД карьеристами, сам разложился, стал пьянствовать и в пьяном виде подписывал списки на аресты. Берия же был человеком подлым и коварным. Он постоянно обманывал Сталина.

¹ Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 266.

² См. там же.

Пора сказать о нашем вожде доброе слово. Он заслужил это своей жизнью.

А. Рыбин,
офицер запаса, Москва.¹»

Воистину, как говорят в народе, сколько людей, столько и мнений. Поэтому давайте обратимся к фактам, чтобы каждый читатель имел возможность сделать определенные выводы.

Л.П. Берия родился в марте 1899 года в селении Мерхеули около г. Сухуми в бедной крестьянской семье. В 1915 году он переехал в г. Баку, где в 1919 году окончил строительно-техническое училище. В последующем он поступил в Политехнический институт, но окончил лишь 2 курса. С этим образованием он и прошел по жизни. Отец Берии — Павел Хухаевич, мать — Марта Ивановна, в семье была еще глухонемая сестра Лаврентия — Анна. В 1918—1929 гг. Берия работает в Грузии и Азербайджане в качестве техника, служащего таможни. В 1921 году назначается сначала заместителем начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, затем начальником этого отдела — заместителем председателя АзЧека. В 1923 году он переводится в ЧК Грузии, где работает до 1931 года председателем ГПУ Грузии, председателем Закавказского ГПУ. С 1931 по 1938 год Л. П. Берия на партийной работе, был первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), первым секретарем ЦК КП Грузии.

В автобиографии, которая имеется в личном деле, Берия часто делает упор на то, что уже в ранний период принимает активное участие в партийной жизни. Да, действительно, известное участие принимал, состоя в партии с 1919 года. Но именно к этому периоду относится и такой его предательский шаг по отношению к партийным интересам, как служба в муссаватистской контрреволюционной разведке. Данный эпизод из своей жизни Берия тщательно скрывал и сознался в этом лишь в процессе суда над ним в 1953 году под давлением собранных улик.

В автобиографии Берия также указывает, что в июне и июле 1920 года он был арестован и находился в

¹ Аргументы и факты. 1989. № 31. С. 4.

Кутаисской тюрьме. И только после голодовки, объявленной политзаключенными, его этапным порядком высылают в Азербайджан. Однако он умалчивает об одном существенном моменте.

В его личном деле имеется анкетированная характеристика, составленная комиссией ЦК КП Грузии. (Дата не указана, но, судя по содержанию, это относится к начальному периоду его работы в ГПУ Грузии.) Вот ответы комиссии относительно Берии, в том числе и по поводу упоминаемой голодовки.

Вопросы
Замечались ли колебания в критические минуты для организации и в чем они выражались?

Ответы
Замечались. В тюрьме не подчинялся постановлениям парторганизации и проявлял трусость. К примеру: не принимал участия во время объявления голодовки коммунистов.

Имеет ли какой уклон к карьеризму, бюрократизму, склокам и группировкам?

Замечались уклоны как к бюрократизму, так и к карьеризму. Но под руководством и внушением старших товарищей при его молодости эти недостатки могут быть изжиты.

Имеет ли какой-либо уклон к национализму, левизне?

Замечался уклон к левизне.

Пользуется ли популярностью у рабочих и крестьян?

Как молодого работника рабочие и крестьяне его еще не знают.

Является ли теоретиком или практиком марксизма?

Практик слабый.

Проявлял ли умение подбирать работников и руководить ими?

Не особенно.

Есть ли возможность использовать на более ответственной работе?

Нет.

Здоровье.

Слабое.

Как видим, характеристика более чем скромная. Она свидетельствует, что глубокие червоточины и большие изъяны имелись у Берии уже с молодых лет. В последующем они углублялись и стали роковыми, особенно с учетом того, что он занимал большие должности и распоряжался судьбами широкого круга людей.

Еще будучи секретарем ЦК КП Грузии, Берия заявлял в 1937 году, что если арестованные не дают нужных показаний, их нужно бить. С целью раздутия своего авторитета он давал также указания работникам

Л.П. Берия и И.В. Сталин на катере во время отдыха.

правоохранительных органов добывать сведения у арестованных о том, что против него готовились террористические акты.

Желая угодить Сталину, Берия поручил группе лиц во главе с заведующим отделом ЦК КП Грузии Бедией подготовить книгу «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В 1935 году эта книга была издана миллионным тиражом, а ее авторство Берия приписал себе. Берия проговорился, как на самом деле готовилась книга. Тогда незамедлительно последовал его арест как участника контрреволюционной организации. Сам Берия в связи с этим на судебном заседании 1953 года показал следующее: «По поводу книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Бедия и другие лица составили книгу, а я по ней сделал доклад, затем эта книга была издана под моим авторством. Это я сделал неправильно».

К большой должности в чекистских органах Л. П. Берия готовил себя давно. Еще 1 февраля 1922 г., заполняя анкету, он написал: «Что касается работы в ЧК, меня таковая поглощает и желательно бы было для основательного изучения российских методов работы в органах ЧК командировать для работы в Центральную ВЧК». В период работы в Закавказье он был близок к Ягоде и Ежову, называл их в неофициальных письмах «дорогой Генрих» и «дорогой Коля».

Любопытная деталь. 5 марта 1937 г. объявляется постановление ЦИК СССР о присвоении имени т. Берия Л. П. Ленинанскому пограничному отряду, а через четыре дня — 9 марта 1937 г. — подобное постановление о присвоении имени т. Ежова Н. И. Славутскому Краснознаменному пограничному отряду.

Наконец-то цель, провозглашенная в приводимой записи 1922 года, через 16 лет была достигнута. В августе 1938 года Берия становится первым заместителем Ежова, а через четыре месяца, в ноябре, сменил его на посту народного комиссара внутренних дел СССР.

С XVII съезда партии он член ЦК ВКП(б), после XVIII съезда (1939—1946 гг.) — кандидат в члены Политбюро, а затем член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б).

С 1941 года и до конца своей карьеры Берия помимо

должности наркома являлся заместителем Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, заместителем председателя Государственного Комитета Оборона и т. д. В январе 1941 года ему присваивается звание генерального комиссара государственной безопасности, а вскоре после окончания войны — Маршала Советского Союза. С 1943 года он Герой Социалистического Труда. К 1949 году на его груди уже четыре ордена Ленина, два ордена Красного Знамени и даже орден Суворова I степени, которым он был награжден, как сказано в Указе, «за образцовое выполнение специального задания правительства», а если говорить открыто, — за выселение народов Северного Кавказа и Крыма. Орден Суворова за слезы обездоленных стариков, женщин и детей — что может быть кошунственней. Но именно таким он и нужен был Сталину. Это одно лицо Берии, парадное. Недаром один из докторов наук известен тем, что защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Лаврентий Павлович Берия — верный друг и соратник Сталина».

А вот другое его лицо. Приводим отрывок из стенограммы допроса Берии. Вопросы задает Генеральный Прокурор СССР Р.А. Руденко.

Вопрос: Признаете ли вы свое преступно-моральное разложение?

Ответ: Есть немного. В этом я виноват.

Вопрос: Вы признаете, что в своем преступном моральном разложении дошли до связей с женщинами, связанными с иностранными разведками?

Ответ: Может быть, я не знаю.

Вопрос: По вашему указанию Саркисов и Надария вели списки ваших любовниц. Вам предъявляется 9 списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?

Ответ: Большинство женщин, которые значатся в этих списках, это мои сожительницы...

Вопрос: Кроме того, у Надария хранились 32 записки с адресами женщин. Вам они предъявляются. Это тоже ваши сожительницы?

Ответ: Здесь есть также мои сожительницы...

Вопрос: Вы сифилисом болели?

Ответ: Я болел сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения.

Берии было предъявлено обвинение в изнасиловании ученицы седьмого класса, которая потом родила от него сына, однако он заявил, что все было по добром согласию.

Женой Берии была Нина Теймуразовна, 1905 года рождения, по образованию — агрохимик, кандидат сельскохозяйственных наук. После ареста Берии на допросе она показала, что знала о нечистоплотности Берии, поэтому уже с 1941 года не находилась с ним в близких отношениях, однако не собиралась расторгать брак во имя сохранения семьи и внимания к сыну.

Или такой характерный штрих. Накануне денежной реформы 1947 года Берия, зная о ней, с целью избежания переоценки внес в сберкассах 40 тыс. принадлежавших ему денег. После ареста при обыске у Берии в особняке по улице Качалова, 28, были найдены свыше 100 тыс. руб., 40 стволов огнестрельного оружия, 4 автомашины. Из сейфа сына было изъято 269 тыс. руб., много облигаций и драгоценностей.

Заняв должность народного комиссара внутренних дел СССР, Берия назначил своих соучастников по деятельности в Закавказье и в Грузии на ряд руководящих должностей. Так, Меркулов был назначен начальником ГУГБ и первым заместителем наркома, Кобулов — начальником экономического управления, Гоглидзе — начальником УНКВД в Ленинграде, Цанава — наркомом внутренних дел Белоруссии, Рапава — наркомом внутренних дел Грузии, Церетели — начальником отдела охраны НКВД СССР и т.д.

При Берии функции НКВД продолжали еще больше расширяться, щупальца органов проникали все глубже в тело страны. В 1938 году наркомат принял в свое ведение Центральное архивное управление и все архивы на местах. Это, конечно, привело к тому, что архивы стали еще более закрытыми. Лишь через 20 лет, при ликвидации МВД СССР в 1960 году, архивная служба страны была преобразована и создан Главархив при Совете Министров СССР с соответствующими органами на местах. Однако излишняя закрытость архивов не преодолена и сегодня, хотя с момента передачи прошло много лет.

Приход Берии в НКВД СССР совпал со временем, когда Сталин и его окружение предприняли ряд мер для

того, чтобы несколько убавить репрессивную волну в стране. Они знали реальное настроение людей. Вот, например, несколько выдержек из анонимных писем, ходивших по Москве осенью 1938 года и попавших в поле зрения НКВД.

«Уважаемый товарищ!

Вам, вероятно, как и всем мыслящим людям, стало безумно тяжело жить. Средневековой террор, сотни тысяч замученных НКВД и расстрелянных безвинных людей, лучших, преданнейших работников Советской власти — это только часть того, что еще предстоит!!!

Руководители Политбюро — или психические больные, или наймиты фашизма, стремящиеся восстановить против социализма весь народ. Они не слушают и не знают, что за последние годы от Советской власти из-за этих методов управления отшатнулись миллионы и друзья стали заклятыми врагами...»

«...Товарищи по крови. Снимите ваши шапки и станьте на колени перед страданиями народа и ваших товарищей по борьбе. Это вы же виноваты в их муках — перед вами реки крови и море слез. Помогите. Не ждите циркуляров и инструкций. Директива чрезвычайного съезда одна: Сталин и сталинцы должны быть уничтожены».

«...Наша власть — не Советская, а большевистская, и притом тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным — истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников Советской власти, социализма и коммунизма. Это власть, в нарушение конституции, сотнями тысяч арестовывает в огромном большинстве случаев ни в чем не повинных советских граждан, ссылает и расстреливает их.

Все граждане нашей страны делятся на две категории: на уже арестованных и еще не арестованных или на бдительных и подозрительных.

Нет установленных конституцией ни неприкосновенности личности и жилища, ни свободы мысли и слова, ни печати и собраний.

Все боятся слово сказать, все боятся друг друга.

Наша власть — это Сталин и его чиновники — подхалимы и негодяи без чести и без совести...»

«Вечная память легендарным героям Красной Ар-

Л.П. Берия среди руководителей партии и правительства.

мии, погибшим от кровавой руки НКВД, т. т. Блюхеру, Бубнову, Тухачевскому, Егорову и др.»

О том, что Сталин и его подручные буквально утонули в репрессивных делах, свидетельствует хотя бы перечень постановлений ЦК ВКП(б), принятых по этим вопросам в одном только 1938 году: «Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР» (28 марта), «Об изменении структуры НКВД СССР» (13 сентября), «О структуре НКВД СССР» (23 сентября), «Об учете, проверке и утверждении работников НКВД» (14 ноября), «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (совместно с СНК СССР 17 ноября), «О порядке согласования арестов» (совместно с СНК СССР 1 декабря).

Итак, шесть постановлений за один год по репрессивным делам, причем трудно сказать, является ли этот список исчерпывающим.

В двух последних названных постановлениях была сформулирована новая платформа работы. Так, постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» потребовало продолжать и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, но организовать ее при помощи более совершенных и надежных методов. Среди недостатков, которые выявлены в работе органов НКВД и прокуратуры, названы следующие. Работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительскую деятельность, предпочитая действовать упрощенным способом, путем массовых арестов, обсуждают вопросы о представлении «лимитов» для производства таких арестов. В постановлении был осужден глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботился о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами. В постановлении признавалось наличие фактов извращения советских законов, совершение подлогов, фальсификации следственных документов, привлечение к уголовной ответственности невинных людей. Но все это в духе времени приписывалось тем врагам народа, которые пробрались в органы НКВД и прокуратуры. Было запрещено производство каких-либо массовых операций по арестам и

выселению, предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора. Ликвидировались судебные тройки.

Это, конечно, было потепление, хотя, как показала жизнь, оно было не таким уж и значительным. 26 ноября 1938 г. Берия уже как нарком внутренних дел подписывает приказ о порядке осуществления требований этого постановления, из тюрем и лагерей освобождают немало безвинных людей, в том числе военных работников. Повышалась требовательность к лицам, нарушающим законность. Так, приказ УНКВД по Московской области от 3 февраля 1939 г. сообщил следующее.

При рассмотрении судебными инстанциями следственных дел Загорского РО УНКВД Московской области обнаружено, что начальник РО младший лейтенант госбезопасности Сахарчук Н. К. преступно извращал методы следствия, представлял в УНКВД вымышленные справки на арест, составлял ложные протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, которых путем физического воздействия принуждал подписывать несоответствующие действительности показания. Сахарчук от занимаемой должности отстранен и предан суду.

Или другие примеры. 31 января 1939 г. Берия подписывает приказ об аресте и предании суду Ревтрибунала 13 сотрудников дорожно-транспортного отдела НКВД Московско-Киевской железной дороги за безосновательные аресты железнодорожников и неправильные методы ведения следствия.

Приказом, подписанным Берией 5 февраля 1939 г., была арестована и привлечена к ответственности группа работников особого отдела Краснознаменного Балтийского флота за производство массовых необоснованных арестов и применение незаконных извращенных методов ведения следствия.

9 ноября 1939 г. НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», в котором предписывалось освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль за соблюдением всех уголовно-процессуальных норм и т.д.

Эти примеры можно было бы продолжить.

Однако общий настрой существенно не изменился,

о чем, например, свидетельствуют такие слова из речи Л. П. Берии, помещенной в центральных газетах 15 марта 1939 г.:

«...В ходе дальнейшего победоносного движения нашей страны вперед по пути к коммунизму на органы НКВД возлагаются весьма ответственные задачи, ибо наша страна живет и развивается в окружении враждебных капиталистических государств, засылающих к нам шпионов, диверсантов и убийц. Подлые враги народа и впредь с еще большей ожесточенностью будут пытаться вредить, пакостить нам, мешать в осуществлении дальнейшей программы строительства коммунизма.

Окруженные вниманием и заботой партии и народа, беззаветно преданные нашей партии, Сталинскому ЦК ВКП(б), родному, любимому вождю товарищу Сталину, работники НКВД, очистив свои ряды от пробравшихся в них вражеских элементов и укрепив свои ряды проверенными кадрами, обеспечат разоблачение, разгром и искоренение всех врагов народа».

О том, как проходило это «искоренение врагов народа» и после принятия названного постановления свидетельствует следующий документ. Из письма Всеволода Мейерхольда на имя Вышинского от 13 января 1940 г.:

«Меня клали на пол лицом вниз, жгутом били по пяткам, по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам. Следующие дни, когда эти места ног были залиты обильными внутренними кровоизлияниями, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места налили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Руками меня били по лицу... Следовательно все время твердил, угрожая: «Не будешь писать, будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного тела». И я все подписывал до 16 ноября 1939 года». 2 февраля 1940 г. В. Мейерхольд был расстрелян¹.

В этот же период так называемого потепления состоялись акты безвинного расстрела Р. И. Эйхе,

¹ Ваксберг А. Процессы//Лит. газ. 1988. 4 мая. С. 12.

С. В. Косиора, В. Я. Чубаря, А. В. Косарева, М. С. Кедрова и многих др.

Судебный процесс над Берией еще раз подтвердил, что в 1939—1940 годах арестованных продолжали избивать по указанию Берии. Он и лично избивал их. По показаниям Мамулова, в приемной Берии в письменном столе хранились резиновые палки и другие предметы для избиений.

Изыскивая способы применения различных ядов для совершенствования тайных убийств, Берия отдал распоряжения об организации совершенно секретной лаборатории, в которой действие ядов изучалось на осужденных к высшей мере уголовного наказания. Ядами было умерщвлено не менее 150 осужденных.

Так происходило в центре.

Вот один из примеров, как выглядела обстановка к этому времени на местах. 23 октября 1938 г. секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А. Чуянов направил письмо в ЦК ВКП(б) на имя И. В. Сталина, в котором сообщал, что положение дел в работе органов НКВД по Сталинградской области вызывает серьезную тревогу.

В сообщении начальника Котельниковского районного отдела НКВД Евдушенко от 16 октября 1938 г. указывалось о контрреволюционной работе районного руководства: секретарей РК ВКП(б), председателя и секретаря райисполкома и других работников района.

После обсуждения этого сообщения на бюро обкома было установлено и лично признано начальником райотдела Евдушенко, что предъявленное им обвинение к районному руководству является клеветническим.

Провокационная практика работы Евдушенко подтверждается также следующим. Он давал секретным работникам явно провокационные директивы. Так, секретный сотрудник Васильев дал разоблачающий материал начальнику райотдела НКВД Евдушенко на сына помещика. Тогда Евдушенко заявил Васильеву: «Давай организуй группу лиц, которые должны заниматься агитацией против Советской власти, а сам стань у них во главе и кто идет против Советской власти, они будут примыкать к тебе, а ты на них будешь доносить нам, и мы их будем гробить». Секретный сотрудник Васильев отказался от искусственного создания анти-советской группы. Тогда Евдушенко избил его и заявил:

«Не хочешь гробить людей, то, сволочь, я постараюсь угробить тебя. Учти — ты бывший лишенец». Прошло пять дней, и Васильев исчез неизвестно куда.

Далее в письме сообщалось, что в практике проводимых допросов и следствий к арестованным применялись методы физического воздействия, избиения, непрерывные допросы и стойки по двое—трое суток.

Чуянов просил создать специальную комиссию НКВД, которая бы тщательно проверила работу органов НКВД по Сталинградской области. Он просил также ускорить решение вопроса о назначении начальника областного управления НКВД.

«Все эти факты,— сказано в письме,— вызывают тем большую тревогу, что в областном руководстве НКВД стоял разоблаченный и арестованный в конце сентября враг Шаров, прикрывавший врагов в старом составе бюро обкома ВКП(б), Сталинградского горкома и Астраханского окружкома и горкома (Краснова, Кузнецова, Степанькова, Стольников, Недорезова и др.), которые были разоблачены и изъяты в процессе хода партийной конференции».

Это письмо А. Чуянова заведующий отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков направил наркому внутренних дел Л. П. Берии. Дальнейшая судьба письма неизвестна, но оно дает характерную зарисовку о положении дел в те дни в партии, стране, органах НКВД.

Немалая роль в осуществлении репрессивных акций отводилась особому совещанию при НКВД СССР. С началом войны постановлением ГОКО от 17 ноября 1941 г. в связи с напряженной обстановкой в стране особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить меру наказания вплоть до расстрела.

Вот примеры деятельности этого органа в годы войны.

7 января 1944 г. нарком внутренних дел Л. Берия сообщал в ЦК ВКП(б) на имя Сталина о том, что особым совещанием при НКВД СССР 5 января 1944 г. рассмотрено следственных дел на 560 человек. В следующих сообщениях, которые направлялись с иезу-

итской методичностью, назывались такие данные: 8 января 1944 г. рассмотрено дел на 789 человек, 12 января — на 558 человек, 15 января — на 654 человека, 19 января — на 533 человека, 29 января — на 617 человек, 2 февраля — на 404 человека, 12 февраля — на 790 человек и т. д. Внизу каждого документа содержалась фраза о том, что все осуждены к разным срокам наказания, а в некоторых называлось число приговоренных к расстрелу.

Правда, ради объективности надо сказать, что осуждали не только невинных, как это стало модным писать за последнее время, хотя такие и были, но многих и за реально совершенные преступления. Например, с 1 июля 1943 по 1 мая 1945 г. на освобожденной от врага территории органами НКВД было арестовано 77 152 человека, в том числе дезертиров из Красной Армии — 14 254, полицейских — 10 048, изменников, перебежавших на сторону врага, — 6223, бандитов — 6197, старост — 4638 и др.

Кроме того, в соответствии с постановлениями ГКО от 27 декабря 1941 г. и СНК СССР от 24 января 1944 г. все бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии через сборно-пересыльные пункты поступали в спецлагеря НКВД на проверку, откуда проверенные передавались для отправки в Красную Армию через военкоматы, частично на работу в промышленность, а частично и арестовывались органами «Смерш». Так, к 20 октября 1944 г. в такие спецлагеря НКВД поступило 354 590 человек, из них после проверки возвращено в Красную Армию 249 416, находилось в стадии проверки 51 615, передано в промышленность и охрану 36 630, арестовано органами «Смерш» 11 566, убыли по разным другим причинам, в том числе в госпитали Наркомата обороны, и умерли 5347 человек.

Одной из наиболее горьких и сложных страниц в деятельности НКВД СССР военного времени под руководством Берии было переселение со своих мест немцев из Поволжья, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар и других народов. У многих из них и на сегодня не решены вопросы их жизни и быта, что вызывает обострение обстановки и напряженность.

Сложной работой для органов НКВД в годы войны

На похоронах М.И. Калинина. Справа налево: И.В. Сталин,
В.М. Молотов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков.

был прием военнопленных, их размещение, трудоустройство, забота о питании и поддержании здоровья. Всего на 11 мая 1945 г. в стране было 2 070 000 военнопленных, которые в последующем были репатриированы.

Большой объем работ за годы войны был проведен ГУЛАГом и другими производственными главками НКВД, основной рабочей силой у которых были заключенные. К началу Великой Отечественной войны в лагерях и колониях НКВД состояло 2 300 000 заключенных; прибыло за 1941—1944 гг. — 2 550 000; убыло — 3 400 000, в том числе только в 1941—1942 гг. 900 000 бывших заключенных были переданы в армию; состояло на 21 декабря 1944 г. 1 450 000 заключенных. Конечно, это большие цифры, они взяты из документа, но они не столь уж баснословны, как у ряда других авторов на основе собственных подсчетов или явно завышенных западных источников.

Народно-хозяйственный план 1941 года предусматривал осуществление капитального строительства организациями НКВД на сумму 6,8 млрд. руб. и выпуск промышленной продукции на сумму 1,8 млрд. руб. Для выполнения этих задач НКВД использовало труд 1 976 000 заключенных и 288 000 вольнонаемных работников, в том числе 25 тыс. специалистов — инженеров и техников.

В 1940 году Наркомвнуделом было выполнено около 13% всего объема капитальных работ по народному хозяйству страны. За 1941—1944 гг. строительными организациями НКВД выполнено капитальных работ на 14,2 млрд. руб., что составляет 14,9%, или почти седьмую часть всех выполненных за это время строительных работ по народному хозяйству СССР в целом.

За 1941—1944 гг. НКВД СССР построил и сдал в эксплуатацию:

612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов с взлетно-посадочными полосами;

группу авиационных заводов в районе г. Куйбышева;

3 доменные печи общей мощностью 980 тыс. т чугуна в год;

16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тыс. т стали;

прокатные станы общей производительностью 542 тыс. т проката;

4 коксовые батареи производительностью 1740 тыс. т кокса;

угольные шахты и разрезы общей производительностью 6790 тыс. т угля;

46 электрических турбин общей мощностью 596 тыс. кВт;

3573 км новых железных дорог;

4700 км шоссейных дорог;

1058 км нефтепроводов;

6 гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов общей производительностью 3 млн. декалитров спирта;

10 компрессорных станций для нефтяной промышленности;

2 химических завода по производству соды и брома;

завод нитроглицериновых порохов;

мощную радиовещательную станцию.

По главнейшим видам продукции промышленными предприятиями НКВД СССР за 1941—1944 гг. выдано:

золота в переводе на химически чистое	315 т
олова в концентратах	14 398 т
вольфрамового концентрата	6795 т
молибденового концентрата	1561 т
никеля электролитного	6511 т
меди черновой	6081 т
хромовитой руды	986 тыс. т
угля	8924 тыс. т
сажи газовой	10 150 т
нефти	407 тыс. т
мин (82 мм и 120 мм)	30,2 млн. штук
леса и дров	90 млн. куб. м

Так, еще 6 августа 1940 г. правительством было принято решение о создании в районе г. Куйбышева трех авиационных заводов. Строительство было возложено на НКВД СССР.

Через полтора года после начала войны весь комплекс Безымянских заводов, состоящий из 10 единиц, мощной ТЭЦ, большого жилого города с населением более 100 тыс. человек, с водопроводом, канализацией и развитой сетью железных и шоссейных дорог, был готов.

Был построен также авиазавод в г. Омске.

Согласитесь, читатель, что и аппарат у Берии и сам он умели, особенно в критических ситуациях, работать быстро и качественно, а сам он умел еще и доложить об этом вовремя и красиво.

15 марта 1944 г. Берия доложил Сталину, что Карагандастрой НКВД выполнил в срок постановление ГКО по строительству угольного разреза Карагандинского бассейна производительностью 1,5 млн. т угля в год. Комиссия Наркомугля и НКВД, говорится в документе, 12 марта 1944 г. приняла разрез в постоянную эксплуатацию, отметив, что работы по строительству выполнены на отлично и в исключительно короткий срок.

28 апреля 1944 г. Берия докладывает Сталину, что Тагилстрой НКВД закончил строительство и сдал в промышленную эксплуатацию на Ново-Тагильском металлургическом заводе мощную доменную печь № 3 производительностью 400—450 тыс. т чугуна в год. 27 апреля 1944 г. печь выдала первый чугун. Заканчивается также строительство двух мартеновских печей по 75 тыс. т стали в год, смолоразгонного завода, химического и литейного цехов. Основные строительно-монтажные работы по коксовой батарее выполнены за 10 месяцев и по доменной печи за 9 месяцев. Коксовая батарея и доменная печь приняты правительственной комиссией с оценкой «отлично».

Однако ни в одной из этих победных реляций мы и слова не найдем о том, какой ценой для заключенных все это достигалось.

Такой же размах у Берии и в других делах. Закончив выселение народов Северного Кавказа, он сообщает Сталину, что в проведении операции принимало участие 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «Смерш» и до 100 тыс. военнослужащих внутренних войск. Выселено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев в восточные районы СССР.

Правда, было время, когда с тем же размахом Берия писал донесения Сталину и другого содержания. Вот одно из них:

«...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

...Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!..

Л. Берия, 21 июня 1941 года»¹

Но зачем вспоминать старое. Война все равно прошла, а победителей, как известно, не судят.

Через два месяца после окончания Великой Отечественной войны 7 июля 1945 г. Берия вместе с Меркуловым и Хрулевым представили в ГОКО на имя Сталина проект постановления СНК СССР о присвоении работникам НКВД, НКГБ генеральских званий, в том числе: генерал-полковник — 7, генерал-лейтенант — 51, генерал-майор — 143, а всего — 201 человек. Такое решение было принято, а самому Л. П. Берии 9 июля 1945 г. присваивается звание Маршала Советского Союза.

На посту руководителя НКВД Берия пробыл в первый раз несколько более семи лет — с ноября 1938 по конец 1945 года. С начала 1946 года он передает дела НКВД СССР С. Н. Круглову, а сам целиком сосредоточивается на работе в Политбюро ЦК ВКП(б) (Президиуме ЦК КПСС) и Совнарком (Совмине) СССР, продолжая курировать и МГБ СССР и МВД СССР. Этот период его деятельности достаточно подробно описан, в том числе Н. С. Хрущевым².

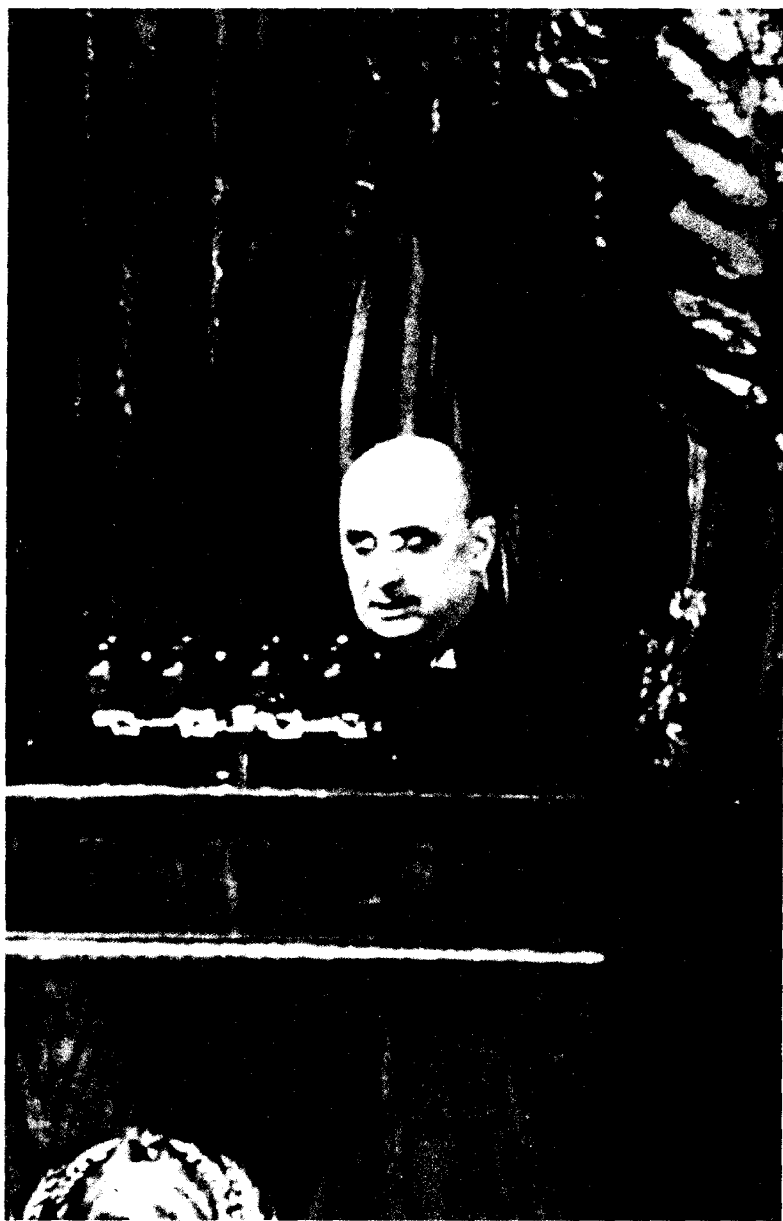
После смерти Сталина, имея далеко идущие планы по захвату власти в стране, путем всевозможных комбинаций Берия в четвертый раз объединяет МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство и с 15 марта 1953 г. снова становится министром внутренних дел СССР. Начинаются бурные дни.

В первую очередь его интересуют, конечно, кадры как главный элемент осуществления любой политики. По той же схеме, как и в 1938—1939 гг., он стремится срочно расставить на ключевых постах своих ставленников, освободившись от неугодных ему, хотя и честных работников.

Из показаний Гоглидзе С. А. на судебном процессе: «С появлением Берия на посту министра внутренних дел он полностью игнорировал прежний порядок назначения на руководящие посты работников по согласованию

¹ Аргументы и факты. 1989. № 4. С. 7.

² См.: Хрущев вспоминает. С. 294--337.

Л.П. Берия выступает с докладом.

назначений с ЦК КПСС. Под видом слияния аппарата двух министерств были удалены почти все работники, прибывшие на работу в центральный аппарат из партийных органов в 1951—1952 годах, на руководящие посты были назначены люди, ранее уволенные из органов МГБ — МВД, и лица, освобожденные по указанию Берии из-под стражи... Берия недвусмысленно подчеркивал, что он прекратил ежовщину, придя на пост наркома внутренних дел в 1938 году, и теперь в 1953 г. прекращает игнатовщину, как бы не отличающуюся от ежовщины». (Игнатьев С. Д. возглавлял МГБ СССР в 1951—1953 гг.)

Конечно, его интересуют не только центральный аппарат министерства, но и руководители республик, краев и областей. В общем-то он уже их подобрал и назначил, но для проформы 16 марта 1953 г. направляет такой вот документ.

«ЦК КПСС. Товарищу Хрущеву Н. С. В связи с объединением органов бывшего МГБ и МВД, прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следуют 82 фамилии генералов и полковников с указанием должностей, на которые они назначаются).

В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить.

Л. Берия» (без указания должности).

В этой короткой записке весь Берия налицо и по тону ее, и по представлению списком 82 человек, и по характерной приписке, что все это лишь для проформы.

Далее Берия предпринимает ряд мер по разгрузке нового МВД от суетной и грязной работы. И действительно, если он поставил такие крупные цели, то зачем ему теперь в МВД многочисленные стройки, заключенные.

Берия еще не назначен министром, но, как свидетельствуют очевидцы, в его кабинете уже 6 марта 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов начал докладывать, какие в МВД СССР имеются главки и чем они занимаются. По мере доклада Берия давал указания С. Н. Круглову подготовить предложения о передаче всех строительных главков, находящихся в ведении МВД СССР, соответствующим министерствам, а ГУЛАГ

передать в Министерство юстиции СССР, подчеркнув при этом, что в МВД СССР должен остаться только оперативный аппарат.

17 марта 1953 г. Берия подписывает записку по этим вопросам Председателю Совета Министров СССР с проектом постановления Совмина, а на следующий день — с завидной быстротой — постановления выходят в свет. В частности, была предусмотрена передача в Минюст СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний со всеми входящими в их состав службами, подразделениями и местными органами.

Но и в этом сложном малопочтительном хозяйстве был кусок, который нужен был новому хозяину НКВД. Поэтому в записке на имя Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова Берия пишет: «В составе МВД СССР остаются особые лагеря для содержания особо опасных государственных преступников и лагеря для осужденных военных преступников из числа бывших военнопленных». Снова обращает на себя внимание тон документа: не почтительное «прошу оставить», а властное и уже решенное — «остаются».

Однако и в эти дни Берия поглощен не только делами МВД. Теперь он еще и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, поэтому нужно показать размах на всю страну. 21 марта 1953 г. он направляет следующую записку в Президиум Совета Министров СССР с проектом постановления:

«Учитывая, что строительство ряда гидротехнических сооружений, железных, шоссейных дорог и предприятий, предусмотренное ранее принятыми постановлениями правительства, не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства, Совет Министров постановляет прекратить строительство следующих объектов:

а) гидротехнических сооружений:

Главный Туркменский канал, Самотечный канал Волга-Урал, Волго-Балтийский водный путь, гидроузлы на Нижнем Дону, Усть-Донецкий порт,

б) железных и автомобильных дорог:

Чум — Салехард — Игарка, Комсомольск — Победино, и т. д. и т. д., а всего свыше 20 крупных объектов.

Торопится Берия реализовать и идею об амнистии осужденных. 24 марта 1953 г. (поток исходящих от него крупных инициатив можно проследить буквально по

дням) он пишет записку в Президиум ЦК КПСС т. Хрущеву Н. С. Одновременно записка была разослана членам Президиума ЦК КПСС Маленкову Г. М., Молотову В. М., Ворошилову К. Е., Булганину Н. А., Кагановичу Л. М., Микояну А. И., Сабурову М. З., Первухину Г. М. Записка была краткой, деловой, всего на трех страницах с приложением проекта постановления Президиума ЦК КПСС в один абзац.

В записке члены Президиума были проинформированы о том, что к указанному времени в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержится 2 526 402 заключенных, из них осужденных на срок до 5 лет — 590 тыс., от 5 до 10 лет — 1216 тыс., от 10 до 20 — 573 тыс. и свыше 20 лет — 188 тыс. человек.

«Из общего числа заключенных,— указано в документе,— количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет всего 221 435 человек». (Обратите внимание на слово «всего» в конце фразы. Его можно трактовать по-разному, в том числе и как явно незначительное число заключенных такой категории.)

Далее в документе указывается, что содержание большего количества заключенных, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, не вызывается государственной необходимостью.

С учетом этого Берия предложил принять Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. Проектом этого Указа предусматривается освободить из мест заключения около 1 млн. человек (напомним, из 2,5 млн. имевшихся к этому времени заключенных). Категории заключенных, которых предлагалось освободить, вроде бы особой опасности для населения не могли представлять: это осужденные на срок до 5 лет; осужденные независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления; женщины, имеющие детей до 10 лет, и беременные женщины; несовершеннолетние в возрасте до 18 лет; пожилые мужчины и женщины, а также больные.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об

амнистии был принят 27 марта 1953 г. Подлежало освобождению из лагерей и колоний 1 181 264 человека.

Однако когда пришло время реализации этого Указа и армада амнистированных ринулась на страну, начав на своем пути активно поправлять нравы населения, ломать, бить, убивать, то простому человеку в который уже раз пришлось худо.

К тому же вскоре были сняты паспортные и режимные ограничения в 340 городах, за исключением Москвы, Ленинграда, Владивостока, Севастополя и Кронштадта. Тем не менее к 20 июня 1953 г. в Москве было прописано 31,2 тыс. амнистированных, в Ленинграде — 20,6 тыс. человек и т.д. И пошли такие вот сообщения вверх и указания вниз.

«Г. Краснодар, Управление МВД т. Усову М. А.

В МВД СССР поступило заявление о том, что в г. Крототкине много случаев бандитизма, воровства и других уголовных проявлений, вследствие чего местные жители опасаются ходить по городу в позднее время.

Примите необходимые меры к усилению борьбы с уголовной преступностью и охраны общественного порядка в гор. Крототкине. О результатах доложите.

Л. Берия. 21 мая 1953 года».

Чтобы и дальше сохранить видимость либерализации, в апреле 1953 года Берия прекращает надуманное дело врачей, а в июне 1953 года вносит предложение в Президиум ЦК КПСС об ограничении прав особого совещания при министре внутренних дел СССР. Однако это пятое колесо в телеге, позорное детище сталинского террора, нужно было не улучшать, а упразднить, что и было сделано уже после Берии 1 сентября 1953 г.

С приходом вновь на пост министра внутренних дел, Берия стал активно вмешиваться в дела партийных органов. В печати нередко можно прочесть, что тем самым он пытался поставить МГБ — МВД над партией.

На самом деле он давно уже это сделал, установив слежку за действиями работников партийных и советских органов, начиная с самых высоких инстанций. Так, при аресте у Берии изъяли папку, в которую он собирал компрометирующие материалы на руководителей партии и правительства. По некоторым неподтвержденным документами данным, начал эту работу еще Ежов, а затем ее продолжил Берия.

Или такие характерные примеры по Литве.

12 июля 1945 г. Берия направил Сталину, Молотову и Маленкову копию сообщения Кобулова и Аполлонова из Литвы. В нем указывалось, что 21 июля 1945 г. исполняется пять лет со дня установления Советской власти и вхождения Литвы в состав СССР. ЦК КП(б) Литвы принял решение послать т. Сталину письмо с подписями населения. Кобулов и Аполлонов говорят не о надуманности такой акции, а обвиняют местных работников в безответственном отношении к этому мероприятию, в результате чего оно во многих районах оказалось проваленным.

В Рамигальской волости, сообщают они, из 8 тыс. взрослого населения письмо подписали лишь 250 человек. В местечке Вижонос уполномоченный с целью обеспечить сбор подписей поставил стол у входной двери. Присутствующие, чтобы уклониться от подписания письма, покинули здание через окна. В Швенченском сельсовете из 100 человек присутствующих на собрании письмо подписал только председатель сельсовета. В Жуховском сельсовете из 600 человек взрослого населения письмо подписали 5 человек и т. д.

Какой же выход предложили высокопоставленные работники НКВД?

«Оперативным секторам,— читаем в документе,— дано указание лиц, срывающих обсуждение и подписание письма на имя товарища Сталина, арестовывать».

Так что «вождь всех времен и народов» и его подручные видели, как людей загоняют в рай дубинкой и не молчали, а одобряли такие действия словом и делом. В этом тоже один из источников того межнационального напряжения, которое мы пожинаем сейчас.

Другой факт. В том же июле 1945 года уполномоченный НКВД — НКГБ СССР по Литве Ткаченко пишет Берии записку о состоянии работы партийных и советских органов Литовской ССР, где сообщает о засоренности кадров советского и партийного аппарата антисоветским элементом и о недостатках в работе партийно-советских организаций.

Вот его оценки: «Партийные и советские руководители республики, на наш взгляд, работают мало. Секретарь ЦК КП(б) Литвы т. Снечкус иногда вечерами бывает на работе, остальные же — председатель Сов-

наркома т. Гедвилас, его заместители, а также работники аппаратов ЦК и Совнаркома, наркоматов вечерами, как правило, не работают.

Весной этот вопрос обсуждался на бюро ЦК КП(б) Литвы, где больших трудов стоило доказать необходимость работать аппарату хотя бы восемь часов в сутки. Председатель Президиума Верховного Совета т. Палецкис на этом заседании бюро со вздохом заявил: «То ли было в доброе старое время (при Сметоне) — отработал себе 6 часов и никому и ничем не обязан и никто тебя не беспокоит». Палецкис о совершенно секретных государственных делах делится с членами своей семьи, от которых эти сведения быстро проникают к враждебным лицам (идут примеры). В последнее время нами получены агентурные материалы о прямых антисоветских проявлениях со стороны Палецкиса.

...Выступления т. Суслова (М. А. Суслов был в это время председателем бюро ЦК ВКП(б) по Литве.— *Н.В.*) на пленумах ЦК и различных совещаниях носят больше наставительный характер. К этим наставлениям и речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают на них внимания и выводов для себя не делают.

...Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал на 1—2 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

Берия разослал этот документ Сталину, Молотову, Маленкову. Значит, они тоже воспринимали это как норму и поддерживали такие действия. Правда, несмотря на столь невысокую оценку личности М. А. Суслова, он продвигался вверх и еще долго находился в высших эшелонах. Значит, были у него качества, нужные первым лицам, но которые не смог разглядеть всевидящий Ткаченко.

В 1953 году Берия продолжает и расширяет такую же практику. Как показывают судебные материалы, в мае 1953 года Берия, действуя через Мешика, назначенного министром внутренних дел Украины втайне от партийных органов, начал сбор данных о состоянии партийной

работы и составе партийных кадров в западных областях Украинской ССР. Когда начальник УМВД по Львовской области Т. А. Строкач проинформировал об этом партийные органы республики, Берия угрожал сгноить его в лагерях и «превратить в лагерную пыль».

Затем Берия снял Строкача с работы.

А вот что показал в процессе следствия бывший министр внутренних дел Литовской ССР Кондаков, которого Берия в апреле 1953 года вызвал в Москву: «Я отвечал на задаваемые мне вопросы Берией, смысл которых сводился к получению данных о состоянии аппарата ЦК, обкомов КП Литвы и характеристике их секретарей. Зная всех товарищей только с положительной стороны, я так и доложил Берии... Мне был задан Берией и такой вопрос: кто может быть первым секретарем ЦК КП Литвы, кроме тов. Снечкус? Когда я в ответ на это сказал, что мне трудно отвечать на такие вопросы и одновременно еще раз высказал положительные мнения о т. Снечкусе, Берия пришел в состояние озлобления и заявил, что я не министр, а чиновник в погонах, порученного мне участка работы не обеспечиваю и буду от занимаемой должности освобожден...

Берия приказал нам вылететь в Вильнюс, собрать материалы о состоянии партийного и советского аппарата и через 3 дня представить ему записку. В «помощь» нам был командирован начальник 4-го управления МВД СССР Сазыкин, который в Вильнюсе пребывал «инкогнито» и наблюдал за тем, как мы выполняем поручение. Затем Кобулов по заданию Берии сам составил проект докладной записки в ЦК, извратив действительное положение дел в республике».

Вот так и работал Лаврентий со своим аппаратом, пробираясь к вершинам власти.

Пределы его коварных интересов не имели границ. Как показывают следственные материалы, в 1953 году Берия дал задание Кобулову «обмазать судебные органы», т.е. он шел последовательно по всем структурам.

Но сколько веревочке ни виться, конец все равно должен наступить. 26 июня 1953 г. Берия был арестован, затем исключен из партии, снят со всех постов. События эти довольно подробно описаны, поэтому останавливаться на них нет необходимости.

На трибуне Мавзолея. Крайний справа Л.П. Берия.

Л.П. Берия, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, И.В. Сталин,
М.И. Калинин направляются на Красную площадь. 1945 год.

Расследование совершенных Берией преступлений продолжалось полгода, руководил этой работой Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко. Вместе с Л. П. Берией судили В. Н. Меркулова, министра Госконтроля СССР; В. Г. Деканозова, министра внутренних дел Грузинской ССР; Б. З. Кобулова, заместителя министра внутренних дел СССР; П. Я. Мешика, министра внутренних дел Украины; С. А. Гоглидзе, начальника 3-го управления МВД СССР; Л. Е. Влодзимирского, начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР. И по уровню должностных лиц, и по числу участников, и по тяжести предъявляемых обвинений это был, пожалуй, самый крупный процесс над сотрудниками органов внутренних дел и государственной безопасности за всю историю их существования.

17 декабря 1953 г. «Правда» поместила сообщение «В Прокуратуре СССР», где говорилось, что закончено следствие по делу Берии, а также группы других заговорщиков. Суд над ними проходил в период с 18 по 23 декабря 1953 г. Рассматривало дело Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Маршала Советского Союза И. С. Конева; членов: Председателя ВЦСПС Н. М. Шверника, первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Е. Л. Зейдина, генерала армии К. С. Москаленко, секретаря Московского обкома КПСС Н. А. Михайлова, председателя Совета профсоюзов Грузии М. И. Кучавы, председателя Московского городского суда Л. А. Громова и первого заместителя министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунева при секретарях А. С. Мазуре, М. В. Афанасьеве, В. И. Лапунине, В. М. Нартикове, М. А. Нащенко.

Когда председательствующий на суде Маршал Советского Союза И. С. Конев задал Берии вопрос о том, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, то Берия, в частности, сказал: «Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... но должен сказать, что за период моей работы в Закавказье и в Москве мною было сделано много такого, что граничит с вражеской деятельностью... Одним из самых тяжких для меня обвинений является мое участие в муссаватистской контрразведке. Это

обвинение я признаю полностью. Кроме того, должен признать, что, работая в Бакинском Совете в общей канцелярии после ухода большевистской власти, я остался в Баку. Есть ряд и других моментов из бакинского периода, которые меня порочат...

Самым тяжким позором для меня как гражданина, члена партии и руководителя является мое бытовое разложение, безобразная и неразборчивая связь с женщинами... Пал я мерзко и низко. Я имел много связей с женщинами, подозрительными по шпионажу...

Период 1937—1938 гг. в Грузии... Я действительно как секретарь ЦК партии Грузии давал прямые указания арестовывать и избивать людей.

...Я должен сказать Вам, что изменником и заговорщиком я никогда не был и не мог им быть. У меня и в мыслях не было, и я не помышлял даже, чтобы ликвидировать советский строй и реставрировать капитализм...

Я никогда ни с какими иностранными агентами и контрреволюционными грузинскими меньшевиками связей в контрреволюционно преступных целях не имел. Всякие связи, какие у меня были, шли по линии МВД СССР...».

Вот еще некоторые выдержки из протокола судебного заседания:

Член суда Кучава: Вы совершали убийство ни в чем не виновных людей?

Берия: Ясно. Были совершены убийства.

Кучава: Дайте правдивые показания о своих связях с английской разведкой, которые вы поддерживали и расширяли и после назначения вас на пост наркома внутренних дел.

Берия: Категорически отрицаю это.

Москаленко: Вы признаете, что, будучи на Кавказе, вы всячески саботировали выполнение порученной директивы Ставки Верховного командования об организации жесткой и прочной обороны перевалов Кавказского хребта?

Берия: Я утверждаю, что это обвинение не соответствует действительности.

Председатель: Почему вы, имея в своем распоряжении более 120 тысяч человек войск НКВД, не дали их использовать для обороны Кавказа?

Берия: Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа... Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для укрепления обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей.

Москаленко: Вы признаете, что все ваши действия (после смерти Сталина) были направлены к захвату власти?

Берия: Я это категорически отрицаю... Я скажу так, что особой скромностью я не отличался — это факт. Я действительно влезал в другие отрасли работы, не имеющие ко мне никакого отношения, это тоже верно... то, что я старался себя популяризировать — это было. Что касается моих бонапартистских выходов, то это неверно...

Мое поведение по отношению к Строкачу является преступным. Я его крепко обругал и снял с работы.

Член суда Лунев: Почему вопрос о снятии Патоличева и его замене решался в МВД?

Берия: Эти мои действия тоже неправильные. Такое указание я давал Кобулову. Я мог этот вопрос поставить в другом месте... Я должен сказать, что перед Советской Родиной, перед партией совершил отдельные преступления, но я не был врагом, я не изменник, не предатель. Отдельные мои действия являются преступными, но я не вредитель...

Председатель: Подсудимый Берия, вам предоставляется последнее слово.

Берия: Я уже показал суду, в чем я признаю себя виновным. Я долго скрывал свою службу в муссаватистской контрреволюционной разведке. Однако я заявляю, что, даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного.

Полностью признаю свое морально-бытовое разложение. Многочисленные связи с женщинами, о которых здесь говорилось, позорят меня как гражданина и как бывшего члена партии.

Признавая, что, вступив в связь с... (несовершеннолетней.— *В.Н.*), я совершил преступление, отрицаю факт насилия.

Признаю, что я ответствен за перегибы и извращения социалистической законности в 1937—1938 гг., но

прошу суд учесть, что контрреволюционных антисоветских целей у меня при этом не было. Причина моих преступлений в обстановке того времени.

Моя большая антипартийная ошибка заключается в том, что я дал указание собирать сведения о деятельности партийных организаций и составить докладные записки по Украине, Белоруссии и Прибалтике. Однако и при этом я не преследовал контрреволюционных целей.

Не считаю себя виновным в попытке дезорганизовать оборону Кавказа в период Великой Отечественной войны.

Прошу Вас при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю».

В приговоре, объявленном 23 декабря 1953 г., Берия обвинялся в том, что он сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против Коммунистической партии и Советского правительства, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел СССР, Берия начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие посты. Заговорщики принуждали работников местных органов МВД тайно собирать клеветнические данные о деятельности и составе партийных организаций, пытались опорочить работу партийных органов. Были приняты меры к активизации буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, разжиганию вражды и розни между народами СССР.

Был установлен шпионаж за руководством Коммунистической партии и Советского правительства.

Суд обвинил Берию и его соучастников и в том, что они совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых боялись разоблачений.

На протяжении ряда лет они производили аресты невинных людей, от которых затем путем применения

избиений и пыток вымогались ложные показания о совершенных или готовящихся контрреволюционных преступлениях.

Подсудимые лично избивали и истязали арестованных невинных людей, а также отдавали приказы о применении массовых избиений и истязаний арестованных подчиненными им работниками НКВД — МВД.

Они вымогали от арестованных ложные показания о якобы готовящихся террористических актах против Берии и его сообщников. Затем сфальсифицированные уголовные дела передавали на рассмотрение «Особой тройки» или «Особого совещания», которые выносили решения о расстрелах или лишении свободы ложно обвиняемых людей.

В частности, Берия и его сообщники учинили террористическую расправу с сотрудниками НКВД И. Кедровым (сыном М. С. Кедрова), В. Голубевым и пенсионеркой А. Батуриной за то, что последние решили разоблачить Берию, о чем стало известно заговорщикам.

Судом установлен ряд случаев расстрелов невинных людей без суда, по преступным распоряжениям Берии.

Так, Берия, Меркулов, Кобулов, Мешик и Влодзимирский совершили убийство старого коммуниста, члена партии с 1902 года М. С. Кедрова, бывшего члена Президиума ВЧК и коллегии ОГПУ при Ф. Э. Дзержинском, располагавшего данными о преступном прошлом Берии и намеревавшегося его разоблачить. Несмотря на то что Кедров был оправдан Верховным Судом СССР, заговорщики не выполнили указаний суда о немедленном освобождении Кедрова из-под стражи, а затем расстреляли его на основании распоряжения Берии.

В октябре 1941 года Берия, замечая следы совершенных заговорщиками преступлений, отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному Меркуловым и Кобуловым. В этот список были включены лица, со стороны которых заговорщики опасались разоблачений. Никто из них не был осужден, а М. С. Кедров, как указывалось, был оправдан. Однако все 25 арестованных были расстреляны.

Установлены и другие бесчеловечные преступления

Л.П. Берия и Г.М. Маленков у гроба И.В. Сталина.

подсудимых, заключающиеся в производстве опытов по испытанию ядов на осужденных к высшей мере наказания и опытах по применению наркотических веществ при допросах.

Кроме уже упомянутых фактов Берия обвинялся и в том, что он с помощью Кобулова и Гоглидзе на протяжении ряда лет вел злобную интриганскую борьбу против С. Орджоникидзе, видя в нем человека, являющегося препятствием к осуществлению вражеских замыслов.

После смерти С. Орджоникидзе подсудимые продолжали мстить членам его семьи. Кобуловым и Гоглидзе были арестованы, ложно обвинены в контрреволюционных преступлениях, а затем расстреляны по решению особой тройки брат С. Орджоникидзе — Папулия Орджоникидзе и его жена Нина Орджоникидзе. Более 12 лет незаконно содержался под стражей в одиночном заключении другой брат — К. К. Орджоникидзе.

В приговоре содержалось обвинение и в том, что Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку заговора реакционными силами из-за рубежа, установили связи с иностранными разведками. Берия такие связи завязал еще в 1919 году, когда находился в Баку, поступил на секретно-агентурную должность в контрразведку муссаватистского правительства Азербайджана. В 1920 году, находясь в Грузии, он установил тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства.

В ходе следствия Берии было предъявлено обвинение в попытке сближения с Гитлером. Берия показал, что по заданию Сталина осенью 1941 года он действительно пытался через другие страны прозондировать почву о том, на каких бы условиях Гитлер мог прекратить войну. В связи с этим в приговоре было записано, что в 1941 году Берия пытался установить связь с Гитлером, предлагал уступить ряд территорий СССР, в 1943 год пытался открыть врагу Главный Кавказский хребет, чтобы оккупировать Закавказье иностранцами.

Суд обвинил Берию и в моральном разложении, указав, что Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с сотрудниками иностранных разведок. Берия совершал изнасилования женщин. Так, 7 мая 1949 г. он, заманив обманым

путем в свой особняк 16-летнюю школьницу, изнасиловал ее, угрожал ей и матери физическим уничтожением в случае, если они обратятся с жалобой.

В связи со всеми этими тяжкими преступлениями суд приговорил всех подсудимых к расстрелу, указав, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Вот таким был приговор, который в тот же день привели в исполнение.

Не скрою, что в процессе знакомства с уголовным делом и ходом судебного разбирательства меня, как исследователя, не покидало двойственное чувство. С одной стороны, и Берия, и его сотрудники натворили столько, что вполне заслужили эту высшую кару.

Вместе с тем создается такое впечатление, что, может быть, в духе своего времени Берия был обвинен в ряде таких грехов, в истинность которых в полном объеме трудно поверить.

В частности, в обвинительном заключении есть такие разделы «Покровительство агентам иностранных разведок», «Попытка установить тайную связь с Тито — Ранковичем», «Капитулянтские предложения Берии об отказе от социалистического строительства в ГДР и странах народной демократии» и др.

Все ли тут доказано? Нет ли тут попытки под воздействием духа того времени создать наиболее законченный образ врага, подлнца и проходимца?

Возможно, когда-то на эти вопросы ответит время. Что же касается Берии и других лиц, проходивших по процессу, то они, конечно, получили свое по заслугам.

Возможно, читателю будет небезынтересно узнать некоторые детали, связанные с исполнением приговора. В тот же день 23 декабря 1953 года, когда приговор был объявлен, председатель специального судебного присутствия Маршал Советского Союза И. С. Конев отдал письменное распоряжение коменданту специального судебного присутствия генерал-полковнику П. Ф. Батицкому немедленно привести приговор в исполнение в отношении осужденного Л. П. Берии и представить акт. На этом предписании, отпечатанном на машинке, сбоку чернилами написано: «Приговор приведен в исполнение в 19.50 23.12.53 г. Батицкий.» В деле представлен также рукописный акт, в котором

сказано, что приговор приведен в исполнение П. Ф. Батицким в присутствии Генерального прокурора Р. А. Руденко и генерала армии К. С. Москаленко. Под актом подписи всех этих трех лиц¹.

Приговор в отношении других шести осужденных приведен в исполнение чуть позже — в 21.20 того же дня. Его привели в исполнение заместитель министра внутренних дел Лунев и заместитель Главного военного прокурора Китаев. (Эти фамилии в документе приведены без инициалов.) В деле имеется также документ о кремации тел шести расстрелянных. Что стало с телом Берии — документа я не нашел.

Так закончилась физическая жизнь одного из наиболее одиозных наркомов (министров) внутренних дел СССР. С того времени прошло около четырех десятилетий. Но и сегодня перед нами встает мучительный вопрос: как же могло произойти, что такой человек длительное время возглавлял НКВД (МВД) СССР, занимал многие другие высокие посты в партии и государстве?

Послушаем, что говорит на этот счет Н. С. Хрущев, который организовал низвержение Берии со всех его высоких постов. В своих воспоминаниях он пишет:

«Одно абсолютно ясно: не Берия породил Сталина, а Сталин породил Берию. А до этого Сталин породил Ежова. Его он звал «Ежевичкой» и «Ежовой рукавицей». А до Ежова был Ягода. И Ягода был порождением Сталина. Они приходили и уходили — один за другим. Стремление к постоянной смене главных персонажей, созданных им самим, было отличительной чертой Сталина. Он использовал своих приспешников для того, чтобы уничтожать честных людей, которые — и это он знал очень хорошо — ни в чем не были виновны перед партией и народом. Сталин спокойно наблюдал, как террор поглощал и тех, кто его осуществлял. Когда одна банда убийц слишком сильно запутывалась в сетях террора, он просто заменял ее другой. Так и прошло три смены: сначала Ягода, потом Ежов, а затем Берия. Цепочка разорвалась со смертью Сталина. Берия предстал перед судом народа как преступник»².

¹ Особый архив Главной Военной прокуратуры. Судебное производство по делу Берии. Т. 40, л. 370.

² Хрущев вспоминает. С. 336.

При всей очевидности этой схемы, она все же видится мне не совсем полной. Проблема власти и контроля над ней более сложна и многопланова. Считать столь тонкого, изощренного политика, как Берия, лишь орудием в руках даже столь властного человека, как Сталин, наивно. Как знать, какова была бы судьба самого Сталина, проживи он какое-то время... Мы еще не располагаем всей суммой документов, чтобы воссоздать истинный портрет Лаврентия Берии. Уверен, архивные полки хранят много неожиданных открытий и ошеломляющих находок.

Этот очерк был написан в 1989 году и впервые опубликован в 1990 году. Через четыре года — в 1994 году сын Лаврентия Павловича — Серго, длительное время носивший фамилию Гегечкори, издал книгу «Мой отец — Лаврентий Берия», где ссылается и на мои работы. Но у него Л. П. Берия показан совершенно другим. Что ж, каждый имеет право на собственное мнение, а об истинности того или иного взгляда пусть судят читатели и время, история.

9

Круглов Сергей Никифорович

1945—1956 гг.

1907—1977

*Новый нарком.
Создание
специальных
лагерей.
Статистика
арестов и
расстрелов. Начало
работы по
реабилитации.
МВД превратилось
в хозяйственно-
строительное
министерство.
Участие в
выселении жителей
из Чечено-
Ингушетии.
Организация
специальной
тюрьмы для
Комитета
партийного
контроля при ЦК
КПСС. Сдача дел
МВД через
правительственную
комиссию.
Исключение из
партии. Смерть.*

Н а гребне двух времен — сталинского и после него — работал министром С. Н. Круглов. Это, естественно, наложило глубокий отпечаток и на его деятельность, и на его судьбу, в значительной мере определило их.

Министром С. Н. Круглов был десять лет, из них семь — с 1945 до 1953 года — при Сталине и три года после него. Если же добавить, что с 1939 года он заместитель и первый заместитель наркома Берии, то получается, что он был одним из ведущих руководителей наркомата в течение 17-ти очень сложных лет предвоенных, военных, а также первого послевоенного десятилетия. Поэтому для нашего исследования личность эта весьма интересна.

Как свидетельствуют документы, а также сослуживцы, многие из которых еще живы, родные и близкие, С. Н. Круглов практически не причастен к кровавым репрессивным делам, во всяком случае не выступал их инициатором. Он не из команды угодливых прислужников Берии, хотя работал в это время, влиял на обстановку и тоже несет ответственность за имевшиеся крупные ошибки. Остаться сравнительно чистым С.Н. Круглову помогла внутренняя порядочность, а также и то, что с 1943 года НКВД и НКГБ стали существовать раздельно. Сталин же, как известно, имел более выраженную привязанность к органам государственной безопасности, а не внутренних дел. Как вспоминал сам С. Н. Круглов, за семь лет работы министром у Сталина он был всего четыре раза.

В архивах мне была предоставлена возможность изучить переписку наркомов (министров) внутренних

дел с И. В. Сталиным, Н. С. Хрущевым и последующими первыми лицами партии и государства. Обращает внимание, что у Берии эта переписка была колоссальной по объему и совершенно беззастенчивой по содержанию. После того как в 1946 году Л. П. Берия стал заместителем председателя Совета Министров СССР и сдал Наркомат внутренних дел С. Н. Круглову, и объем и тон переписки со Сталиным стал совершенно иным, сугубо официальным и сдержанным.

Восхождение Сергея Никифоровича было довольно стремительным. В 30 лет он — ответственный организатор ЦК ВКП(б), через год — особоуполномоченный НКВД СССР.

В 32 года Сергей Никифорович стал заместителем наркома внутренних дел, кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В свете последующих событий стоило это ему дорого. При увольнении на пенсию с поста министра в 1956 году в возрасте 49 лет он был, как свидетельствуют документы, основательно больным человеком.

Удивляться не приходится. Это была типичная сталинская школа работы с руководящими кадрами: искать светлые головы, смолоду привлекать их к большой государственной работе, постараться подпачкать на каких-либо сомнительных делах, чтобы вернее служили, а затем по обстановке или уничтожить, или выбросить за ненадобностью. Сергей Никифорович сумел, работая со Сталиным, пережить его и миновать насильственную смерть. Другим министрам такая судьба уже не грозила — они работали в иное время. До С. Н. Круглова шесть наркомов внутренних дел из восьми были репрессированы и уничтожены, из них пять — это те, кто работали непосредственно перед ним. Он первый, кого такая участь миновала.

Здесь, наверно, что-то объясняется изменениями в исторической обстановке, спадом волны репрессий, а многое, несомненно, и личными качествами этого талантливой руководителя.

Однако вернемся к истокам, посмотрим, как начинал жизнь С. Н. Круглов, как он сменил на посту министра внутренних дел одиозного Лаврентия Берия. Предоставим слово самому Сергею Никифоровичу, написавшему по положенным нормам автобиографию для личного дела.

«Родился я в 1907 году в деревне Устье Зубцовского района Калининской области в семье крестьянина-бедняка. Мой отец происходит от крестьян той же деревни. В 1909 году он переезжает в Ленинград и работает рабочим на ленинградских заводах вплоть до 1946 года, после чего по старости перешел на пенсию и умер в 1954 году. Мать тоже происходит из крестьян.

Детство свое до 1919 года я провел в Ленинграде с родителями. В 1919 году мать переехала вместе с нами — детьми — к себе на родину в дер. Устье Калининской области. Материальное положение родителей было очень тяжелым — сильно нуждались, продавали вещи, которые привезли из города, в летнее время и я, будучи мальчиком, прирабатывал в качестве подпaska в различных деревнях. После организации в деревне комсомольской ячейки я в 1923 году вступаю в комсомол. В 1924 году был избран членом Никифоровского райсовета. Вначале работал секретарем, а затем председателем сельсовета до октября 1925 года. Комсомольская ячейка затем направила меня на работу в качестве избача. Проработав несколько месяцев избачом, поступил на работу в совхоз Вахново Погорельского района Калининской области и работал там ремонтным рабочим, а затем трактористом до конца 1928 года, вступил в партию. В конце 1928 года был избран членом правления потребительского общества «Созвездие», где работал до призыва в армию в октябре 1929 года.

Службу проходил в 3-м танковом полку в г. Москве, был красноармейцем, командиром отделения, младшим автотехником батальона, а в ноябре 1930 года был демобилизован как средний комсостав запаса. После демобилизации, в порядке шефства над «Зернотрестом», я с бригадой демобилизованных танкистов выезжаю в учебно-опытный зерносовхоз в Кустанайскую область, где работал старшим инструктором-механиком.

В ноябре 1931 года возвратился в Москву и поступил учиться в индустриальный педагогический институт им. К. Либкнехта. В институте находился с 1931 г. по февраль 1934 г. Был секретарем партячейки факультета, членом бюро парткома, секретарем парткома института. В феврале 1934 года ЦК ВКП(б) был утвержден слушателем особого — японского сектора Московского института востоковедения, который и окончил в 1935 году.

С.Н. Круглов в кругу семьи. 1943 год.

Затем в том же году ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в Институт красной профессуры истории, где пробыл до конца 1937 года. С последнего курса был направлен на практическую работу в ЦК ВКП(б) ответственным, где работал до ноября 1938 года. Затем решением ЦК назначен на работу в центральный аппарат НКВД СССР, где работал сначала особоуполномоченным, затем заместителем наркома. Указом Президиума Верховного Совета от 29 декабря 1945 г. был назначен наркомом внутренних дел СССР. На XVIII съезде партии в марте 1939 г. был избран кандидатом в члены ЦК. На XIX съезде партии был избран членом ЦК КПСС. С начала Великой Отечественной войны 5 июля 1941 г. назначен членом Военного Совета Резервного фронта, а затем в октябре 1941 г. начальником управления оборонительного строительства — Командующим 4-й саперной армией.

Женат с 1934 года, жена Тансия Дмитриевна, 1910 г. рождения, родилась в Тульской области, Веневского района, дер. Татаринка, окончила педагогический институт, в семье двое детей — сын и дочь».

Вот такие данные сообщил о себе С. Н. Круглов.

Предвоенная работа С. Н. Круглова в НКВД (1938—1941 гг.) дала ему возможность ознакомиться с делами наркомата и вклиниться в них настолько, чтобы успешно выполнять обязанности заместителя наркома. С началом войны он принимает активное участие в перестройке работы органов внутренних дел на военный лад; эвакуации многих из них с оккупированной врагом территории; организации, обучении и вооружении создаваемых НКВД СССР по решению Центрального Комитета партии истребительных батальонов; реализации других мер по охране общественного порядка в условиях военного времени, а также тыла действующей Красной Армии. В июле — октябре 1941 года, а затем и в марте 1943 года Сергей Никифорович непосредственно занимается фронтовыми делами в роли члена Военного совета Резервного фронта и командующего четвертой саперной армией по созданию оборонительных рубежей.

Перед нами приказ Ставки.

«По прямому проводу Военному совету Западного фронта, Военному совету Резервного фронта, коман-

дующему Резервным фронтом тов. Жукову, т.т. Молотову, Ворошилову.

10 октября 1941 г. в 17 час. В целях объединения руководства войсками западного направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить т.т. Булганина, Хохлова и **Круглова** (подчеркнуто нами.— *В.Н.*) членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18.00 11 октября 1941 г.

6. Управление Резервного фронта расформировать и обратить на укомплектование Западного и Московского Резервного фронтов.

Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Б. Шапошников.

№ 2844»¹

В апреле — мае 1945 года он в числе других работников командируется в США для участия в подготовке и проведении конференций в г. Сан-Франциско по разработке Устава международной организации для поддержания мира и безопасности — Организации Объединенных Наций.

С. Н. Круглов много занимался вопросами охраны правительственных делегаций СССР, США и Великобритании на Крымской и Потсдамской конференциях. В семейном архиве Кругловых имеется письмо Президента США Ф. Рузвельта, адресованное С. Н. Круглову 11 февраля 1945 г. с благодарностью за подготовку резиденции в Ялте для него и 275 сопровождающих лиц и качественное обслуживание.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 199.

18 июня 1945 г. в связи с подготовкой Потсдамской конференции Сталин пишет следующее письмо Черчиллю:

«Ваше послание от 17 июня получил.

1. Делегации будут размещены так, как Вы предлагаете в своем послании и как это было устроено в Крыму. Каждая делегация будет иметь свою замкнутую территорию с режимом, согласно усмотрению руководителя делегации. Район расположения всех трех делегаций — Бабельсберг, юго-восточнее Потсдама. Четвертое помещение, для совместных заседаний — дворец германского кронпринца в Потсдаме.

2. Маршал Жуков будет в Берлине 28 июня.

К этому времени следует направить передовые группы Монтомгери и Эйзенхауэра для осмотра и приема помещений в Бабельсберге. Передовые группы Монтомгери и Эйзенхауэра могут получить на месте все необходимые справки и разъяснения, касающиеся помещений, от генерала **Круглова** (подчеркнуто нами. — *В. Н.*), известного Вашим людям по Ялте...»¹.

После Потсдамской конференции король Великобритании 30 июля 1945 г. издал Указ «О награждении генерал-полковника Круглова С. Н. Превосходным орденом Британской империи и присвоении звания рыцаря командира Превосходного ордена Британской империи». Американский президент в это же время наградил его орденом «Легион Достоинства». Эти блистательные ордена и документы к ним я с большим интересом рассматривал в скромной московской квартире дочери бывшего министра Ирины Сергеевны с сыном. Американский и английский ордена, а также другие награды отца — пять орденов В. И. Ленина, ордена Красного Знамени, Кутузова I и II степени, два ордена Красной Звезды, большое количество медалей вместе с семейным портретом, шинелью и кителем отца Ирина Сергеевна позднее передала в дар Центральному музею МВД России. Думаю, что такой благородный акт заслуживает большой похвалы. Ведь для истории, воспитания последующих поколений было бы весьма неплохо, если бы и другие наследники героев этой

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 425.

книги передали в музей хотя бы часть богатых семейных реликвий.

Правда, как мне рассказали родственники репрессированных наркомов Рыкова, Ягоды и Ежова, в их семьях не осталось после конфискаций при аресте не только каких-либо регалий, но и вообще никаких вещей и документов. В этом случае я адресую данное предложение к правопреемникам тех органов, которые осуществляли конфискации. Пора бы им все сохранившееся возвратить из пыльных запасников и архивных полок на обозрение людей в музей, а государству следовало бы побудить их к такому шагу изданием соответствующего нормативного акта. Но вернемся опять к делам С. Н. Круглова.

29 декабря 1945 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от обязанностей наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии и назначении на эту должность С. Н. Круглова. Напомним, что НКВД с 1943 года существует отдельно от НКГБ СССР, выполняет более узкие задачи в сравнении с прошлым временем, однако все равно представляет значительную силу и по функциям и по объему проводимой работы. К январю 1946 года в органах внутренних дел по штату было около 1 млн. человек и свыше 900 тыс. личного состава — в войсках НКВД СССР (на август 1945 года).

Остановимся на особо характерных направлениях работы С. Н. Круглова как наркома. Ранее НКВД СССР свои донесения по наиболее принципиальным вопросам направлял в три адреса: Сталину, Молотову, Маленкову. Теперь к ним добавилась четвертая фамилия — Берии как заместителя Председателя СНК (с марта 1946 года — Совета Министров) СССР. Донесения за подписью теперь уже С. Н. Круглова идут по самым разным вопросам. В одном из них, например, говорится, что найдены личное и политическое завещания Гитлера, свидетельство о браке между ним и Евой Браун. (В то время в ведении МВД было Главное архивное управление.) В мае 1946 года С. Н. Круглов сообщает, что группа заключенных специалистов 4-го спецотдела МВД (Страхович, Винблат, Тейфель) создала отечественный турбореактивный двигатель «ТРД-7Б», а 6 июня того же года — о предложении группы заключенных в количестве 53 человек под руководством Бартини из этого

же знаменитого 4-го отдела построить спроектированный самолет Т-117.

13 июня 1946 г. министр внутренних дел и начальник Гидропроекта МВД доложили Сталину и Берии о выполнении указания по разработке проекта соединения Волги с Доном. Далее в документе говорится: «Если осуществление Волго-Донского пути будет признано необходимым, то МВД СССР, обладая кадрами и накопленным опытом при строительстве Беломорско-Балтийского канала имени тов. Сталина, канала Москва—Волга и других гидротехнических сооружений (это уж точно, опыт был и большой.— В. Н.), могло бы выполнить строительство этого пути. МВД СССР просит Ваших указаний». «Добро», как известно, было получено, и началась еще одна грандиозная стройка, экологические последствия которой сейчас становятся все более губительными.

Или, например, такой любопытный документ. 15 января 1948 г. С. Н. Круглов информирует инстанции о результатах работы по борьбе с хищением, разбазариванием и порчей хлопка-сырца в период уборочной и заготовительной кампании 1947 года в Узбекской ССР, за что в течение этого года привлечено к уголовной ответственности 235 человек. В числе методов, которые используются преступниками, называются хищение с полей, а также при транспортировке на заготпункты и хлопковые заводы, выписка приемщиками хлопка за взятки фиктивных квитанций колхозам, обвешивание с целью создания излишков и т. д. Таким образом, за истекшие годы методы обмана государства остались практически теми же, увеличились лишь, как свидетельствуют более поздние «хлопковые дела», масштабы явления, с которыми предстоит бороться уже другим поколениям работников органов внутренних дел под руководством других министров.

В практике работы МВД СССР и МГБ СССР нередко вносили совместные предложения в инстанции. Д. А. Волкогонов, например, уже упоминал в печати, как в 1948 году И. В. Сталин ставил задачу перед С. Н. Кругловым по созданию новых специальных лагерей¹. Действительно, как свидетельствуют документы,

¹ См.: Московские новости. 1989. № 7. С. 9.

М.И. Калинин вручает орден С.Н. Круглову.

в январе 1948 года министр госбезопасности СССР В. Абакумов и министр внутренних дел С. Круглов в письме к И. Сталину сообщали, что в соответствии с его указанием они представляют проект решения (причем, обратите внимание, не в правительство, а в ЦК ВКП(б)) об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР.

МВД по этому проекту было обязано в шестимесячный срок организовать для осужденных к лишению свободы агентов иностранных разведок, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и других участников антисоветских групп и организаций особые лагеря общей численностью на 100 тыс. человек, в том числе в районе Колымы — на 30 тыс., в Норильске — на 6 тыс., Коми АССР — на 6 тыс., Темниках Мордовской АССР — на 20 тыс., в Вологодской области — на 10 тыс., в Ивановской области — на 12 тыс., в районе Караганды — на 6 тыс. человек. Особые тюрьмы на 5 тыс. человек в городах Владимире, Александровске, Верхне-Усольске.

Необходимо было создать в течение 1948 года и первой половины 1949 года дополнительно особые лагеря в отдаленных районах строящейся Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (в Иркутской области и Хабаровском крае) — на 45 тыс. человек.

При этом предписывалось всех осужденных перечисленных категорий, отбывающих в настоящее время наказания в общих ИТЛ и тюрьмах, в шестимесячный срок перевести в указанные особые лагеря и тюрьмы, кроме тяжело больных, неизлечимых хроников и беспомощных инвалидов.

Содержание в особых лагерях и тюрьмах осужденных за другие преступления запрещалось.

Освобожденных из особых лагерей и тюрем по отбытию наказания МВД СССР предлагалось направлять в ссылку на поселение в следующие места: Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую, Иркутскую области; Красноярский и Алтайский края; Якутскую, Бурят-Монгольскую и Коми АССР, район Колымы на

Дальнем Востоке, Павлодарскую, Акмолинскую, Кокчетавскую, Северо-Казахстанскую, Кустанайскую, Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Гурьевскую, Южно-Казахстанскую, Джамбулскую, Карагандинскую и Кызыл-Ординскую области Казахской ССР.

В пределах указанных областей, краев и республик ссыльные поселенцы могли выбирать любое место жительства, за исключением городов Иркутска и Новосибирска, и свободно менять место жительства. За проживание вне указанных мест поселенцев предлагалось судить как за нарушение паспортного режима.

Предусматривалось разрешить перевод к месту жительства ссыльных поселенцев их семей. Органам Советской власти следовало оказывать содействие переезду семей и их трудоустройству.

Для строительства и организации особых лагерей МВД СССР просило дополнительно выделить из резерва Совета Министров СССР 25 млн. руб.

Вот такой проект документа был представлен, и карусель закрутилась.

1 февраля 1948 г. по этому вопросу было принято постановление Совета Министров СССР, в котором численность особых лагерей устанавливалась уже не в 100 тыс., а 180 тыс. человек. На 1 января 1949 г. в этих лагерях уже содержалась 101 тыс. человек. Однако темпы этой бешеной скачки все нарастали.

Начав по указанию Сталина очередную волну репрессий, органы МГБ СССР выносят в это время постановления о направлении осужденных в особые лагеря МВД СССР в среднем до трех тысяч человек ежемесячно. МВД буквально захлебывается в этом потоке, ему снова не хватает мест в особых лагерях. Тогда 5 марта 1950 г. (ровно за три года до смерти Сталина) С. Н. Круглов просит увеличить емкость этих лагерей еще на 70 тыс. человек и довести их общую вместимость до 250 тыс. человек, т. е. больше в 2,5 раза, чем это было задумано вначале.

Как же обстояло дело с этими особыми лагерями и их контингентом в последующие годы?

После смерти Сталина и начавшейся волны потепления в ЦК КПСС стали поступать многочисленные сигналы о незаконном осуждении многих лиц за контрреволюционные преступления в прошлые годы.

Н. С. Хрущев в связи с этим дает указание руководителям правоохранительных органов сообщить действительную картину и внести предложения по этому вопросу. 1 февраля 1954 г. Генеральный Прокурор СССР Р. Руденко, Министр внутренних дел СССР С. Круглов и Министр юстиции СССР К. Горшенين сообщили Н. С. Хрущеву о практике рассмотрения таких дел Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, особым совещанием, Военной коллегией, судами, военными трибуналами и о предложениях по реабилитации незаконно осужденных.

Они проинформировали, что, по имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 по 1954 год, т. е. за 33 года, за контрреволюционные преступления было осуждено названными органами 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок 25 лет и ниже 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2900 тыс. человек — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и особым совещанием и 877 тыс. человек — судами, военными трибуналами, спецколлекцией и Военной коллегией.

К 1954 году в лагерях и тюрьмах содержалось заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, 467 946 человек и, кроме того, находилось в ссылке после отбытия таких наказаний — 62 462 человека.

Таковы официальные данные по этому весьма острому вопросу, который и сейчас так широко дискутируется в различных аудиториях и по которому распространяется так много былей, а нередко, как уже отмечалось, и небылиц. Конечно, трудно с полной уверенностью сказать, что эти данные исчерпывающие. Ведь что-то могло и уйти за пределы официальной статистики.

Тем не менее это официальные данные, и поэтому ими вполне можно оперировать. Итак, будем считать, что по политическим мотивам, т. е. за контрреволюционные преступления, в стране были осуждены на законных и незаконных основаниях 3,8 млн. человек, из них около 650 тыс. расстреляны. Таковы масштабы этого бедствия.

Позднее, в мае 1990 года, заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник В. Пирожков на страницах «Недели» привел интересные новые и уточненные данные по этому вопросу. Он, в частности, сообщил, что волна репрессий широко захватила и чекистские кадры. В 1934—1939 годах за «контрреволюционные преступления» были осуждены 21 800 сотрудников НКВД. «За тот период (1930—1953 гг.— В. Н.), пишет автор, по обвинению в политических преступлениях было репрессировано 3 778 234 человека, а высшей мере наказания — расстрелу — подвергнуто 786 098 человек»¹.

Адская репрессивная машина поглощала не только советских людей. В статье названы предварительные данные о 1422 репрессированных членах компартий 31 зарубежной страны. В течение 1988—1989 годов в порядке реабилитации пересмотрено 591 107 дел на 856 582 человека. Реабилитированы 844 740 человек, а в отношении 11 842 человек ранее вынесенные решения оставлены в силе. В то же время в архивах имеется еще 752 тыс. дел периода 30—40-х и начала 50-х годов, которые подлежат пересмотру в судебном порядке.

За уголовные преступления и грубейшие нарушения законности осуждены к различным мерам наказания, в том числе и к расстрелу, 1324 сотрудника НКВД—МГБ. 2370 бывших сотрудников, причастных к репрессиям, наказаны в партийном или административном порядке. Из числа таких лиц 68 генералов лишены воинских званий, осуждены и уволены со службы².

Созданным на основе постановления ЦИК и СНК от 5 ноября 1934 г. особым совещанием при НКВД СССР (позднее — при НКГБ и МГБ СССР), которое просуществовало до 1 сентября 1953 г., было осуждено 442 531 человек, в том числе к высшей мере наказания — 10 101 человек. Подавляющее большинство этих лиц осуждены за контрреволюционные преступления.

В документе сообщалось, что в практике работы особого совещания имели место случаи недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что рассмотрение дел на особом совещании проходило в отсутствие обвиняемых

¹ Пирожков В. И еще о реабилитации.— Неделя. 1990. № 20.

С. 11.
² Там же. С. 12.

и свидетелей, чем создавались широкие возможности покрывать недостатки предварительного следствия и грубейшие нарушения советских законов.

Кроме того, грубые нарушения законности органами МГБ были допущены в связи с директивой МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г., согласно которой органы МГБ были обязаны вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание за совершенные ими преступления и освобожденных из мест заключения после окончания Великой Отечественной войны.

Причем этим лицам предъявлялось обвинение в том же самом преступлении, за которое они отбыли наказание, и по их делам вновь проводилось следствие. Указанной директивой было предусмотрено, что если в процессе следствия по делам этих лиц не будет получено каких-либо данных об их антисоветской деятельности после освобождения из тюрем и лагерей, то такие дела подлежали направлению на рассмотрение особого совещания для применения к арестованным ссылки на поселение.

Несколько позднее, в июле 1954 года по предложению Прокуратуры СССР, МГБ СССР и МВД СССР было принято решение вышеназванную директиву 1948 года отменить и лиц, находящихся в ссылке на поселении по решению особого совещания, от ссылки освободить.

Р. Руденко, С. Круглов и К. Горшенин внесли в записке предложение специально пересмотреть все архивно-следственные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. С этой целью в центре создавалась Центральная комиссия под руководством Генерального прокурора СССР Р. Руденко с участием министра внутренних дел СССР С. Круглова, министра юстиции К. Горшенина и др. Подобные комиссии создавались также в республиках, краях и областях. Так начался процесс реабилитации невинно осужденных.

В начале предполагалось всю работу по пересмотру дел закончить в восьмимесячный срок и о результатах доложить ЦК КПСС. Материалы Комиссии использовались в последующем на XX и XXII съездах партии. Однако в целом дело оказалось, во-первых, довольно сложным и объемным, а, во-вторых, в силу известных

политических обстоятельств затем заторможенным, так что и сейчас проходит следующий этап этой работы, конца которой пока еще не видно.

С приходом к руководству партией Н. С. Хрущева был предпринят ряд крупных мер по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел и государственной безопасности. В частности, в конце декабря 1954 года С. Круглов вместе с руководителем КГБ И. Серовым направили в ЦК КПСС предложения о лишении генеральских званий бывших работников органов МГБ и МВД, допускавших нарушения социалистической законности, злоупотребления по службе и другие проступки. Предлагалось лишить званий генерал-лейтенантов Быстрова А. С., Врядия И. И., Гладкова П. А., Обручникова Б. П., Сергиенко В. С., генерал-майоров Аткишиева Ага Салим Ибрагима оглы, Болотина (Балясного) Г. С., Быкова Д. Р., Белолипецкого С. Е., Григоряна Х. И., Иванова В. В., Новикова В. М., Овакимяна Г. Б., Ручкина А. Ф., Смирнова П. П., комиссара милиции III ранга Семенова Л. С. В последующем Совет Министров СССР принял такое решение. Кроме того, против некоторых из названных лиц были возбуждены уголовные дела.

В порядке очищения органов внутренних дел от скомпрометировавших себя лиц за два года после июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС только из числа руководящего состава было уволено свыше 4 тыс. человек. Этот процесс продолжался и в последующее время.

Вместе с этим и в прежние времена и теперь иногда наблюдаются попытки обвинить в имевшихся нарушениях законности лишь одну какую-то сторону — или органы госбезопасности, или органы внутренних дел. Так, заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант С. Н. Переверткин, докладывая правительственной комиссии 10 февраля 1956 г. о состоянии внутренних войск, отметил: «Необходимо поднять авторитет Министерства внутренних дел... Вся антигосударственная и антипартийная деятельность, связанная с преступлениями, которые были совершены в НКГБ и МГБ, почему-то пала на МВД».

Следует отметить, что в 1949—1953 гг. милиция была передана из МВД СССР в ведение МГБ СССР. Министерство внутренних дел в эти годы было занято

Сопровождение И.В. Сталина на международную конференцию.
Первый слева С.Н. Круглов.

главным образом устройством лагерных дел. Это была какая-то особая империя, воплотившая сталинский замысел, составленная из массы лагерей, колоний и тюрем, мест поселений и высылки, большого количества различных строек. Осужденные привлекались к сооружению крупных гидроэлектростанций на Волге, Волго-Донского судоходного канала, строительству автомобильных дорог протяженностью свыше 7 тыс. км. На 1952 год Дальстрою, например, было установлено задание добыть 12,5 тыс. т. 40-процентного оловянного концентрата.

На основании постановлений ГКО от 30 августа 1945 г. и СНК СССР от 21 сентября 1945 г. на НКВД СССР вновь были возложены начатые еще до войны работы по изысканию, проектированию и строительству БАМа. Предусматривалось осуществить его в две очереди. К первой очереди было отнесено строительство следующих железнодорожных линий общей протяженностью 1955 км со сдачей в эксплуатацию в 1949 году: Тайшет—Братск—Усть-Кут; Комсомольск—Ургал; Известковая—Ургал. Однако решить эту задачу в полном объеме не удалось. Потребовалось еще свыше 30 лет и привлечение значительных новых сил, кроме осужденных, чтобы БАМ вошел в строй.

Об объеме выпуска валовой продукции в первые послевоенные годы предприятиями МВД СССР дают представление следующие данные (в млрд. руб.): 1946 год — 1,4; 1947—1,7; 1948—1,8; 1949 год — 2,1. Доходы ГУЛАГА МВД СССР в 1954 году составили 7,1 млрд. руб., расходы — 7,3 млрд. руб.

Недаром при передаче дел МВД СССР от С. Н. Круглова Н. П. Дудорову встал вопрос об уточнении профиля министерства. Н. С. Хрущев на одном совещании сказал, что МВД превратилось по существу в хозяйственно-строительное министерство: если какую стройку поручить ему даже там, где человеческая нога не ступала, оно выполнит; но МВД как Министерство внутренних дел не справляется с основными задачами по поддержанию общественного порядка и перевоспитанию заключенных.

К сожалению, влияние министерства на охрану общественного порядка в стране и перевоспитание осужденных и сегодня еще далеко недостаточно.

21 декабря 1949 г. И.В. Сталину исполнилось 70 лет. С. Н. Круглов от имени руководящих работников министерства направил ему поздравительное письмо, взхлеб восхваляющее в духе того времени «великого вождя». В нем, в частности, говорилось:

«Дорогой и любимый товарищ Сталин!

Нам, работникам МВД СССР, выпали величайшая честь и счастье на протяжении многих лет участвовать в выполнении гениальных сталинских планов, преобразующих экономику и культуру нашей Родины. Работники МВД СССР, выполняя Ваши непосредственные указания под Вашим повседневным руководством, строят сооружения, являющиеся олицетворением величественной сталинской эпохи».

Как искренне это звучало тогда и как горько сегодня.

Листаем переписку С. Н. Круглова с инстанциями дальше. Берия, уйдя на работу в Совмин СССР, но продолжая курировать деятельность МГБ и МВД, нередко напоминает о себе довольно грозными окриками. Однажды С.Н. Круглов доложил ему как заместителю председателя Совета Министров СССР проект постановления правительства о необходимости ускорения строительства одного из объектов. Через два дня Берия пишет на этом документе резолюцию С. Н. Круглову о том, что он возвращает проект как слабо проработанный. В резолюции, в частности, сказано: «...Наведите в аппарате Министерства порядок, обеспечивающий надлежащую подготовку и представление документов Правительству. О принятых мерах доложите». И ниже подпись характерными красными чернилами: Л. Берия.

Порядок наводился различными методами. Известно, например, что при Сталине распространенной практикой в аппаратах была ночная работа. О том, как это выглядело в МВД, свидетельствуют такие факты. Распоряжением министра внутренних дел Союза ССР С. Н. Круглова от 9 апреля 1946 г. начало работы в центральном аппарате устанавливалось с 10 ч. 30 мин. утра, время же окончания не определялось.

26 декабря 1946 г., например, С. Н. Круглов подписал такой документ: «Сегодня в 24.00 было дано распоряжение вызвать начальника ГУПВИ¹ МВД СССР

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных.

генерал-лейтенанта тов. Кривенко ко мне на совещание. Несмотря на длительные поиски, тов. Кривенко найден не был и на совещание не явился.

Заместители начальника, дежурный по Управлению и секретари не могли сказать, где находился начальник ГУПВИ.

За грубейшее нарушение служебной дисциплины ставлю на вид тов. Кривенко и предупреждаю, что при повторении подобного случая к нему будет применено более строгое наказание.

Напоминаю всем начальникам главных управлений, управлений и отделов МВД СССР, что в случае их отсутствия на работе в служебное время они обязаны о своем местонахождении сообщать своим заместителям или секретарям». Вот такой был режим.

Как министр внутренних дел С. Н. Круглов набирает силу, оттачивает стиль своей деятельности. Автору этих строк довелось встретиться с А. Д. Зверевым, работавшим в 1952—1960 гг. в аппарате ЦК КПСС, а позднее — в 1960—1966 гг. — заместителем министра внутренних дел РСФСР. Представляют интерес его оценки ряда министров, в том числе С. Н. Круглова он характеризовал так: «Очень порядочный, авторитетный, грамотный, знающий свое дело, оперативный и энергичный работник. Умел из большой массы вопросов выбрать главное. Был довольно крут, но справедлив». Подобные отзывы о Сергее Никифоровиче дают и многие другие, знавшие его.

В начале очерка мы упоминали о награждении С.Н. Круглова в 1945 году орденами Англии и США. Прошло 10 лет, международная обстановка резко обострилась, что отразилось и на оценке личностей. Один из американских журналов в 1955 году поместил подборку фотоснимков и подписей к ним в духе худших времен холодной войны под общим заголовком: «Встречайте вашего врага лицом к лицу».

О Сергее Никифоровиче в этом очерке было сказано: «Слева лицо человека по фамилии Круглов. Оно выглядит, как лицо обыкновенного человека — мясника, булочника, учителя школы, или ничем не отличающегося маленького человека, сидящего против Вас в автобусе. Но всмотритесь пристальней. Его полное имя Сергей Н. Круглов. Он советский Министр внутренних

дел, руководит миллионной армией МВД (имеющей на вооружении танки, самолеты, артиллерию).

Его деятельность заключается:

1. Подавлять любое сопротивление, направленное против режима.

2. Предотвращать проникновение всякой информации о жизни и государственном режиме за железным занавесом путем ограждения от перехода на Запад любого мужчины, женщины или ребенка.

3. Раздавить Вас.

Последнее это то, к чему направлена его цель.

Он один из высокопоставленных и могущественных советских людей, один из 13 светил, ратующих за мировую революцию.

Их метод: холодная война. Их расчеты охватывают одну треть населения мира, одну четверть земного шара. Их конечная цель: весь мир.

Так что смотрите внимательней на это обыкновенное лицо Сергея Круглова, это лицо Вашего злейшего врага».

Читая эти строки сейчас, гораздо яснее начинаешь ощущать, как много сделано за прошедшее время для лучшего взаимопонимания двух великих держав и народов, каким большим завоеванием это является.

Обратимся к заключительному этапу жизни и деятельности С. Н. Круглова. Несмотря на принятые им вместе с другими руководителями правоохранительных органов некоторые меры по устранению нарушений законности после смерти Сталина, будущее было уже не за ним. Н. С. Хрущев многие издержки сталинской системы ассоциировал и с личностью С. Н. Круглова. Ему нужен был новый министр. Поэтому в деятельности Сергея Никифоровича стали искать ошибки и реальные, и мнимые. А оснований и поводов для этого в таком ответственном и судьбоносном министерстве, как МВД, было, конечно, предостаточно.

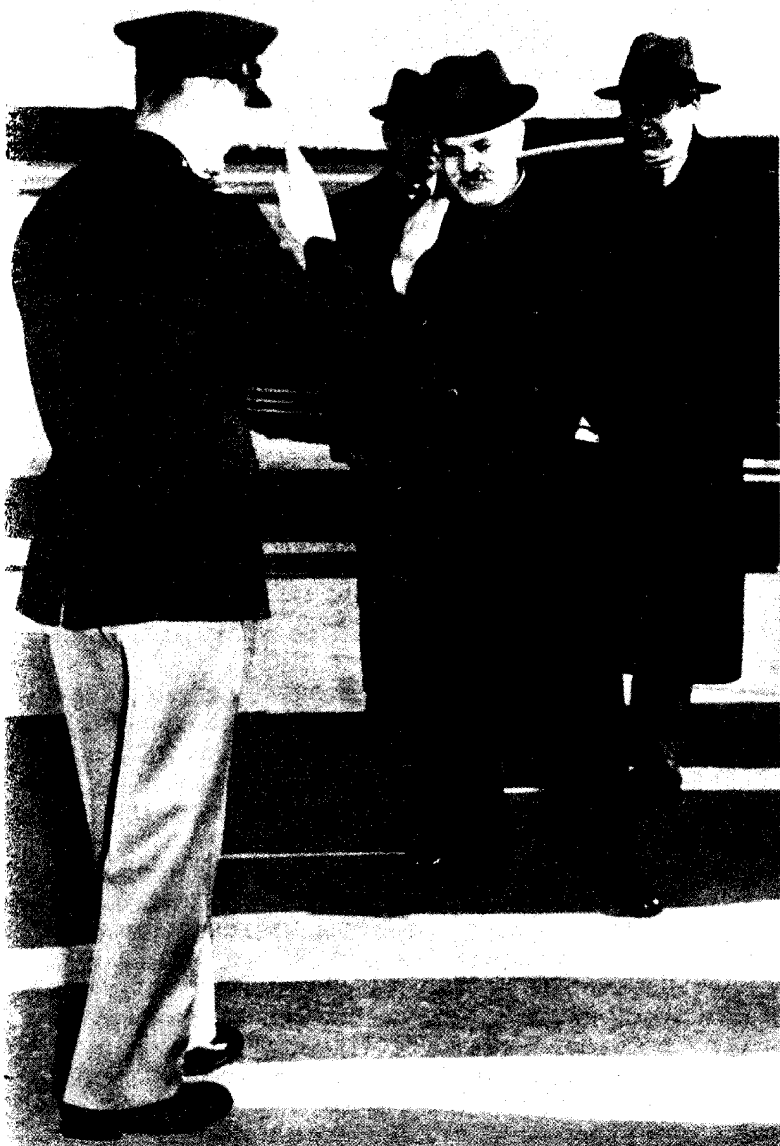
Например, 3 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым недугом, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей». Однако ЦК КПСС в своем решении от 24 декабря 1955 г. указал МВД СССР на серьезные ошибки

и недостатки, допущенные в подготовке и реализации названного Указа.

Как было отмечено в решении Коллегии МВД СССР от 21 января 1956 г., которая проходила под председательством заместителя министра внутренних дел СССР С. Н. Переверткина, бывший министр внутренних дел СССР т. Круглов, представляя в ЦК КПСС проект Указа, допустил серьезную ошибку, не предусмотрев ограничений при освобождении из мест лишения свободы для лиц, осужденных за крупные хищения социалистической собственности, за отдельные виды умышленного убийства и рецидивистов. В результате этого из мест заключения было выпущено большое количество особо опасных государственных преступников.

Например, в Ленинград с момента издания Указа от 3 сентября 1955 г. прибыло из лагерей более 800 человек, большинство из которых не занимаются общественно полезным трудом. Из этого числа только в октябре 1955 года 25 человек вновь привлечено к уголовной ответственности. Среди них оказались Петров, восемь раз судимый за грабежи и кражи и освобожденный из лагеря 6 октября 1955 г., Архангельский, вор-рецидивист, ранее судимый шесть раз, который в 1955 году за грабеж был осужден на 10 лет, а 5 октября досрочно освобожден. Осужденный в марте 1955 года в Таллинне Мыйзавальд, имеющий судимость общей сложностью на 60 лет, 8 октября был освобожден из лагеря, а через несколько дней арестован за вновь совершенное преступление.

Коллегия МВД отметила также, что в руководстве министерством допускалась порочная практика, когда в решении крупных, имеющих государственное значение вопросов нарушался принцип коллективного руководства, не учитывалось мнение членов коллегии и руководителей местных органов. Представленный в ЦК КПСС проект Указа Президиума Верховного Совета СССР рассматривался только лично т. Кругловым, без участия коллегии и без согласования с Прокуратурой и Министерством юстиции СССР. Больше того, т. Круглов не принял во внимание правильные замечания отдельных руководящих работников министерства, указывавших на необходимость установления ограничений при освобождении.

Приезд В.М. Молотова и С.Н. Круглова на международную конференцию.

дении из лагерей некоторых категорий преступников. Имели место и другие факты, когда коллегия была устранена от решения наиболее важных и принципиальных вопросов работы министерства.

Партия шла к своему XX съезду, на котором приняла решение «О преодолении культа личности и его последствий». Съезд работал 14 — 25 февраля 1956 г., а буквально за несколько дней перед этим — 6, 8, 10 и 11 февраля 1956 г. заседала правительственная комиссия по МВД СССР в связи с приемом дел министерства Дудоровым Н. П. и сдачей Кругловым С. Н. Необычным был сам подход — создание правительственной комиссии для передачи дел министерства. Ранее один нарком сдавал по акту дела другому. На этот раз, видимо, было желание придать данному обстоятельству чрезвычайный характер.

Правительственная комиссия была создана в составе секретаря ЦК А. Б. Аристова (председатель), В. Г. Жаворонкова, В. В. Золотухина, К. П. Горшенина и А. А. Посконова.

Было образовано шесть подкомиссий из работников отдела административных органов ЦК КПСС, Министерства госконтроля СССР, Минюста СССР, Минобороны СССР, Минфина СССР и Прокуратуры СССР.

Выводы комиссии были жесткими.

«Правительственной комиссией,— читаем в документе,— установлено, что Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи...

Бывший министр т. Круглов, члены коллегии и др. руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года... В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД. Критика и самокритика в МВД не была развита».

Вот некоторые другие выдержки из стенограммы заседания правительственной комиссии. «ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключенных путем укрепления режима их содержания и приобщения к общественно полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению

этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осужденных в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания».

Прервемся на минутку и поразмышляем над написанным. С того времени прошло много лет, ушли одни поколения работников и пришли другие, после С. Н. Круглова сменилось немало министров, но недостатки в деятельности исправительно-трудовых учреждений по крупному счету остались, к сожалению, те же самые. Так что написать острый и хлесткий документ — не так уж сложно, а вот как это обеспечить на деле — пока не совсем ясно.

А. Б. Аристов в порядке реплики на доклад Т.Ф. Филиппова, заместителя министра внутренних дел — начальника Главного управления милиции МВД СССР: «А у Вас в докладе все благополучно. Бюрократ Вы, тов. замминистра. Вы потеряли всякую совесть и чувство ответственности перед партией и государством. Понимаете, какой Вы бюрократ или нет? В стране население столько терпит от этих разнузданных бандитов, а у Вас все спокойно».

Т. Ф. Филиппов. «Я не считал себя бюрократом и не считаю».

Следует заметить, что в выступлениях, репликах членов правительственной комиссии и других присутствующих довольно много патетики, парения, раскованности в суждениях, но очень мало профессионализма. Так, принимающий должность министра бывший заведующий отделом строительства ЦК КПСС Н. П. Дудоров замечает: «Одна женщина с горечью прислала заявление с просьбой разыскать дочь, которая пропала уже около трех недель. Она больше десятка представила фотографий в милицию. Но ее никак не могут найти. В чем дело? Так может пропасть много людей и их не найдут».

Снова реплика секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова: «Шуточное ли дело — у вас вместе со всеми войсками большое количество людей, это в два раза больше, чем Наполеон ввел в Россию в 1812 году. Во всяком случае 2 наполеоновских армии» (напомним, что «Великая армия» Наполеона, созданная для захватнической войны с Россией, составляла в 1812 году 600 тыс. человек. В

целом же наполеоновская армия насчитывала 1,2 млн. человек¹).

Однако комиссия все-таки не нашла крупных личных недостатков в деятельности С. Н. Круглова, поэтому он был переведен на другую работу с понижением в должности на одну ступень, что вообще-то встречается нередко. Его сразу же назначают заместителем министра строительства электростанций. Новое дело потребовало новых знаний и качеств. Как рассказала дочь С. Н. Круглова — Ирина Сергеевна, свою новую профессию он стал осваивать весьма старательно, настойчиво участь у жизни и по книгам. Но поработать ему в этой должности довелось лишь полтора года. Возможно, вскрылись какие-то новые факты о его причастности к нарушениям законности, в ЦК КПСС направлялись письма о нем от различных недоброжелателей.

В августе 1957 года С. Н. Круглов освобождается от занимаемой должности и назначается заместителем председателя совнархоза Кировского экономического административного района. Однако, как свидетельствуют медицинские документы, чувствовать он стал себя все хуже и в июле 1958 года был освобожден и от этой должности с переходом на инвалидность по болезни.

До июля 1957 года С. Н. Круглов продолжал оставаться в кадрах МВД СССР, а затем был уволен в запас Советской Армии с выплатой пенсии от МВД СССР в размере 280 рублей, как это было положено при его окладе и сроке службы. Однако говорят, что Н. С. Хрущев где-то сказал, что Круглов здоров, а получает такую большую пенсию. К тому же новый министр внутренних дел Н. П. Дудоров 15 июля 1959 г. направил в ЦК КПСС записку начальника инспекции по личному составу Управления кадров МВД СССР Ботова и начальника секретариата министерства Митяева о том, что С. Н. Круглов занимает большую квартиру, ранее купил через отца за бесценок в ХОЗУ МВД СССР и неправильно получает пенсию. Выплата пенсии от МВД СССР С. Н. Круглову была прекращена и только через семь лет — в 1966 году была возобновлена в сумме 210 руб. В 1959—1966 гг. он получал пенсию по линии органов социального обеспечения сначала в размере 60, а затем 40 руб. Ранее занимаемое жилье он

¹ См.: Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 43. Т. 6. С. 153.

сдал и с 1959 года проживал с семьей в двухкомнатной квартире.

Положение С.Н. Круглова значительно осложнилось и тем, что 6 января 1960 г. КПК при ЦК КПСС исключил его из партии. Причинами такого решения, как он сообщал в письме на имя секретарей ЦК КПСС А. Б. Аристова, Л. И. Брежнева, Н. Г. Игнатова и М. А. Суслова 19 января 1960 г., стали его участие в выселении жителей из Чечено-Ингушетии в 1944 году; в организации специальной тюрьмы в 1950 году для Комитета партийного контроля при ЦК КПСС; недостатки в работе МВД СССР, отмеченные в упоминавшемся акте правительственной комиссии при приеме и сдаче дел в 1956 году. Его обвинили также в самовольном выезде из Кирова в Москву без снятия с партийного учета после освобождения от работы по болезни, неправильном получении пенсии от МВД СССР.

Конечно, за недостатки в работе и допущенные ошибки С. Н. Круглов должен был нести ответственность. За это он был освобожден и от должности министра. Однако по ряду обвинений — выселении, создании тюрьмы КПК — решения, конечно же, принимались не им, а самыми высокими инстанциями. Особенно беспрецедентным является создание Сталиным и его окружением собственной партийной тюрьмы. Ранее, пожалуй, только церковь доходила до такой крайности и то в период средневековья. Вот какие пояснения в связи с этим дает в письме в ЦК КПСС сам С. Н. Круглов:

«В 1950 году по указаниям Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на тов. Сталина, МВД было предложено освободить отдельное тюремное помещение, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК. МВД СССР и я как министр выполнили это указание. В этой тюрьме я ни разу не был, ни одного человека из заключенных не видел, не допрашивал. Эта тюрьма просуществовала очень короткое время. Помню со слов начальника тюрьмы т. Клейменова, что в одно время туда был доставлен из тюрьмы МГБ арестованный в то время Кузнецов А. А. Через некоторое время он снова был

Пуск Волго-Донского канала.

работниками МГБ переведен в тюрьму МГБ. Министерству было разрешено использовать тюремное помещение на общих основаниях по своему усмотрению. Все это могут подтвердить бывшие зам. министра т. Серов, Обручников, быв. начальник тюремного управления т. Кузнецов и другие».

Об этой же тюрьме председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант А. Чепцов, выступая по делу так называемого Еврейского антифашистского комитета, сообщал: «...длительный период времени (месяцев шесть) все арестованные находились в тюрьме, которой ведал б. председатель КПК Шкирятов. Он также проверял предъявленное обвинение арестованным путем их личных допросов (в деле есть такие протоколы допроса Лозовского и др.). Надо отметить, что Лозовский на допросах давал Шкирятову яркие показания о своей и других антисоветской деятельности»¹.

Далее в письме к секретарям ЦК КПСС С.Н. Круглов писал:

«Дорогие товарищи!

Убедительно прошу Вас поручить ЦК КПСС дать указание еще раз пересмотреть вопрос о моем исключении из членов партии и оставить меня в ее рядах. В партию я пришел из комсомола, в рядах которого состоял с 15-летнего возраста, более 30 лет находился в рядах ленинской партии и все время принимал участие в партийной работе. С 1939 года по 1956 год входил в состав Пленума ЦК КПСС. Десять лет работал министром СССР. В моей работе были и крупные недостатки и крупные ошибки. Но я их допускал не по злему умыслу. Всегда я стремился честно выполнять указания и решения ЦК КПСС. Ошибки, допущенные мною на работе в МВД, в известной мере объясняются и прошедшим временем культа личности. Я готов понести любое наказание от партии, я поеду на самую низовую работу в любой район страны, но прошу одно — оставить меня в рядах Коммунистической партии. Проведя всю сознательную жизнь в рядах партии, я не могу ни физически, ни морально жить вне партии.

Обвинение, составленное следователем КПК т. Кузнецовым, является тенденциозным и необъективным; о некоторых обвинениях против меня я услышал только на заседании КПК, по ряду пунктов обвинения с меня

¹ Ваксберг А. Заслуженный деятель // Лит. газ. 1989. 15 марта. С. 13.

даже не требовали объяснения, а по другим пунктам мои объяснения совершенно не принимались в расчет, не проверялись и полностью игнорировались. Я считаю решение о моем исключении слишком суровым наказанием».

В последующем с просьбами в ЦК КПСС о восстановлении С.Н. Круглова в партии обращались его родственники, руководящие работники МВД СССР. Вот одно из таких писем.

«Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

Считаю своим партийным долгом и честью советского гражданина присоединиться к инициативе-ходатайству ветеранов — заслуженных руководящих деятелей МВД СССР восстановить (посмертно) Сергея Никифоровича Круглова в звании члена КПСС.

Под руководством Сергея Никифоровича я работал с 1945 по 1956 год наиболее длительное время начальником секретариата министерства. В эту пору МВД СССР представляло собой огромную машину государственного управления, выполняющую по заданиям ЦК партии и Советского Правительства не только важнейшую службу по обеспечению внутренней администрации, но и многогранную хозяйственную деятельность на решающих участках нашей социалистической Родины, умножающих ее величие и могущество: обширная горнорудная промышленность, железнодорожное строительство на трудно доступных и народно-хозяйственных участках, строительство шоссейных дорог и их эксплуатация, местная противовоздушная оборона и многое другое.

МВД СССР блестяще справлялось с этими заданиями, которые ныне возложены на ряд отраслевых министерств.

В этих условиях особенно ярко раскрылся талант С. Н. Круглова как руководителя, преданного делу партии. Он был властен, но не заносчив, не высокомерен. Простодушен и добр. До учреждения коллегии министерства он, склонный к коллективному руководству, проводил так называемые совещания при министре, внимательно прислушиваясь к мнениям руководителей главков и управлений.

На трибуне Мавзолея В.И. Ленина крайний слева С.Н. Круглов.

Он был необычайно скромен, не терпел подхалимства и угодничества...

Если он в прошлом и допустил какую-либо ошибку, то наверняка не по злой воле.

Отстранение от руководства министерством С. Н. Круглова по капризу Н. С. Хрущева, позже ликвидация союзного аппарата министерства — едва ли не самая серьезная государственная ошибка Н. С. Хрущева.

Никто никогда не подвергался унижению или какому-либо оскорблению со стороны Круглова, тем более несправедливому наказанию.

Это был обаятельный, душевный человек, превосходный организатор, пламенный патриот.

Я не колеблясь присоединяю свою подпись к письму товарищей — «однопольчан» о восстановлении посмертно партийного звания Сергею Никифоровичу Круглову.

С глубоким уважением

Член КПСС с 1928 года,
ветеран Великой Отечественной войны,
заслуженный работник МВД
Воронков Сергей Петрович.
2 января 1978 года».

Однако такого решения так и не было принято.

Последние 17 лет прожил С.Н. Круглов в переживаниях, борьбе с недугами и болезнями. 6 июня 1977 г. бывший министр внутренних дел СССР генерал-полковник в отставке Сергей Никифорович Круглов, находясь за городом, был сбит поездом и скончался.

Сведения об изложенных обстоятельствах смерти С. Н. Круглова в 1977 году подтверждает его дочь Ирина Сергеевна. В то же время есть и другие данные по этому вопросу. Так, Рой Медведев, в частности, пишет: «При восстановлении Чечено-Ингушской АССР выяснилось, что в 1944 году войсками НКВД был полностью уничтожен один из аулов, жители которого отказались подчиняться приказу о выселении. Непосредственная ответственность за этот злодейский акт лежала на недавнем министре внутренних дел Круглове. Не дожидаясь окончания расследования, он застрелился»¹.

¹ Рой Медведев. В бурные годы оттепели. Страницы политической биографии Н.С. Хрущева//Рыбак Приморья. 1989. № 37. С. 10.

В этих строках много неясного. Во-первых, не документирован факт расстрела целого аула. В архивных данных таких сведений мы также не нашли. Во-вторых, С. Н. Круглов был отправлен на пенсию с поста министра внутренних дел СССР в 1956 году. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена в январе 1957 года. Круглов же скончался через 20 лет — в 1977 году. Таким образом, заявление Роя Медведева об обстоятельствах и времени смерти С. Н. Круглова является ошибочным.

10

Дудоров Николай Павлович

1956—1960 гг.

1906—1977

*Крупный
строитель.
Неожиданное
назначение в
МВД.
Решение ряда
проблем.
Снова об особой
тюрьме и
продолжении
реабилитации.
Июньский
(1957 г.)
Пленум ЦК
КПСС.
Особенности во
взаимоотношениях
руководителей
Министерства
обороны, МВД и
КГБ.
Неожиданное
упразднение МВД
СССР.
Неопубликованная
рукопись «50 лет
борьбы и побед».*

Назначение Н. П. Дудорова министром внутренних дел СССР после С. Н. Круглова явилось неожиданностью не только для окружающих, но и для него самого, о чем рассказала мне супруга Николая Павловича — Зоя Алексеевна Дудорова.

Н. П. Дудоров к этому времени работал заведующим Отделом строительства ЦК КПСС, был увлечен своим делом и, конечно, совершенно не думал возглавить это специфичное министерство. Тем не менее Н. С. Хрущев принял такое решение. Представляется, что логика его размышлений могла быть примерно следующей.

С момента создания НКВД СССР в 1934 году и до решения Никиты Сергеевича выступить с решительным разоблачением культа личности Сталина и осуждением грубых нарушений законности в 1956 году Наркомат (министерство) внутренних дел последовательно возглавляли Ягода, Ежов, Берия, Круглов. Каждый из них был в известной мере преемником друг друга. Н. С. Хрущеву же в соответствии с его политическими целями нужно было решительно сломать эту «энкеведистскую» цепочку, попытаться вырвать ее корни. Министра внутренних дел он стал искать на стороне, и в его роли появился совершенно не мечтавший об этом довольно крупный строитель Н. П. Дудоров. Таким образом, это дело случая; с равным, а может быть и с большим успехом министром внутренних дел могли стать многие другие партийные и советские работники того времени.

Часто говорят, что НКВД (МВД) — ведомство правоохранительное и возглавлять его должен юрист. Наверное, это желательно, но посмотрим, как ответило на

данный вопрос время. Профиль министерства, как свидетельствует изложенное выше, неоднократно менялся и был многоплановым, хотя определяющим, начиная с 30-х годов, становится борьба с преступностью и охрана правопорядка, т. е. юридическая сфера. Проследим, кто по образованию и профессии приходил в различные исторические периоды к руководству НКВД (МВД) и, может быть, попытаемся выявить на этой основе какую-то закономерность.

При В. И. Ленине — юристе по образованию — руководителями НКВД были Рыков, Петровский, Дзержинский, Белобородов — все не юристы. В момент возникновения и утверждения Советской власти определяющими параметрами для этих лиц было, конечно, не образование (у некоторых оно было лишь начальным), а преданность революции, готовность отдать себя ее идеалам.

Идем далее. Верные слуги Сталина, его «железные» наркомвнуделы Ягода, Ежов, Берия тоже имели самую разную подготовку и юристами отнюдь не были. Последующие министры Круглов, Дудоров, Стаханов, Щелоков, кроме Тикунова, о которых мы рассказываем в этих очерках, каждый по-своему были образованными людьми, но юристами тоже не были.

Таким образом, явно вырисовывается закономерность привлечения к руководству НКВД (МВД) людей не столько по профилю образования, сколько по наличию опыта партийной и государственной деятельности, известной склонности к такой работе. Учитывались и другие обстоятельства по ситуации. Думаю, что такая тенденция сохранится и впредь.

Возвратимся, однако, к Н. П. Дудорову и хотя бы вкратце посмотрим, как складывалась его жизнь до назначения на пост министра внутренних дел, а затем и после этого. Материалы к его биографии были собраны в архивах, а также с помощью уже упоминавшейся З. А. Дудоровой и других лиц.

Кроме того, в 1973 году самим Николаем Павловичем была написана рукописная книга под названием «50 лет борьбы и побед», которая не опубликована. Ее любезно предоставил нам для ознакомления бывший заместитель министра внутренних дел СССР

Н. А. Рожков, работавший вместе с Н. П. Дудоровым на партийной работе и в Моссовете.

Николай Павлович Дудоров родился в 1906 году в семье рабочего в деревне Мишнево Камешковского района Владимирской области и до 1922 года учился в школе. С 1922 по 1929 год работал на хрустальном заводе учеником, а потом мастером. В 1927 году стал членом ВКП(б). В ноябре 1929 года по рекомендации партийной организации завода был послан на учебу в Московский химико-технологический институт им. Менделеева, который окончил в 1934 году, после чего был назначен начальником цеха. В октябре 1937 года был избран секретарем парткома Наркомтяжпрома СССР.

В 1939—1940 гг. работал заместителем начальника «Главцемента» и «Главстройстекло», а с 1941 по 1949 год — в должностях начальников главных управлений в системе Министерства строительных материалов и Министерства строительства СССР.

В 1949 году — он секретарь парткома Министерства промышленности строительных материалов СССР, а в 1950—1952 гг. заведующий отделом строительства МГК КПСС.

В 1952 году избран заместителем Председателя Московского Совета, а в декабре 1954 года назначен заведующим отделом строительства ЦК КПСС, где и находился до утверждения в должности министра внутренних дел СССР в феврале 1956 года.

Работавший вместе с Н. П. Дудоровым с 1952 года в Московском горкоме партии Н.А. Рожков (в последующем секретарь МГК КПСС, ведающий вопросами строительства) характеризует его как квалифицированного и напористого специалиста, много сделавшего для создания строительной индустрии в Москве.

14 сентября 1950 г. Н. П. Дудоров направил на имя Н. С. Хрущева записку «О перестройке строительства в стране и о возможности внедрения новых экономических строительных материалов и конструкций и необходимой для этого индустриальной базе». Записка была разослана членам Политбюро, заинтересованным союзным ведомствам и получила одобрение Центрального Комитета партии.

Успешной была его работа и на посту только что

созданного Отдела строительства ЦК КПСС. Для широкого ознакомления с зарубежным опытом в 1955 году в течение двух месяцев делегация специалистов в области строительства с участием Н. П. Дудорова выезжала в Англию, Австрию, Голландию, Италию и Францию, посетив 32 города. Именно к этому времени относится широкое внедрение в строительство СССР сборного железобетона.

Таким образом, к моменту назначения Н. П. Дудорова министром внутренних дел СССР он прошел большую школу жизни, а его напряженная биография могла бы составить честь любому трудовому человеку советского времени. Н. П. Дудоров являлся делегатом XX съезда партии, на котором был избран членом ЦК КПСС. Избирался он делегатом и на XXI—XXIV съезды.

Впервые Н. П. Дудоров председательствовал на Коллегии МВД СССР 7 февраля 1956 г. С его приходом был решен ряд крупных проблем. В частности, при рассмотрении на этой коллегии вопроса «О профиле Министерства внутренних дел СССР» было принято решение освободить МВД от несвойственных ему функций и войти с предложениями в ЦК КПСС о передаче ряда строительных главков (одно время количество таких главков доходило до 16) соответствующим министерствам, что и было сделано.

К указанному периоду во многих районах страны, в том числе в Москве и области, обострилась обстановка по борьбе с преступностью. 1 марта 1956 г. коллегия рассмотрела вопрос о результатах проверки работы УМВД Московской области. За неудовлетворительное руководство органами милиции Москвы и области был отстранен от работы начальник Управления МВД Московской области В. С. Рясной. Вместо него назначили Г. И. Калинина. Коллегия высказалась за целесообразность иметь в Москве самостоятельное УМВД. Это решение было реализовано.

15—16 марта 1956 г. в МВД СССР было проведено совещание с министрами внутренних дел союзных республик. Во вступительном слове новый министр Н. П. Дудоров сказал: «Я начну с последнего совещания у тов. Микояна. Должен сказать, что органы МВД, особенно милиция и ГУЛАГ и все его звенья, работают настолько плохо, настолько отвратительно плохо, что плохая работа этих органов, да и других звеньев работы МВД создала не особенно хорошую славу МВД в народе. Я вам должен сказать, у тов. Микояна, когда

беседовали с тов. Булганиным, с тов. Хрущевым, не только они отзывались плохо, но и простые люди, любые работники, кого ни спросишь, о милиции и некоторых других органах МВД отзываются очень плохо (читатели уже почувствовали, что многие наркомы (министры) начинали с ругани предшественников, а зря. Потом бумерангом это возвращалось и к ним.— *В.Н.*).

...Я не буду рассказывать,— продолжал Н. П. Дудоров,— всех недостатков, вы их знаете, их очень много, а два из них, наиболее главных, я назову. Первый — органы милиции не ведут настоящей борьбы с преступностью в стране, в результате чего у нас преступники действуют и орудуют в большинстве случаев безнаказанно годами и никаких мер к ним никто не принимает.

...Второе — это то, что у нас, в органах милиции, очень много преступлений совершают сами работники милиции. Это тоже очень тягчайшее зло.

... 46% в составе милиции у нас имеют низшее образование, это почти половина. 42% других имеют ниже среднего образования. Значит, около половины личного состава милиции почти неграмотная и другая половина имеет образование ниже среднего. Так как же, дорогие товарищи, с таким составом милиции можно решать возложенные на нас задачи?

Надо в новых документах, которые готовятся по милиции, отразить все, чтобы милиция была поднята на ноги. Как выразился товарищ Булганин, надо поднять милицию из грязи, поднять и поставить на ноги. Товарищи Хрущев и Булганин согласились с тем, чтобы пересмотреть вопросы зарплаты, чтобы повысить зарплату работникам милиции, особенно на селе.

По лагерям. С состоянием лагерной работы у нас также обстоит исключительно плохо. Причем задача перед нами такова поставлена, чтобы мы организовали работу с преступниками таким образом, чтобы их за соответствующий промежуток времени перевоспитать в труде, чтобы они могли в местах заключения получить квалификацию и, перевоспитавшись в труде, возвратились к честной трудовой жизни».

В целях коренного улучшения работы по борьбе с преступностью и перевоспитанию осужденных Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР 25 октября 1956 г. приняли постановление «О мерах по

улучшению работы Министерства внутренних дел СССР», в котором была намечена программа совершенствования деятельности МВД СССР и его органов на местах на данном этапе исторического развития. Но все это сделать было очень непросто. Некоторые из обозначенных проблем не решены и сейчас.

Как вспоминает Н. П. Дудоров в своей рукописи, ему было сказано, чтобы докладывать Центральному Комитету партии о делах, творимых в МВД предшественниками, только правду, какой бы она жуткой и страшной ни была.

В первую очередь с помощью партийных и советских органов на местах пришлось разобраться с обстановкой в тюрьмах и лагерях, где находилось большое количество советских граждан, в том числе так называемых политических заключенных, а также разобраться с судьбой выселенных в 1943—1944 гг. со своих родных мест целых народностей — карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и др. По этим важнейшим вопросам уже в апреле 1956 года МВД СССР доложило ЦК партии свои предложения.

Вскоре были приняты решения ЦК КПСС и Советского правительства о создании специальных комиссий во всех республиках, краях, областях и городах, где имелись тюрьмы и лагеря, для рассмотрения дел каждого заключенного, с полномочиями этим комиссиям от имени Президиума Верховного Совета СССР освобождать невинно осужденных граждан из мест заключения, вплоть до снятия судимости.

В течение 1956 и 1957 годов этими комиссиями, по оценке Н. П. Дудорова, было освобождено около 75% граждан — главным образом так называемых политических заключенных, — находящихся в тюрьмах и лагерях как неправильно репрессированных. Им была оказана помощь в трудоустройстве и предоставлении жилой площади. Всего же за период 1956—1960 гг. было освобождено около двух миллионов человек.

По вопросу о переселенцах Н. П. Дудоров в своей рукописи, в частности, пишет: «Выселенные народы претерпели немало моральных и физических страданий, унижений, голода, много людей погибло. В связи с этим привожу следующие сравнительные данные:

	Выселено	Осталось на 1. X. 1945 г. в местах поселения
Карачаевцев	70 095 чел.	60 100 чел.
Калмыков	99 252 чел.	80 300 чел.
Чеченцев и ингушей	478 479 чел.	405 900 чел.
Крымских татар, греков, болгар, армян (из Крыма)	225 009 чел.	195 200 чел.
Итого	872 835 чел.	741 500 чел.

Таким образом только при переселении погибли 131 тыс. человек¹. По нашему предложению в 1956 году ЦК КПСС исправил эти грубейшие нарушения, восстановил права всех лиц перечисленных выше национальностей. По решению ЦК восстановлены Калмыцкая и Чечено-Ингушская автономные республики, Кабардинская АССР преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, а Черкесская автономная область — в Карачаево-Черкесскую автономную область. Все ранее выселенные граждане в течение 1956—1957 гг. организованно возвращены в свои родные места».

В свое время по предложению Берии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 г. 714 человек работников НКВД и НКГБ, осуществляющих переселение этих лиц, были награждены за так называемое «образцовое выполнение специальных заданий» орденами и медалями, в том числе орденами Суворова, Кутузова, Красного Знамени и др. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 апреля 1962 г. отменил это решение, и все врученные награды были отобраны.

В практике работы правоохранительных органов нередки случаи, когда они, пытаясь выдать желаемое за действительное, сообщают в вышестоящие инстанции более благополучные данные о преступности, чем это есть на самом деле. Случилось такое и с Н. П. Дудоровым.

В конце августа 1957 года он направил записку в ЦК КПСС «О работе милиции за первое полугодие 1957 года», в которой в довольно розовых тонах описал положение дел. Однако в ответ на эту акцию Отдел административных органов ЦК КПСС (зав. отделом

¹ За достоверность этих данных поручиться сложно, поскольку они получены путем чисто арифметических действий.— *Прим. В. Н.*

В. Золотухин) доложил Центральному Комитету, что Н.П. Дудоров не совсем правильно информирует ЦК КПСС о состоянии борьбы с уголовной преступностью, допускает необъективность, одностороннюю информацию, приукрашивает положение дел. В записке МВД СССР не сообщено примерно о 40 тыс. совершенных в первом полугодии 1957 года преступлений по линии БХСС и 50 тыс. преступлений, совершенных по линии других служб милиции, в том числе указано на 274 убийства меньше, чем их было на самом деле.

Записка Отдела была рассмотрена секретарями ЦК КПСС (на документе резолюции Суслова М. А., Поспелова П. Н., Фурцевой Е. А., Брежнева Л. И., Игнатов Н. Г.). Записка Отдела была направлена в МВД СССР и 13 января 1958 г. рассмотрена на заседании Коллегии МВД СССР с критикой и наказанием виновных должностных лиц.

В очерке о С. Н. Круглове уже говорилось об «особой тюрьме» КПК при ЦК КПСС. В упомянутой рукописи Н. П. Дудорова содержатся дополнительные сведения по этому вопросу. Он сообщает, что Г. М. Маленков, будучи секретарем Центрального Комитета партии, лично в 1950 году занялся организацией в Москве «особой тюрьмы» для ведения в ней следственных политических дел. К делу организации «особой тюрьмы» были привлечены работники отдела административных органов ЦК КПСС, а для следственной работы работники КПК при ЦК КПСС. О ходе организации «особой тюрьмы» и о ее деятельности докладывали непосредственно Маленкову, в тюрьме был установлен правительственный телефон-вертушка. Тюрьма рассчитана на 30—40 человек, с особыми условиями режима, ускоренной обрачиваемостью, в ней было 35 кабинетов для следователей, специальной охраной и специальными следователями во главе с начальником тюрьмы Клейменовым, которого инструктировал лично Маленков. Осуществлял шефство и наблюдение за тюрьмой И. Серов, бывший тогда заместителем министра внутренних дел СССР.

Были случаи, когда по выходе из кабинета Маленкова в здании ЦК КПСС арестовывались руководящие работники. Например, секретарь ЦК КПСС А. А. Куз-

Н.П. Дудоров на прогулке.

нецов, Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, секретарь Ленинградского обкома партии П. С. Попков и другие — все они арестованы в приемной Маленкова и отправлены в «особую тюрьму», где подвергались пыткам, истязаниям, а затем физически уничтожались.

Часто политзаключенных доставляли из «особой тюрьмы» в специальных автомашинах в здание ЦК КПСС, как правило, к 12 часам ночи, где Маленков допрашивал каждого в одиночку.

Однажды, продолжает Н. П. Дудоров, помощник Сталина по его охране Федосеев до приезда Сталина на работу задержался в его кабинете, раскладывая только что прибывшую почту на письменном столе. Явившись в кабинет, Сталин заподозрил Федосеева в шпионаже за его, Сталина, деятельностью и поручил Берии арестовать его. Федосеева арестовали и заключили в одноместную камеру внутренней тюрьмы. Чтобы выбить из него угодные Берии «показания», его очень сильно пытали в камере шумами. Измученный Федосеев написал письмо Сталину и просил освободить его, писал, что он всю жизнь честно служил ему, любит его, что его измучали страшными шумами в камере, где он сидит, в результате чего у него полопались перепонки, он почти оглох и плохо себя чувствует. Прочитав это письмо, Сталин поручил Маленкову допросить Федосеева. Маленков выполнил поручение Сталина, допросил Федосеева, выслушав все его жалобы и просьбы, а через два дня Федосеев был уничтожен.

Нельзя не отметить и такой факт, относящийся к 1950 году. Маленков, Берия, Молотов и Булганин выехали инкогнито, т. е. без охраны, все в одной машине в «особую тюрьму» — для допроса бывшего секретаря ЦК КПСС А. А. Кузнецова, сидевшего под № 1, и бывшего первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского, сидевшего под № 2. После такого посещения «особой тюрьмы» А. А. Кузнецов и Н. А. Вознесенский были вскоре уничтожены. На допросах их избивали.

Н. П. Дудоров в своей рукописи приводит объяснение врача «особой тюрьмы» Немченко на его имя:

«Министру внутренних дел Союза ССР
тов. Дудорову Н. П.

Объяснение

В марте 1950 года меня вызвали в кабинет начальника тюрьмы УМВД и мне было приказано организовать медицинский кабинет для обслуживания заключенных. На мой вопрос, какое количество больных мне придется обслуживать, мне ответили, что меня не должно это интересовать. В помещении тюрьмы было выделено изолированное помещение, в котором, как оказалось, содержались два человека. Фамилии заключенных мне не были известны. Все производилось с большой таинственностью. Я была вызвана несколько раз к № 1 и к № 2 (как мне было приказано называть заключенных).

Один из заключенных тов. Кузнецов (№ 1) обратился ко мне примерно в мае 1950 года по поводу болей в левом ухе. Я его осмотрела, оказалось незначительное покраснение барабанной перепонки. Я спросила его, не болел ли он гриппом, но он мне ответил, что это следы нанесенного удара на следствии, где он получил этот удар, он мне не говорил. Я его лечила около месяца. Т. Кузнецова все время ко мне водили под конвоем на сеансы соллюкса. Он был очень доволен возможностью пройтись и меня просил сеансы ему продлить, что было и сделано. Когда он почувствовал себя лучше, его перестали ко мне водить и я его больше не видела... В 1951 году ...возобновилась работа того же порядка по обслуживанию заключенных, количество заключенных мне неизвестно, но мы размещались во всех трех этажах. 26.VI-1957 года. Подпись — врач Немченко».

23 июня 1956 г. Н. П. Дудоров как член ЦК КПСС и министр внутренних дел СССР доложил специальной запиской Президиуму ЦК КПСС о злодеяниях Маденкова, но рассмотрение этого вопроса затянулось до июня 1957 года, т. е. до июньского Пленума ЦК КПСС. Существо дела заключалось в следующем: Министерством внутренних дел СССР 14 мая 1956 г. был арестован Д. Н. Суханов, до ареста длительное время работавший в должности заведующего секретариатом Маденкова. Следствием установлено, что Суханов в период ареста Берии в 1953 году похитил облигации, изъятые

из сейфа Берии на сумму свыше 100 тыс. руб., в числе их оказались облигации, принадлежащие Булганину. Как эти облигации попали к Берии, установить не удалось.

В рабочем кабинете Суханова был вскрыт сейф, письменный стол и книжный шкаф. В сейфе были обнаружены документы, представляющие особую государственную важность.

К числу их относятся:

1. Рукопись Маленкова на отдельном листе бумаги об организации «особой тюрьмы» для так называемых политических заключенных, в которой указывались условия создания такой тюрьмы в Москве.

2. Лично составленный Маленковым конспект с вопросами и ответами (восемь вопросов и восемь ответов на них) о порядке допроса «политических заключенных». Это, по сути дела, была форма протокола с заранее готовыми не только вопросами к будущим обвиняемым, но и их ответами. Очередным жертвам только оставалось подписать протокол и ожидать приговора.

3. Рукопись Маленкова о формировании состава нового Советского правительства, датированная 4 марта 1953 г.

4. Справка о наличии агентурных дел (55—58 томов) на руководящий состав Советской Армии.

Все эти документы принадлежали лично Маленкову, что подтверждается следующей выпиской из протокола допроса Д. Н. Суханова 16 июня 1956 г.:

«Вопрос. В сейфе обнаружен конспект с вопросами и ответами о порядке допроса арестованных. Кому он принадлежит?

Ответ. Конспект вопросов и ответов о порядке допросов арестованных написан собственноручно Г. М. Маленковым и им мне передан в 1951 году с указанием сохранить.

Вопрос. В сейфе обнаружена рукопись об организации «особой тюрьмы» для содержания политических заключенных. Кому принадлежит эта рукопись?

Ответ. Рукопись по вопросу организации «особой тюрьмы» принадлежит Г. М. Маленкову и передана им мне в 1951 году, одновременно с конспектом вопросов

и ответов о порядке допросов арестованных с указанием «сохранить».

Вопрос. Где предполагалась организовываться «особая тюрьма»?

Ответ. «Особая тюрьма» предполагалась быть организованной в Москве и, как впоследствии стало мне известно, по адресу «Матросская тишина».

Вопрос. По чьему указанию была организована «особая тюрьма»?

Ответ. Во время нахождения в кабинете Г. М. Маленкова последний мне сказал, что ему поручено заняться организацией «особой тюрьмы».

Вопрос. По чьей рекомендации назывались кандидатуры для производства следствия в «особой тюрьме»?

Ответ. Мне было сказано Г. М. Маленковым, чтобы я из аппарата ЦК и КПК назвал людей, которым было бы можно доверить ведение следственной работы в «особой тюрьме». В соответствии с этим мною были названы две кандидатуры ответственных контролеров КПК при ЦК КПСС — Захарова и Никифорова. При этом кандидатуру Никифорова мне подсказал Захаров.

В ходе организации «особой тюрьмы» мне стало известно, что к работе в ней были привлечены работавший в то время в Административном отделе ЦК КПСС Шестаков и работник МВД СССР Клейменов.

Вопрос о выделении Захарова и Никифорова для работы в «особой тюрьме» мною был согласован со Шкирятовым.

Мне также известно, что Захаров, Никифоров, Шестаков и Клейменов вызывались для разговоров к Г. М. Маленкову. При беседах я не присутствовал и содержание разговоров мне не известно.

Вопрос. Кто должен наблюдать за «особой тюрьмой»?

Ответ. Мне известно, что за работу по организации «особой тюрьмы» Клейменов и Шестаков отчитывались перед Г. М. Маленковым, причем мне также известно, что в «особой тюрьме» был установлен кремлевский правительственный телефон, по которому мне звонил Шестаков и Клейменов и сообщили о готовности тюрьмы, о чем я докладывал Г. М. Маленкову. Никаких указаний о практической работе по «особой тюрьме» я от Г. М. Маленкова не получал.

Любопытными являются сведения Н. П. Дудорова об

июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Пленум на заседаниях 22—29 июня 1957 г. рассматривал вопрос об антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС и примкнувшем к ним Шепилове.

Они думали решить свои заговорщические замыслы арифметическим путем: из 11 членов Президиума ЦК КПСС они считали 7 на своей стороне. Главный организатор антипартийной группы — Маленков, а идейный вдохновитель — Молотов.

Первое заседание Президиума ЦК началось под предлогом собрать их и посоветоваться о поездке в город Ленинград на празднование его 250-летия. Вести Президиум ЦК поручили Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину. Потом немедленно был поставлен вопрос о снятии с поста первого секретаря ЦК Н. С. Хрущева, секретаря ЦК Л. И. Брежнева и др.

На третий день заседания Президиума ЦК стало ясно, что антипартийная группа решила сменить руководство ЦК КПСС, изменить политику партии и принять большинством голосов членов Президиума ЦК ряд постановлений по этим вопросам.

Тексты угодных антипартийной группе постановлений в спешном порядке готовили и размножали Каганович и Шепилов, работавший тогда секретарем ЦК партии.

«В этот же день,— пишет Н. П. Дудоров в своей рукописи,— заходит ко мне начальник отдела фельдъегерской связи МВД СССР полковник Борис Иванович Краснопевцев с докладом: «Товарищ Министр, меня только что сейчас — это было вечером 19 июня 1957 года — вызвал к себе Булганин и приказал мне немедленно доставить принятые решения Президиумом ЦК КПСС в партийные органы всех союзных республик, крайкомы и обкомы партии страны. Без Вашего разрешения, товарищ Министр, я этого сделать не имею права». Я ответил начальнику фельдсвязи: «Правильно Вы сделали, что мне доложили. Какое количество почты по объему? Вы видели?» — «Да, видел. Почты много». — «А Вы сможете немедленно забрать ее из Кремля и сложить у себя в помещении Отдела фельдсвязи?» — «Да, могу». — «Тогда так и сделайте, и без моего разрешения ни одной бумаги

никуда не отправлять». — «А если спросит меня Булганин, отправлена почта или нет?» — был задан мне вопрос. Я ответил: «Если Вас спросит об этом Булганин, ответьте ему, что я Вам запретил отправку почты — пусть он разговаривает по этому вопросу со мной». Решения остались не разосланными.

20 июня 1957 г. в субботу многим членам ЦК КПСС стало известно, что несколько дней без перерыва заседает Президиум ЦК КПСС, где рассматривается вопрос о руководстве партии и ее политической линии.

В этот же день, в 18 часов вечера, в Свердловский зал Кремля прибыли 107 членов ЦК партии из общего числа избранных на XX съезде партии 130 членов ЦК и предложили членам Президиума ЦК прекратить свое заседание. Члены Президиума прибыли в зал заседания Пленума ЦК, где и было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС в понедельник 22 июня 1957 г. в 2 часа дня.

После краткого сообщения рассматриваемых вопросов на закрытых заседаниях Президиума ЦК КПСС председательствующий предоставил слово для выступления Маленкову.

Я сидел в первом ряду зала заседаний Пленума, около трибуны, и пока Маленков выходил из-за стола Президиума Пленума ЦК, я занял трибуну и обратился к членам ЦК со следующей просьбой:

«В связи с обсуждением на Пленуме ЦК КПСС внутрипартийного вопроса я прошу членов Пленума ЦК разрешить мне выступить перед тем, как выступит Маленков. В своем сообщении я охарактеризую работу Маленкова в бытность его многие годы заведующим отделом кадров партийных органов ЦК и секретарем ЦК КПСС, и пусть он потом даст ответ Пленуму ЦК партии. Для этого я располагаю неопровержимыми фактами и документами, которые раскрывают его лицо, как человека, причинившего своими действиями непоправимый вред нашей партии».

Все участники Пленума ЦК в один голос ответили на мою просьбу: «Говори, товарищ Дудоров». Маленков ушел. Я в своем выступлении подробным образом рассказал членам Пленума о той преступной роли, которую исполнял Маленков по уничтожению кадров, и все, что мною выше изложено. Участники Пленума

ЦК выслушали мое выступление с большим вниманием. После моего выступления Маленкова никто не хотел слушать, а по существу его сняли с трибуны. По обсуждаемому вопросу выступило много членов ЦК партии и все выступающие клеймили позором деятельность раскольнической антипартийной группы.

Пленум ЦК КПСС единодушно принял решение исключить Маленкова, Молотова, Кагановича из членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС, им было предложено покинуть зал заседания Пленума ЦК КПСС.

Первичные партийные организации, где они состояли на партийном учете, исключили их из рядов партии».

Н. П. Дудоров сообщает в своей рукописи об особенностях во взаимоотношениях руководителей трех крупных ведомств — Министерства обороны СССР, МВД СССР и КГБ при Совете Министров СССР. Николай Павлович считает совершенно правильным замечание ЦК КПСС (это было в 1957 году) о том, что министр обороны Жуков, председатель КГБ Серов и министр внутренних дел Дудоров недружно живут между собою.

«Когда ЦК КПСС,— пишет Н. П. Дудоров,— оказав мне исключительно высокое доверие, утвердил в конце января 1956 года Министром внутренних дел СССР, я прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить выполнение поставленных перед МВД задач. Однако буквально с первых дней моей работы министр обороны Жуков не давал возможности нормально работать, видимо, потому, что моя кандидатура на пост Министра противоречила его желаниям. Мне известно, что Жуков предлагал тогда Хрущеву несколько кандидатур из военных работников на пост Министра внутренних дел СССР, а коль скоро его предложения не были приняты, Жуков проявлял большую активность и стремился как можно быстрее забрать все внутренние и пограничные войска из системы МВД в систему Министерства обороны. Пытался также обезоружить органы милиции. Эти его замыслы, как потом стало известно, не случайны он стремился, как Бонапарт, к высшей власти. Когда ему не удалось их осуществить, Жуков перед июньским Пленумом ЦК КПСС 1957 года, на котором рассматривался вопрос об антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича и других, трижды

ставил вопрос и добивался от руководства ЦК КПСС освободить Дудорова с поста Министра внутренних дел СССР и назначить на этот пост своего человека, доказывая при этом, что он, Дудоров, имеет в Москве несколько дивизий и может или уже собирается выступить против ЦК партии с танками. Центральному Комитету партии обо всем этом известно».

В архивных материалах нами обнаружено следующее письмо Н. П. Дудорова в ЦК КПСС, написанное 16 октября 1956 г. по этой же проблеме:

«Как член ЦК КПСС, я считаю необходимым доложить ЦК КПСС о некоторых неправильных, на мой взгляд, отношениях со стороны Министерства обороны СССР в решении важных вопросов работы МВД СССР.

При рассмотрении вопросов, касающихся работы МВД, по непонятным мне причинам Министр обороны т. Жуков Г. К. занимает неправильную позицию, а иногда принятые постановления в ЦК и Правительстве по МВД Министерством обороны не выполняются или создаются всякого рода рогатки в их выполнении.

В подтверждение того приведу несколько примеров.

Вскоре после моего назначения министром внутренних дел, в начале 1956 года, Министр обороны т. Жуков поручил своему заместителю т. Баграмяну разобраться с пограничными и внутренними войсками МВД на предмет их сокращения или изъятия этих войск из МВД в систему Министерства обороны СССР. Тов. Баграмян вызывал к себе руководящих работников Главного управления пограничных войск, Главного управления внутренних войск и их штабов и несколько дней занимался этим вопросом. Я об этом не знал... (согласитесь, странно слышать из уст министра заявление о том, что он не знает, что делается в подчиненных ему войсках. — *В.Н.*). Я просил тов. Жукова проделать эту работу вместе со мной и высказал свои возражения в части передачи войск из системы МВД. В ответ на это Жуков мне заявил: «Вы, тов. Дудоров, не с того начинаете свою деятельность на посту Министра внутренних дел СССР».

Далее в письме перечислялось, что Министерство обороны СССР не выполняет требование «Положения об МПВО» в части представления сведений в МВД о воздушной обстановке, что Г. К. Жуков противится

Н.С. Хрущев и Н.П. Дудоров на отдыхе в Крыму.

переворужению войск МВД новым оружием, не выделяет для них призывной контингент.

Сообщая о том, что Г. К. Жуков противится введению новой формы одежды милиции, Н. П. Дудоров пишет: «Мои неоднократные разговоры лично с тов. Жуковым с просьбой снять возражения ни к чему не привели. Однажды я приехал к тов. Жукову с группой милицейских работников, одетых в новую форму, чтобы показать ему ее в натуральном виде, однако и это не помогло, а его ругань и крик в адрес милиции оскорбили работников милиции.

Однажды тов. Жуков предупредил меня в резкой форме, что если я «протащу» какое-либо решение по любому вопросу МВД в ЦК КПСС или Совет Министров СССР без его ведома и согласия, то он мне устроит большой тарарам. Такое предупреждение меня крайне удивило».

Пройдет год после этого письма, и октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС по многим вопросам подвергнет суровой критике Г. К. Жукова.

По-своему объясняет Н. П. Дудоров и вопрос о том, почему у него не сложились отношения с Председателем КГБ И. А. Серовым. «За время работы в МВД СССР,— пишет Н. П. Дудоров,— мне несколько раз приходилось докладывать секретарю ЦК КПСС Хрущеву о Серове, о его злодеяниях, творимых вместе с Берией и Маленковым по уничтожению кадров, о выселении народностей Северного Кавказа и издевательствах над мирными советскими женщинами, стариками и детьми, но, к сожалению, все безрезультатно.

Кроме того, Серов, работая заместителем Наркома внутренних дел СССР, по поручению Наркома НКВД СССР Берии, после окончания Великой Отечественной войны в 1945 году, много времени находился в командировке в Германии, где развил активную деятельность по грабежу и вывозу очень ценного имущества в Москву, главным образом к себе и к Берии на квартиры и дачи, используя для этого автотранспорт НКВД и железнодорожные эшелоны (51 эшелон).

Было отправлено из Германии большое количество мебели, дорогой посуды, хрусталя, художественных картин, ковров, фамильного баронского столового

серебра, ценнейших сервизов, гобелена и многих других дорогих антикварных предметов, вывезенных им из особняков немецких аристократов Потсдама и Берлина.

Серов тайно похитил и привез для себя так называемую «шапку Мономаха», бриллиантовую корону и закопал ее в землю около собственной дачи в Архангельском поселке под Москвой. Помогал Серову по вывозу из Германии награбленного имущества заместитель начальника хозяйственного управления НКВД СССР Осетров.

(Прервем на время сообщение Н. П. Дудорова.

Некоторые авторы после опубликования данного отрывка из рукописи приписывают эти сведения о И. А. Серове мне — В. Ф. Некрасову — и критикуют за их абсурдность меня. В связи с этим напоминаю, что я лишь цитирую Н. П. Дудорова, а к фактической стороне приводимых им сведений никакого отношения не имею и не могу утверждать их достоверность или ошибочность. Обратимся снова к рукописи. — *В.Н.*)

Член Военного совета группы оккупационных Советских войск в Германии генерал Телегин, ведающий всеми хозяйственными вопросами войсковых подразделений в Германии, — продолжает Н. П. Дудоров, — узнав о такой вольности Серова, предложил ему без разрешения Военного совета группы оккупационных Советских войск из Германии ничего не вывозить.

Тогда Серов обратился из Германии с письмом к Берии в ноябре 1945 года, после которого генерал Телегин был немедленно арестован и отправлен в лагерь. Реабилитирован и освобожден он из мест заключения только в 1956 году...

... В 1957 году начальник УВД Вологодской области привез мне в МВД личное дело отца Серова — Александра Павловича Серова, найденное в архивах специальной Кадомской тюрьмы в Вологде для политических заключенных, где, кстати сказать, в 1912 году отбывал «наказание» Иосиф Сталин. В этой тюрьме работал отец Серова в качестве «старшего офицера конного урядника полицейской стражи Кадомской тюрьмы» за период с 1905 года по день Октябрьской революции 1917 года, после чего скрылся в неизвестном направлении, а Иван Серов скрывал от партии о прошлом его отца.

Я немедленно доложил этот вопрос лично Хрущеву и высказал: как можно допускать такое положение, когда папаша в течение известных нам 12 лет творил расправы и издевательства над политзаключенными — коммунистами — в специальной тюрьме, а его сын возглавляет Комитет государственной безопасности нашей страны.

Хрущев выслушал меня, попросил оставить у него личное дело отца Серова, и на этом наш разговор был закончен. Меня такая реакция руководителя ЦК нашей партии крайне удивила.

Позднее Хрущев передал личное дело А. П. Серова заместителю Председателя Совета Министров СССР Засядько А. Ф. — зачем, для меня неизвестно, а у Засядько потом забрал личное дело отца Серова Суслов М. А.

В 1959 году я почувствовал, что впал в немилость главному начальнику в ЦК и Правительстве, узнав позднее, что Серов является родственником — сватом Хрущева. Родственные чувства оказались превыше всего для Хрущева».

О похищений Серовым короны в Германии пишет и Р. Медведев. Однако он указывает, что это была корона бельгийского королевского дома. «...Серов похитил ее в числе многих других ценных вещей, захваченных у фашистов. Без всякой огласки корона вернулась в Бельгию, а Серов потерял свой пост председателя КГБ. Но Хрущев не только отказался начать расследование всей прошлой деятельности Серова, многие годы работавшего на Украине, но назначил его начальником ГРУ — Главного разведывательного управления Советской Армии. Только через несколько лет в связи с разоблачением Пеньковского... И. Серов, покровительствовавший Пеньковскому, был снят со всех ответственных постов»¹.

К концу 50-х годов Н. С. Хрущева, активно изыскивающего средства для того, чтобы поправить экономику, объявившего непримиримую войну министерской бюрократии, неутомимого реорганизатора по делу и не по делу, все чаще посещает мысль о том не упразднить ли союзное Министерство внутренних дел, передав его

¹ Медведев Рой. Н.С. Хрущев. Политическая биография// Дружба народов. 1989. № 8. С. 172.

функции частично МВД союзных республик, а частично возложив на общественность.

Видимо, одним из шагов по осуществлению такого замысла было воссоздание в 1955 году МВД РСФСР, упраздненного в 1930 году. Кроме того, принимается ряд постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР об усиленном вовлечении общественности в охрану правопорядка и борьбу с преступностью.

1959 год прошел под знаком эйфории по поводу возможностей общественности в охране правопорядка (к этому времени в стране было 84 тыс. добровольных народных дружин, насчитывающих более 2 млн. человек).

МВД СССР в отчете в ЦК КПСС о борьбе с преступностью в 1959 году сообщало:

«В результате повышения роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка количество возбужденных милицией уголовных дел по сравнению с 1958 годом сократилось на 26,4%, а число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось на 33,8%». Обратите внимание: не количество преступлений уменьшилось, а количество дел, возбужденных милицией. Сами же цифры — за один год сокращение на одну треть — чем-то напоминают «большой скачок» в Китае. Правда, многие из нас помнят то время как далеко не спокойное с точки зрения обеспечения правопорядка. Да и МВД СССР чуть ниже в своем отчете в ЦК КПСС как-то стыдливо отмечает: «Снижение числа преступлений объясняется отчасти и тем, что органы милиции, руководствуясь указаниями партии и правительства о привлечении общественности к борьбе с преступностью, по многим преступлениям не возбуждали уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступные деяния, а передавали материалы на них в суды общественности... Всего в суды общественности милицией было направлено материалов о совершенных преступлениях и административных правонарушениях более чем на 150 тыс. человек».

С 1958 года вопрос о сокращении численности, а затем и о полном упразднении МВД СССР стал реальностью. 30 августа 1958 г. Комиссия Президиума Совета Министров СССР по текущим делам, рассмотрев вопрос

«Об итогах финансово-хозяйственной деятельности МВД СССР за 1957 год», поручила МВД СССР (т. Дудорову) рассмотреть поставленные Министерством финансов СССР вопросы по сокращению расходов на содержание организаций и учреждений МВД СССР и в месячный срок представить свои предложения в Совет Министров СССР.

В своей записке Министерство финансов СССР предлагало с 1 октября 1958 г. сократить штатную численность начальствующего (офицерского) состава по системе МВД СССР в целом не менее чем на 40 тыс. единиц, что позволит сократить расходы союзного бюджета на сумму около 100 млн. руб. в год. Было предложено упразднить Главное управление внутренних и конвойных войск, а также некоторые другие службы центрального аппарата, передав ряд его функций МВД союзных республик.

После этого были внесены еще более решительные предложения — упразднить совсем общесоюзное Министерство внутренних дел. 13 января 1960 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об упразднении Министерства внутренних дел СССР». Ряд его служб и функций были переданы МВД РСФСР и МВД других союзных республик; некоторые были упразднены. Служба МПВО передавалась в Министерство обороны СССР, Главное управление геодезии и картографии — Министерству геологии и охраны недр СССР, Главное архивное управление МВД СССР преобразовывалось в Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Документальные архивные материалы наркомата (министерства), отложившиеся с 1944 по 1960 год, были переданы на хранение в Главное архивное управление при Совете Министров СССР (конкретно в ЦГАОР СССР). Документы НКВД СССР за 1934—1943 гг. находятся на хранении в КГБ СССР.

Видимо, для руководства МВД СССР, в том числе и Н. П. Дудорова, упразднение министерства было полной неожиданностью. В декабре 1959 года ЦК КПСС примет решение об упразднении министерства. А за два месяца до этого — 8 октября 1959 г. — Коллегия МВД СССР постановила провести в первой половине февраля 1960 года Всесоюзное совещание работников органов

МВД, на которое было решено пригласить 350—400 человек, и рассмотреть вопрос об итогах работы органов МВД за 1959 год и их дальнейших задачах в свете решений XXI съезда КПСС.

За месяц до принятия решения о ликвидации министерства было проведено новое распределение обязанностей между министром, его заместителями и членами коллегии.

Пусть читатель обратит внимание, руководство какими подразделениями центрального аппарата министр оставил за собой: финансово-плановое управление, главная бухгалтерия, 1-й специальный отдел (ведал вопросами учета контингентов), 3-й специальный отдел (вопросы материальных ценностей), секретариат и юридический отдел. Таким образом, ни одна оперативная служба непосредственно на него не замыкалась. Это и не удивительно: строителю по профессии и прошлому опыту работы руководить таким министерством, как МВД, конечно, было нелегко.

Для проведения работы по упразднению МВД СССР была создана ликвидационная комиссия в составе: Засядько А. Ф. (созыв), Дудоров Н. П., Хруничев М. В., Гарбузов В. Ф., Переверткин С. Н., Стаханов Н. П., Кирюшин И. Н., Солодилов И. И. Деятельность министерства была прекращена с 1 мая 1960 г.

После сдачи дел МВД СССР Н. П. Дудоров 20 июля 1960 г. был назначен Генеральным правительственным комиссаром Всемирной выставки 1967 года в Москве. Острословы в связи с этим сочинили такую шутку: «Чем Н. П. Дудоров отличается от Ивана Сусанина? Сусанин завел врагов в болота, где погибли они, но погиб и он. Дудоров завел в 1960 году МВД СССР в болото, где оно погибло, а сам он остался жив и получил новое назначение».

Через два года в июле 1962 года Н. П. Дудорова утверждают в должности начальника Главка промышленности стройматериалов Мосгорисполкома. Здесь он проработал 10 лет, до 1972 года, когда ушел на пенсию. Изучая жизненный путь Николая Павловича после МВД СССР, я в 1988 году побывал на месте его последней работы в Главпромстройматериалов. Товарищи по службе характеризовали его как очень грамотного специалиста с хорошими человеческими качествами.

Однако жилось ему после ухода из МВД СССР не очень уютно. Будучи уже на пенсии в 1973 году, Н. П. Дудоров в своей рукописи с горечью указывает:

«Как только мне по долгу своей работы в МВД СССР и по велению сердца пришлось вскрыть все злодеяния Берии, Серова, Маленкова, Молотова, Кагановича, изложенные выше в моей повести, а главное после моего выступления на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года об антипартийной группе, так немедленно Дудоров стал подвергаться нападкам с их стороны и со стороны лиц, их поддерживающих, и эти нападки и расправа продолжаются и по сей день».

Через четыре года, в 1977 году, Николай Павлович Дудоров скончался.

11

Стаханов Николай Павлович

1955—1961 гг.

1901—1977

*Воссоздание
МВД РСФСР.
Пограничная
служба.
Встречи со
Сталиным.
Назначение
министром
внутренних дел
России.
Человеческие
качества.
Борьба с
преступностью
и охрана
правопорядка.
Процентомания.
Лагерные
заботы.
Обстоятельства
освобождения
от должности.
Хороший
семьянин.*

В истории НКВД (МВД) начиная с 1917 года и позднее были исторические отрезки времени, когда наряду с союзно-республиканским МВД в центре существовало и МВД РСФСР. Это было в 1955—1960 годах, а также после 1989 года.

Ранее, как уже упоминалось, НКВД РСФСР существовало в 1917—1930 годах, но не было такого министерства для всей страны. А затем наоборот: в 1934 году было создано союзно-республиканское НКВД СССР в центре, но не было такого наркомата (министерства) в РСФСР вплоть до 1955 года.

Когда в январе 1955 года было принято решение об образовании Министерства внутренних дел РСФСР, то МВД СССР вошло с предложением назначить на эту должность генерал-лейтенанта Стаханова Николая Павловича. Каков же жизненный путь этого человека, почему именно он стал министром внутренних дел России?

Н. П. Стаханов родился в 1901 году в г. Балашове Саратовской области. Его отец был учителем математики, а мать преподавала музыку. Окончив среднюю школу и поработав в 1919—1920 гг. конторщиком на железнодорожной станции, Николай Павлович в 1920 году уходит на службу в части особого назначения и тем самым связывает свою судьбу с военной службой на последующие 41 год. В 1927 году он оканчивает Рязанскую пехотную школу, через 20 лет — в 1947 году — Военную академию имени М. Ф. Фрунзе.

В личных документах Н. П. Стаханова имеется диплом, выданный ему в Рязанской пехотной школе состава РККА 20 февраля 1926 г. Он свидетельствует, что курсант младшего класса Стаханов Николай совер-

шил в составе команды школы военный лыжный пробег Рязань—Москва с 8 по 11 февраля 1926 г. на расстояние 200 км с непосредственным ходом на лыжах в течение 26 час. 40 мин.

Рядом лежит дипломная работа генерал-лейтенанта Н. П. Стаханова, выполненная в Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1946 году под названием «Организация и проведение контрподготовки». Эти два документа разделяют ровно 20 лет и большая дорога, которую прошел наш герой к тому времени.

Свыше 22 лет он служит в пограничных войсках, где благодаря своим высоким деловым и политическим качествам успешно прошел путь от помощника начальника заставы, начальника пограничного отряда, начальника пограничных войск НКВД Приморского округа до начальника пограничных войск страны, которые он возглавлял в течение 10 лет — с 1942 по 1952 год.

В своих воспоминаниях Н. П. Стаханов сообщает о том большом внимании, которое придавало правительство надежности охраны государственной границы.

«В 1950 г.,— пишет он,— Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин лично заслушал мой доклад, как начальника Главного управления пограничных войск, о состоянии охраны западной границы СССР. В один из вечеров в 23.00 мы... были вызваны в Кремль для доклада И. В. Сталину. В кабинете кроме И. В. Сталина присутствовали два его заместителя.

Доклада как такового не было. Он носил форму вопросов и ответов. И. В. Сталин в течение полутора часов очень подробно и обстоятельно расспрашивал о состоянии охраны западной границы по отдельным ее участкам — в Прибалтике, на границе с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией, интересовался количеством сил, охраняющих каждый из этих участков, количеством пограничных отрядов, комендатур, линейных застав, их численностью, наличием резервных подразделений, состоянием инженерно-технического оборудования границы и многими другими вопросами.

Когда были приведены цифры, характеризующие плотность охраны границы до и после войны, он выразил удовлетворение по поводу того, что существующая плотность охраны выше довоенной...

Единственным документом, к которому мы обращались в ходе доклада, была дислокационная карта участков западной границы с короткой легендой к ней. Подготовленная нами пухлая папка с различными справками, сводными данными, расчетами оставалась нераскрытой.

Не делая никаких выводов и замечаний по моему докладу, И. В. Сталин, не обращаясь ни к кому, как бы отвлеченно сказал, что тот, кто высказывает мнение, будто западная граница теперь уже не имеет большого значения, глубоко заблуждается.

В конце доклада И. В. Сталин, показав на дальневосточную границу на карте, заметил, что нельзя снижать внимания и к этому участку, так как он также очень удобен иностранным разведкам для заброски агенты в Советский Союз.

Осенью 1952 г. И. В. Сталин вновь потребовал доложить о состоянии охраны границы, на этот раз на Черноморском побережье Кавказа. До этого на участке границы по Черноморскому побережью было задержано несколько агентов, заброшенных из Турции при помощи плавсредств.

В район Сухуми, где И. В. Сталин отдыхал, вылетели для доклада министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев и я как заместитель министра по войскам. Сталина интересовала система и состояние охраны границы по Черноморскому побережью, а также наличие пограничных кораблей и катеров, их типы, вооружение и оснащение, применение в охране морской границы технических средств — прожекторов, радиолокационных станций и т. д.

Он предложил дать на каждую береговую заставу небольшие катера, продумать способы их укрытия и подъема на берег во время штормов, что и было сделано»¹.

Большой опыт и широкая эрудиция дали основание к тому, чтобы в августе 1952 года назначить Н. П. Стаханова заместителем министра и членом

¹ Стаханов Н.П. Пограничные войска в Великой Отечественной войне. 50 лет на страже границ Советского государства. М., 1969. С. 65—67.

Коллегии МГБ СССР. В марте 1953 года Н. П. Стаханов был утвержден членом Коллегии МВД СССР и начальником Главного управления милиции. В 1954 году он становится первым заместителем министра внутренних дел СССР, продолжая возглавлять милицию страны. С февраля 1955 по июль 1961 года, т. е. свыше шести лет, он — министр внутренних дел РСФСР.

Какие качества личности были больше всего присущи ему? Из служебной характеристики генерал-лейтенанта Стаханова Н. П., подписанной заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником Аполлоновым А. Н. 13 ноября 1946 г.:

«Тов. Стаханов за время командования пограничными войсками МВД провел большую работу по усовершенствованию охраны государственных границ и возведению инженерно-технических сооружений. Большое внимание уделяет оперативно-разведывательной работе, руководит ею конкретно, принимая личное участие. В служебно-оперативной обстановке ориентируется быстро и правильно. Политически развит. В партийно-общественной жизни принимает активное участие. Грамотный, культурный генерал. Дисциплинирован. Нисколько упрям, не коллегиален, мнения своих ближайших помощников — заместителей выслушивает редко. Учитя на 3 курсе Военной академии имени Фрунзе. Имеет достаточный опыт в руководстве частями пограничных войск.

Занимаемой должности соответствует»¹.

А вот выпускная аттестация на слушателя 3-го курса вечернего обучения Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-лейтенанта Стаханова Николая Павловича, награжденного к тому времени орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I и II степени и медалями. Занимаемая должность — начальник Управления погранвойск МВД СССР.

«Дисциплинирован, выдержан, в обращении с равными и ниже вежлив и тактичен. Общее, военное и политическое развитие хорошее. К учебе относится исключительно добросовестно и прилежно, способный и быстрорастущий. Курс академической программы

¹ См.: Личное дело Н.П. Стаханова. Л. 26.

усвоил отлично. Дипломную работу защитил на отлично. Тактико-технические данные специальных родов войск усвоил отлично и взаимодействие в бою организовать может.

Методом марксизма-ленинизма владеет хорошо и в практической деятельности применяет его умело.

...Вполне подготовленный общевойсковой генерал в масштабе стрелковой дивизии — стрелкового корпуса и ознакомлен с армейской наступательной операцией.

В оперативно-тактической подготовке ориентируется быстро, боевое решение принимает продуманно и грамотно. Техникой штабной службы владеет хорошо. Навыки в научно-исследовательской работе имеет. Командный язык четкий. Тактику и боевую технику важнейших иностранных армий знает хорошо.

Государственный экзамен за академический курс сдал с общей оценкой отлично и получил диплом с отличием и золотой медалью.

Вывод: может быть использован на должностях: командира стрелкового корпуса, начальника штаба армии, заместителя командующего армией.

Начальник 3 курса
генерал-майор — Мерзляков
27 января 1947 года»¹.

Итак, золотая медаль за Академию — значит не глуп. «Несколько упрям», — как пишет крупный руководитель министерства А.Н. Аполлонов. Конечно, упрямство — не достоинство, но у Н. П. Стаханова оно проявляется и как упорство в достижении цели и, в известной мере, из недостатка превращается в достоинство.

Еще один пласт, который характеризует человеческие качества Н. П. Стаханова. Был у него в детстве друг — Павел Грошев. Жили они в г. Балашове на одной улице через несколько домов друг от друга, были неразлучны. Вместе учились в школе, потом вместе служили в ЧОН², затем судьбы их разошлись. Один — Стаханов — стал большим начальником, другой — Грошев — остался рядовым человеком. Но характер своих первоначальных отношений они пронесли через

¹ Личное дело Н.П. Стаханова. Л. 27.

² ЧОН — части особого назначения.

всю жизнь. И здесь, думаю, главная заслуга принадлежит Николаю Павловичу — не зазнался, не побрезговал, как говорят в народе. Павел Грошев тоже сохранил к нему очень добрые отношения и, по словам дочери, оценивал его так: «Умен, красив, воспитан, одним словом — порядочный»¹.

Передо мной три личных письма Н. П. Стаханова Павлу Грошеву, любезно предоставленные дочерью последнего, жительницей г. Балашова Калашниковой Зинаидой Павловной. В первом письме, адресованном в армию и датированном 18 июня 1945 г., начальник пограничных войск и Главного управления погранвойск МВД СССР сорокачетырехлетний генерал-лейтенант Стаханов писал: «Здравствуй, Павлушка! Совершенно неожиданно получил твое письмо, которое ты мне послал еще 16 апреля. Ты не представляешь, как это мне было дорого. Детство и юность, проведенные вместе, не могут никогда изгладиться из памяти. Очень жаль, что не восстановилась эта связь раньше... Пиши, Павлуша, повторяю, очень и очень буду рад!»

В одном из очередных писем тот же Павел Грошев просил у Н. П. Стаханова содействия в устройстве судьбы своего сына — офицера войск МВД СССР младшего лейтенанта Грошева Геннадия Павловича. Ответ Н. П. Стаханова в письме от 18 мая 1951 г. является, на наш взгляд, весьма характерным.

«...По поводу Геннадия. Твое беспокойство и твои планы, как поставить его на ноги правильны, но сейчас послать его в военное училище сразу же после окончания курсов нельзя. Да и вообще нет такого порядка, чтобы офицеров (а он уже теперь офицер) посылали в военное училище, туда принимают или солдат и сержантов, или прямо по призыву. Геннадию надо будет теперь послужить в части годика 2—3, а потом можно будет послать в школу усовершенствования, куда направляют офицеров. Такие школы у нас есть и, буду жив, в этом тебе в свое время помогу, а сейчас рано пока об этом думать.

Вторая твоя просьба — оставить его при училище. Мне кажется, это совсем не следует делать. Если ты хочешь, чтобы он выходил в люди, то надо ему работать

¹ Из письма З.П. Калашниковой к автору книги.

в войсках, получать необходимую практику и там расти. Работая в училище, он этого не получит.

Вообще родители частенько стараются пристроить своих детей куда-нибудь, где потише, и этим только вредят им.

Давай, Павлуша, договоримся с тобой так — пусть он едет и работает там, куда пошлют, пусть старается и работает хорошо, чтобы его ценили, пусть не боится трудностей, а потом можно будет легко устроить его и учиться дальше. Ты воздействуй на него в этом направлении и держи меня в курсе дела.

Коротко о себе. Старею и я понемногу, хотя еще на здоровье особенно жаловаться не могу. Работать приходится очень много, так что почти нигде не бываю, даже охоту забросил...»

Возвращается к судьбе Г. П. Грошева Николай Павлович и еще раз в письме от 18 июня 1957 г. Теперь он уже более двух лет является министром внутренних дел РСФСР.

«Здравствуй, дорогой Павлуша!

Получил твое письмо о Геннадии. Рад помочь чем смогу. Я попросил товарищей, в подчинении которых он служит, навести все нужные справки и вот как обстоит дело.

Характеризуется он хорошо и об увольнении нет и речи. Звание очередное ему действительно не присвоили в связи с низкой подготовкой и общеобразовательной и военной и твое беспокойство восполнить этот пробел прошлого вполне своевременно. Мне сказали, что в этом году он закончил восьмой класс средней школы, и это очень хорошо. Дело в том, что есть такое положение, чтобы тем, у кого нет среднего образования (и общего, и военного, а военное у него девятимесячная школа мл. лейтенантов), звание следующее присваивать нельзя. Вот и он оказался в числе этих лиц, хотя по работе заслуживает следующего звания.

Мы договорились так с его начальством в Москве: создать ему условия, чтобы он смог закончить десятилетку (видимо, вечерами); получить аттестат зрелости и тогда ему пойдут звания, как и положено. Сейчас посылать на курсы усовершенствования по военной линии не следует, сорвем учебу в средней школе. На

военные курсы можно послать через 2 года, когда окончит десятилетку. А это сделать просто необходимо, он тогда станет на твердые ноги.

Его начальству в Челябинске-40 об этом скажут, а ты, Павлуша, и сам напиши ему. Главное, чтобы учился, иначе, конечно, может остаться за бортом».

Согласитесь, читатель, что такая позиция министра внутренних дел России по отношению к офицеру МВД — сыну своего давнего друга — является действительно государственной, партийной и заслуживает всяческого уважения. Не тащить за уши, не ловчить и быть добреньким вопреки интересам общества, как это нередко бывает, а проявлять заинтересованную требовательность и внимание.

История эта имеет свое продолжение и логическое завершение. Так случилось, что мне, тогда начальнику политотдела полка майору Некрасову В. Ф., в 1962—1966 гг. довелось служить в одной из воинских частей МВД вместе с Г. П. Грошевым, о котором шла речь в переписке. Это был очень порядочный человек и солидный, надежный офицер, хотя и с небольшим образованием и воинским званием. Как и советовал Н. П. Стаханов, он окончил вечернюю среднюю школу, сдал экстерном экзамены за курс военного училища. В настоящее время подполковник запаса Грошев Г. П. находится на пенсии.

Вот такой стиль в работе с людьми, в обращении с товарищами был присущ Н. П. Стаханову. Наконец, хотелось бы привести еще одно свидетельство очевидца, знавшего Николая Павловича. Уже упоминавшийся ранее А. Д. Зверев, работавший в то время в аппарате ЦК КПСС, характеризует Н. П. Стаханова как человека культурного, эрудированного, скромного, корректного, доброжелательного к людям, спокойного, профессионально подготовленного, хорошо знающего свое дело.

А теперь попробуем рассмотреть наиболее характерные черты служебной деятельности министра внутренних дел РСФСР Н. П. Стаханова.

Первая половина 1955 года в основном ушла у него на решение организационных вопросов. Сначала были подобраны заместители министра — Абрамов И. Н., Богданов Н. К., Куреев А. В., Усов М. А. Структура

Н.П. Стаханов в рабочем кабинете. Диплом, выданный Н.П.Стаханову.

центрального аппарата МВД РСФСР сложилась так: семь управлений — милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы МПВО, кадров, архивное и хозяйственное; шесть самостоятельных отделов и три других подразделения.

Из 820 единиц, выделенных для формирования центрального аппарата МВД РСФСР, к маю 1955 года было назначено 646 человек.

Заседание первой Коллегии МВД РСФСР под руководством Н. П. Стаханова состоялось 31 мая 1955 г. Она обсудила вопрос «О состоянии уголовной преступности в РСФСР и мероприятиях по усилению борьбы с ней» и приняла соответствующее решение.

Обращает внимание, что модель министерства, функции центра и мест отработаны были слабо и перекос, как всегда, шел в сторону чрезмерной централизации. Например, в номенклатуру МВД РСФСР был взят излишне большой диапазон должностей. Так, в протоколе № 1 заседания коллегии от 10 января 1956 г. мы находим вопрос об утверждении в должности начальника Мелекесской детской трудовой колонии УМВД Ульяновской области майора Чеснокова П. П. Разве это вопрос для Коллегии МВД такой громадной республики, как Россия? Причем тут майор Чесноков П. П., когда сотни крупных неотложных дел случались в дверь коллегии, но она для них не открывалась.

Годы сталинского диктата, когда и гвоздь можно было забить в стену лишь по указанию, не прошли даром. Даже фантазия от реальности отходила лишь на полшага. Когда в 1955 году в МВД РСФСР обсуждался вопрос по расширению прав мест, то вносились, например, такие предложения: разрешить министрам внутренних дел автономных республик и начальникам УМВД краев и областей командировывать в случае необходимости сотрудников подчиненных органов в другие области (за исключением Москвы); предоставить право присвоения званий до капитана включительно министрам внутренних дел союзных республик и т. д.

Следует отметить и такой момент. Анализ протоколов Коллегии МВД РСФСР за ряд лет показывает, что многие вопросы, выносимые на рассмотрение, не являлись крупными, носили частный характер. На

заседаниях по очереди заслушивали одно УМВД за другим. В то же время принципиальные вопросы совершенствования стиля деятельности всей системы по существу не рассматривались. Возможно, сказывалось наличие наверху МВД Союза, где вопросы стратегии были представлены более выпукло. Правда, справедливости ради следует отметить, что сама жизнь активно учила руководителей. Так, в августе 1956 года был издан приказ о сокращении на 45 % номенклатуры должностей руководящих работников, назначаемых и освобождаемых приказами МВД РСФСР.

В докладе МВД РСФСР Совету Министров России от 5 апреля 1956 г., подписанном Н. П. Стахановым, свои основные задачи министерство сформулировало так:

1. Решительное улучшение работы по борьбе с уголовной преступностью в стране и обеспечению общественного порядка.

2. Коренное изменение всей системы содержания, воспитания и приобщения к труду заключенных.

Каково было реальное состояние дел по этим направлениям?

В 1955 году по сравнению с 1954 годом преступность в РСФСР возросла со 190,6 тыс. до 215,5 тыс. случаев или на 13%, а раскрываемость преступлений составила 85,5%. Особое недовольство граждан вызывало большое количество случаев хулиганства на улице и в общественных местах.

В связи с таким положением МВД РСФСР предлагало предусмотреть к разного рода нарушителям усиление мер общественного воздействия вплоть до таких сомнительных, как предоставление уличным и домовым комитетам права выносить решение о выселении отдельных лиц, допускающих недостойное поведение, из города на определенный срок; предоставление органам милиции возможности подвергать лиц за хулиганское поведение административному аресту до 30 суток; установление уголовной ответственности за мелкую спекуляцию. Предусматривалось упрощение структуры органов: объединение на местах управлений МВД и милиции, которые ранее существовали отдельно, упразднение в областных центрах городских управлений милиции; значительное сокращение управленческого

аппарата и укрепление за счет этого органов на местах; повышение зарплаты работникам милиции; укрепление кадров милиции за счет направления на работу 100 тыс. коммунистов и комсомольцев; повышение технической оснащенности органов милиции (автотранспорт, телефонная и радиосвязь), дополнительный отпуск средств на строительство служебных и жилых помещений. Беды и нужды, как видим, во многом сходные с нашим временем.

Например, на 1955 год на все органы внутренних дел РСФСР было выделено лишь 56 легковых автомобилей ГАЗ-69. Из 3445 городских и районных отделов и отделений милиции были обеспечены одной легковой или грузовой автомашиной около 2240, что составляло 65%, а 330 поселковых отделений милиции не имели транспорта вообще. В 1954—1955 гг. органы милиции Алтайского края не получили ни одной автомашины.

К сентябрю 1957 года 21 МВД — УВД Российской Федерации своих телефонных станций не имели, а обеспечивались связью на договорных условиях. К этому времени лишь 4,8% милицейских постов были телефонизированы (раций тогда практически не было), только 7,8% участковых уполномоченных имели служебные телефоны.

В одном из выступлений Н. П. Стаханов сказал: «Дело со связью вообще у нас крайне запущено. Даже в таких городах, как Казань, Свердловск, Хабаровск, Новосибирск, Сталинград, Ярославль, нет ни одного телефонизированного поста милиции».

Так что истоки у застарелой болезни милиции — плохой технической оснащенности — давние. Сегодня это тоже одно из приоритетных направлений, которое может продвинуть дела милиции далеко вперед.

25—27 октября 1956 г. МВД РСФСР провело Всероссийское совещание работников органов внутренних дел, в котором приняли участие 820 человек. Рассматривался вопрос о перестройке работы местных учреждений внутренних дел. Это было первое такое представительное совещание после образования МВД РСФСР. На нем с докладом «О недочетах в работе МВД РСФСР и мероприятиях по улучшению работы» (так в тексте.— В.Н.) выступил Н. П. Стаханов. Обращает внимание,

что доклад был длинным, на 91 странице, и довольно нудным. Анализ шел не по крупным проблемам, а представлял подробное перечисление всех линий работы. Говоря, в частности, о стремлении некоторых начальников создать видимость благополучия, попытке подменить действительную работу мнимой, Н. П. Стаханов призывал не пытаться манипулировать с цифрами, а, засучив рукава, браться за организацию дела и в первую очередь агентурной работы, наружной службы, привлечение общественности.

«За последнее время,— указал министр,— мы слушали на Коллегии МВД РСФСР многих начальников УМВД по различным вопросам... И, к сожалению, все эти руководящие товарищи нетерпимо плохо знали существо обсуждаемых вопросов. Они, как правило, добросовестно зачитывали справки, составленные кем-то, и проявляли полную беспомощность в ответах на вопросы, когда шпаргалка уже не выручит. Чувствуется во всем, что эти товарищи очень поверхностно руководят делами УМВД, отдали их на откуп своим заместителям, начальникам управлений, отделов... Это скорее почетные шефы. В этом, в значительной мере, надо искать причину и наших серьезных недочетов в работе... Вина за это лежит, прежде всего, не на начальниках УМВД, а на той порочной системе руководства, которая десятилетиями культивировалась во всей системе МВД, и до некоторой степени еще жива... В самом деле, разве не до последнего времени руководство шло из Москвы сверху вниз самостоятельно по каждой линии работы, минуя, как правило, начальника УМВД... Надо с этим покончить, а начальникам УМВД, министрам автономных республик основательно взяться за детальное освоение дел по всем линиям работы... И тогда, бесспорно, дела пойдут куда успешнее». Отмечалось, что значительная часть работников местных органов, особенно участковых уполномоченных, а также начальников лагерных подразделений не отвечает предъявляемым требованиям. Даже среди начальников горрайорганов и их заместителей около половины не имеют необходимого образования. 20% работников уголовного розыска имеют образование в объеме начальной школы, а более половины не получили необ-

ходимой подготовки в оперативных школах. Свыше 40% работников следственных аппаратов не имеют юридической подготовки. Требования по этому вопросу на совещании сформулированы были так: на работу в милицию принимать имеющих общеобразовательную подготовку не ниже 7 классов. На руководящие должности милиции следует назначать работников, как правило, имеющих образование не ниже среднего.

Выступивший на совещании министр внутренних дел Башкирской АССР И. А. Кожин, говоря о стиле работы МВД СССР и МВД РСФСР, отметил, что с образованием министерства Федерации стало больше живой связи, быстрее решаются вопросы. Но ожидаемого значительного улучшения руководства не произошло. Поток приказов и директив не сокращается, а растет. Раньше из одного центра на места шел поток бумаг, теперь — из двух. Может быть, теперь в двух министерствах приказы и директивы готовить стало проще, но им от этого легче не стало. Выступающий, в частности, критиковал отдел детских колоний МВД РСФСР, который подавил всех отчетами, установив в год 42 вида отчетности.

Было отмечено, что выезды работников центра в периферийные органы носят характер простого фотографирования положения дел с уклоном побольше набрать недостатков и негативных фактов.

В вопросах, поставленных на совещании, остро говорилось о неудовлетворительном материальном положении работников органов внутренних дел и принижении их авторитета, плохой форменной одежде для милиции.

Как видим, проблемы стары и продвинулись в их разрешении за эти годы мы немного.

В то время, как и сейчас, активно обсуждался вопрос о том, каким быть следствию. Так, 24 мая 1958 г. Н. П. Стаханов вместе с четырьмя руководителями МВД — УВД направили письмо в ЦК КПСС на имя Л. И. Брежнева, который на совещании 22 мая 1958 г. просил практических работников изложить свои мнения по вопросу о реорганизации следственного аппарата.

Авторы записки отметили, что передача следствия и следственных органов из милиции в прокуратуру нецелесообразна, так как это отрицательно скажется на

результатах борьбы с уголовной преступностью, и прежде всего на раскрываемости преступлений, приведет к отрыву следственной работы от оперативной. Следственный аппарат в милиции, по их мнению, нужно было не только сохранить, но и усилить.

Теперь о второй проблеме — режиме содержания, трудовом использовании и перевоспитании заключенных.

Министерство внутренних дел РСФСР констатировало, что требования по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД выполняется неудовлетворительно. В связи с этим предлагалось заключенных из числа уголовно-бандитствующих элементов содержать на строгом тюремном режиме, лишить каких-либо льгот по досрочному освобождению. Полностью изолировать их от остальных заключенных.

Другую часть контингента — осужденных впервые за малозначительные преступления содержать в ИТК тех республик, краев и областей, где они совершили преступления или были осуждены. В этих колониях установить облегченный режим, предоставить положительно зарекомендовавшим заключенным право проживать за зоной колонии с семьями, давать им отпуска и применять другие меры поощрения. Предусматривалось в колониях создать собственное производство. Использование заключенных на контрагентских работах, в лесной промышленности, на строительстве и других временных работах с 1958 года прекратить. Однако последняя идея этих предложений, подписанных Н. П. Стахановым, оказалась совершенно утопической.

Численность заключенных в России в эти годы выглядела так: на начало 1958 года в ИТУ содержалось 616 тыс., через год — 690 тыс. (в том числе за контрреволюционные преступления около 11 тыс. человек, или 1,6% от общего числа). Из-за отсутствия фронта работ в это время 44,5 тыс. заключенных не работало. К октябрю 1959 года в ИТУ находилось уже 750 тыс. человек.

Как сейчас, так и тогда, сложным делом для страны было накормить народ, а заключенных хотя бы более-менее содержать прилично. Исходные данные вроде бы для этого были: земли в РСФСР много, в зоне людей постоянно с избытком, им бы и кормить себя. Но

Сухуми. 1951 год. Слева направо: Н.П. Стаханов, Н.С. Хрущев,
С.Д. Игнатьев.

система часто пробуксовывала, и организационные формы для решения, как, кстати, и теперь, этой проблемы найдены не были. Во всяком случае, вопрос питания осужденных для исправительно-трудовых учреждений всегда был острым. А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» в целом справедливо говорит об этом.

МВД во все времена то с подъемом, то с затуханием стремилось развивать сельскохозяйственное производство, однако идея «пусть заключенные, находясь что ни на есть на земле, кормят себя сами» никогда в полном объеме не реализовывалась. И исправительно-трудовые учреждения постоянно тянут продовольственные соки из страны, ухудшая и без того сложное положение.

Когда министром внутренних дел РСФСР стал Н. П. Стаханов, состояние дел, если обратиться к цифрам, выглядело так. На апрель 1955 года в МВД РСФСР имелось 52 сельскохозяйственных подразделения с наличием всех земель около 190 тыс. га, в том числе пашни 80 тыс. га, лугов и пастбищ около 57 тыс. га. Содержалось почти 19 тыс. голов крупного рогатого скота. Цифры вроде бы и впечатляют. Однако, как отмечалось на одном из заседаний Коллегии МВД РСФСР того времени, большинство имеющихся сельскохозяйственных подразделений по своим размерам были мелкими, технически слабо оснащенными, работали нерентабельно.

Автору этих строк уже в другое время, в 70-е годы, в силу служебной необходимости довелось познакомиться с развитием сельскохозяйственного производства во многих ИТУ. Особенно запомнилось посещение поселка Бор Воронежской области. Это заповедное место с исключительно большим слоем чернозема.

Не знаю достоверно, но, по некоторым данным, фашисты, захватив подобные земли в Великую Отечественную войну, эшелонами отправляли наш чернозем в Германию.

Мы приехали в колонию вместе с начальником УВД и увидели следующее. В колонии общего режима, наполняемость по норме 1500 человек, содержалось 2 тыс. осужденных (значит, все приведенные в движение социальные машины работали сверхисправно). При этом 500 человек не были обеспечены работой. Мужчи-

ны слонялись на благодатной земле без дела. Когда же мы попросили показать подсобное хозяйство учреждения, то увидели пять или семь (за давностью точно не помню) паршивых поросят с закрюченными от бескормицы хвостами.

В обкоме партии и облисполкоме я покритиковал начальника УВД за такое состояние дел. Однако он воспринял это по-своему и заявил, что тем самым органы внутренних дел ориентируют не на борьбу с преступностью, а на выращивание поросят. Но слова словами, а дела делами. Кормить заключенных все равно нужно, и тянут многие из них свой незаработанный кусок, как те 500 мужчин, со скудного и без того общего для страны стола. Где же мы найдем того крестьянина, который все это вырастит и к которому все идут с протянутой рукой? Примерно такое же положение, к сожалению, во многих местах остается и сегодня.

Так и получается, что неухоженной земли в стране много, неработающих среди осужденных тоже много. Но найти эффективные организационные формы решения данной проблемы уже многие годы не можем.

Показатели борьбы с преступностью в 1955—1960 гг. по РСФСР были очень неровными, скачкообразными.

Так, в 1956 году по сравнению с 1955 годом уголовная преступность в РСФСР возросла на 39,2%, а по наиболее тяжким преступлениям — на 21,1%.

Зато в 1959 году по сравнению с 1958 годом количество преступлений по статистике уменьшилось на 27,1%, а по наиболее опасным — на 24,5%. Можно было бы бить в победный барабан, но вот какая произошла завышка: в первом полугодии 1960 года по сравнению со вторым полугодием 1959 года количество наиболее опасных преступлений вновь увеличилось на 22,6%. В общем, если верить статистике, то штормило, как в океане. На самом же деле здесь было все. Было манипулирование цифрами в угоду конъюнктурным соображениям. Посмотрите, например, как лихо росла общая раскрываемость преступлений: 1956 год — 87,4%; 1957 — 89,4; 1958 — 90,6; 1959 — 93,8%. В жизни, конечно, это было иначе, но все делали вид, что это действительно так.

Сумятица названных цифр отражала также и те шатания во взглядах на пути укрепления правопорядка, которые были наверху, начиная с Н. С. Хрущева. 5 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка». В ряде мест всерьез решили не дополнять милицию силами общественности, а заменить милиционера дружинником, различными общественными комиссиями.

22 октября 1956 г. Н. П. Стаханов победно рапортовал ЦК КПСС о сокращении органов внутренних дел почти на 7 тыс. единиц. 10 октября 1958 г. МВД СССР на основании постановления союзного правительства предложило МВД РСФСР сократить штатную численность милиции по России на 14 331 единицу, что и было сделано. Это составило 11% от общего количества. Милиция Ленинграда и области, например, была сокращена на 950 единиц. Всего за 1958—1959 гг. численность органов внутренних дел России была сокращена на 15 682 единицы с годовым фондом зарплаты 163 млн. руб. Но такая экономия народу обошлась дорого.

Наверху нарастало недовольство деятельностью Н. П. Стаханова.

4 августа 1960 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление по вопросу борьбы с уголовной преступностью в РСФСР и политико-воспитательной работе в местах заключения. В нем отмечалось, что МВД РСФСР неудовлетворительно выполняет ранее принятые постановления по этим вопросам, в результате чего в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка, а также в работе исправительно-трудовых учреждений продолжают иметь место крупные недостатки.

Коллегия МВД, министр Н. П. Стаханов самокритично признали, что, довольствуясь статистическими данными о некотором снижении преступности в 1959 году, МВД РСФСР и его местные органы допустили послабление в отношении лиц, совершивших опасные преступления, нередко передавали на перевоспитание общественности опасных преступников, в том числе ранее судимых, и даже рецидивистов, и не принимали необходимых оперативных мер по борьбе с преступ-

ностью в тех местах, где она была наиболее распространена.

Этим решением Н. П. Стаханов был наказан, первый звонок для него прозвенел.

В январе 1960 года МВД СССР было упразднено. При этом объем задач МВД РСФСР значительно возрос. В него влились специальная милиция, пожарная охрана, внутренние и конвойные войска, учебные заведения, окружные управления военного снабжения МВД РСФСР.

В связи с этим была пересмотрена структура центрального аппарата. Он вырос до 1380 единиц.

Н. П. Стаханов старательно осваивает новый круг дел, хотя будущее уже не за ним. В 1961 году ему исполнилось 60 лет, достигнут пенсионный возраст.

Но дело не столько в этом. 3 июля 1961 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР, рассмотрев состояние партийно-политической работы и воинской дисциплины во внутренних войсках, внутренней и конвойной охране МВД, оценило их как неудовлетворительные и освободило руководителей войск от работы. Но этим дело не ограничилось.

Как отмечено в постановлении, бывший министр внутренних дел РСФСР т. Стаханов, зная о неудовлетворительном состоянии воинской дисциплины, многочисленных фактах чрезвычайных происшествий и нарушений социалистической законности в войсках и охране, не принимал решительных мер к наведению должного порядка, передоверив этот важный участок работы своему заместителю Александрову, а Александров, проявив беспринципность в работе, оказался не в состоянии справиться с возложенными на него обязанностями... Стаханов и Александров освобождены от занимаемых должностей, как не обеспечившие порученного участка работы.

На мой взгляд, освобождение Н. П. Стаханова от работы за положение дел в войсках было довольно надуманным. Войска перешли в его ведение в связи с ликвидацией союзного министерства лишь полтора года назад. За это время он, естественно, не успел их ни укрепить, ни развалить. Видимо, просто решили выдать ему по совокупности за все дела, которые в общем-то шли не очень здорово, но не только по его вине.

Поэтому многие руководящие работники министерства были несогласны с таким решением, открыто говорили, что Н. П. Стаханова сняли с работы не по делу.

Об этом свидетельствуют и приводимые ниже отрывки из выступлений высокопоставленных партийных работников.

Из выступления В. М. Чураева, заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, на совещании в МВД РСФСР в августе 1961 года:

«...Где был министр? Я лично со Стахановым беседовал, спрашивал, почему Вы такой безрукий. Он говорит, что не знал, что Александров плохо работал, что он ленивый. Когда произошло это дело, ЦК партии решил послушать, как выполняется решение ЦК, и пришел к выводу снять этих лиц, и вошел с предложением в Президиум освободить их, как не справившихся с работой».

Из выступления заведующего отделом ЦК КПСС В. И. Тищенко:

«Почти все присутствующие на этом активе присутствовали также и на прошлом активе, где обсуждалось постановление ЦК КПСС от 4 августа (1960 года.— *В.Н.*). Причем, выступавшие товарищи заверяли ЦК в том, что исправят положение, и признавали, что правильно был наказан товарищ Стаханов за неудовлетворительное руководство работой по борьбе с преступностью в РСФСР, хотя сам товарищ Стаханов не понял тогда этого.

...Если товарищ Алейников (начальник внутренних войск МВД РСФСР.— *В.Н.*) не понял постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР, не понял, за что освободили тов. Стаханова от работы... (его перебивает реплика В. М. Чураева: «Если не понял, то это полбеда, а если не согласен, то это уже другое дело»).

Тищенко: «Формально он признал правильность этого решения, а на деле ищет оправдания.

Кстати говоря, освобождение тов. Стаханова от работы в какой-то мере накладывает моральную ответственность и на актив, здесь присутствующий. Конечно, тов. Стаханов не проявил достаточно организаторских способностей по осуществлению указаний ЦК КПСС, но в этом повинны в значительной мере и многие

товарищи, которые допускают ошибки и недостатки в своей работе. Поэтому решение Бюро ЦК КПСС об освобождении тов. Стаханова надо понять правильно».

Так что войска Н.П. Стаханова подняли (это были пограничные войска), они же его и опустили (только это были уже внутренние войска).

21 июня 1961 г. протокол заседания коллегии МВД РСФСР подписывает еще Николай Павлович, а 8 августа — уже новый министр В. С. Тикунов, о котором пойдет речь в следующем очерке.

Н. П. Стаханов становится пенсионером. Он отдыхает, пишет воспоминания о службе в погранвойсках, занимается семьей. Семьянином он, кстати, был очень хорошим. В 1977 году Николай Павлович скончался.

Ныне здравствуют родственники Н.П. Стаханова, которых я долго разыскивал. Это его жена Картушева Раиса Евсеевна, сын Александр, дочь Наталья и их потомки.

12

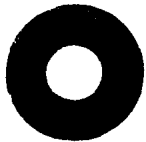
Тикунов Вадим Степанович

1961—1966 гг.

1921—1980

Единственный юрист из всех наркомов (министров). Усиление требовательности к аппарату и местным органам. О резиновой палке, наручниках и взрывчатых пакетах со слезоточивым газом. Неудача с переименованием войск. Солженицын у Тикунова. Отношения с Брежневым. Кому быть министром внутренних дел Союза. Несостоявшееся выступление на Пленуме ЦК КПСС. Дипломатическая служба.

дной из особенностей деятельности В.С. Тикунова на посту министра внутренних дел РСФСР по сравнению с Н.П. Стахановым, о котором говорилось в предыдущем очерке, являлось отсутствие к этому времени МВД Союза. А это означало, что за министром были теперь не только разработка вопросов тактики действий, но и определение стратегии министерства в вопросах борьбы с преступностью и охраны правопорядка.

Другое существенное обстоятельство, которое следовало бы отметить, заключалось в том, что в лице В.С. Тикунова к руководству Министерством внутренних дел впервые за все годы Советской власти вплоть до наших дней пришел юрист. Это, несомненно, придавало всей его деятельности больший профессионализм, создавало благоприятные предпосылки для успеха в работе.

Вадим Степанович Тикунов родился в апреле 1921 года в г. Ульяновске. Его отец — Тикунов Степан Петрович, 1895 года рождения, русский, служащий, работал в различных советских организациях, в том числе долгие годы — главным бухгалтером Южно-Казахстанской облпромкассы. Мать — Тикунова Елена Афанасьевна, 1896 года рождения, была домашней хозяйкой.

В 1939 году В. С. Тикунов поступил и в 1942 году успешно окончил Алма-Атинский юридический институт. В августе 1942 года, еще до окончания института, был избран секретарем Актюбинского обкома ЛКСМ Казахстана. В марте 1944 года он переходит на работу в ЦК ВЛКСМ сначала инструктором, а затем руководителем группы отдела пропаганды и агитации.

В сентябре 1945 года Вадим Степанович был избран вторым секретарем ЦК комсомола Эстонии. С марта 1947 года работал первым секретарем Владимирского обкома ВЛКСМ, с февраля 1951 года вторым секретарем Владимирского горкома ВКП(б), с января 1952 года секретарем Владимирского обкома ВКП(б).

В январе 1990 года мне довелось беседовать с бывшим секретарем Владимирского обкома ВЛКСМ К. Г. Лапшиным, работавшим одновременно с В.С. Тикуновым в комсомоле. По его словам, Вадима Степановича в те годы отличала смелость в постановке вопросов, страсть к живым конкретным делам, способность зажечь и сплотить вокруг себя людей на их решение, а также упорство в достижении цели.

Например, в марте 1948 года в г. Владимире проходил I Всесоюзный слет юных садоводов, на котором были подведены первые итоги начатого движения «Украсим Родину садами». По предложению секретаря обкома ВЛКСМ В. С. Тикунова слет решил заложить в г. Владимире Сад имени союзных республик. В результате большой организаторской работы уже 8 апреля 1948 г. были посажены первые плодовые деревья.

За прошедшие годы куда только судьба ни бросала В.С. Тикунова. Ныне его, к сожалению, уже нет в живых. А посаженному и действующему саду уже много лет, на его базе плодотворно работала городская станция юных натуралистов. Так что у владимирцев остались добрые воспоминания о деятельности В.С. Тикунова на их земле.

В 1952 году Вадима Степановича направляют в аппарат ЦК КПСС, где он в течение семи лет работает заведующим сектором, заместителем заведующего Отдела административных органов.

В 1959—1961 гг. он заместитель Председателя КГБ при Совете Министров СССР. С этой должности в июле 1961 года В. С. Тикунов и назначается министром внутренних дел РСФСР (с октября 1962 года название должности изменилось — министр охраны общественного порядка (МООП) РСФСР). Таким образом, новый 40-летний министр имел за плечами помимо профильного образования богатый опыт комсомольской, партийной и административной работы на довольно высо-

них должностях. В последующем жизнь заставит его обретать еще опыт и дипломатической работы, но об этом потом.

С приходом на пост министра В. С. Тикунова значительно больше стало уделяться внимания совершенствованию стиля работы самого аппарата МВД РСФСР, различных его служб. Эти вопросы чаще стали рассматриваться на коллегии, активизировалась работа по уточнению функций и задач различных служб, созданию нормативной базы.

Выступая с докладом в августе 1961 года перед аппаратом министерства, В. С. Тикунов, в частности, указал: «У многих товарищей утвердилась какая-то фантастическая вера в силу бумажки... Только за 1960 год и первое полугодие 1961 года из Министерства ушло 515 тысяч различных документов, и это не считая приказов и распоряжений, которых за этот же период разослано 600 тысяч экземпляров. Это значит, что ежедневно Министерством отправлялось более 2,5 тысяч бумаг. За 1960 год и 8 месяцев этого года центральным аппаратом Министерства израсходовано 228 тонн бумаги».

В отличие от предшествующего времени вносимые на рассмотрение коллегии вопросы стали формулироваться и разрешаться более жестко и требовательно. Так, на заседании коллегии 27 января 1962 г. речь шла о факте волокиты и бюрократизма в работе Управления пожарной охраны МВД РСФСР. На этой же коллегии начальник УВД Ленгороблисполкомов комиссар милиции II ранга И. Абрамов за неудовлетворительное руководство управлением и плохую организацию борьбы с преступностью был снят с занимаемой должности.

Рассматривали и такие вопросы: о наведении порядка в распределении жилой площади и упорядочении планирования жилищного строительства; о фактах приписок и очковтирательства в местах заключения УВД Новосибирской области; о состоянии и мерах улучшения работы с кадрами МВД РСФСР; о предложении писателя Адамова А. Г. по расширению связей органов милиции с творческими организациями, газетами и журналами, радио и телевидением; о фактах

В дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. На переднем плане
С.М. Буденный, в глубине — В.С. Тикун.

неправильного отношения к критическим выступлениям печати; об утверждении по органам милиции перечня должностей, подлежащих замещению специалистами высшей и средней квалификации, и т. д.

Действует В. С. Тикунов достаточно решительно и смело. В 1962 году он пишет записку Н. С. Хрущеву, где ставит вопросы о необходимости применять в известных ситуациях резиновую палку милицией, ссылаясь на опыт других социалистических стран, а также наручники и взрывпакеты со слезоточивыми газами. Просит также ускорить рассмотрение проекта Положения о советской милиции с тем, чтобы четче определить ее обязанности и права. Президиум ЦК КПСС после этого письма поручил заинтересованным ведомствам изучить поставленные в записке вопросы и внести предложения. В итоге в мае 1962 года все эти предложения были одобрены. После этого вопросы были вынесены на обсуждение коллегии, которая 7 июля 1962 г. приняла два принципиальных решения: о принятии на вооружение милиции резиновой палки и наручников; о принятии на вооружение милиции и мест заключения взрывных пакетов со слезоточивым газом.

По-прежнему большую заботу вызывало состояние технического оснащения органов МВД РСФСР, которое находилось на крайне низком уровне. Табели положенностей не удовлетворяли потребностей того времени, однако и при этом органы фактически располагали только 20—40 % предусмотренного табелями. В связи с этим МВД РСФСР разработало перспективный план технического оснащения органов на 1963—1965 гг. и настойчиво добивалось его исполнения. Так, 18 января 1964 г. В.С. Тикунов обращается с письмом в адрес Совета Министров СССР, в котором ставит вопросы об острой необходимости оснащения милиции автотранспортом, радиостанциями и другой техникой. Он просит выделить для министерства дополнительно к фондам на 1964 год 1100 автомашин, 10 катеров, 11 тыс. комплектов авторезины, 2100 аккумуляторов, 1620 радиостанций, 770 магнитофонов и диктофонов, 100 усилителей и другую технику, для чего дополнительно ассигновать министерству 3,2 млн. руб. Здесь же впервые поставлен вопрос, который теперь кажется

очевидным: предоставить право бесплатного проезда городским и пригородным транспортом всем работникам милиции по служебным удостоверениям.

Через два дня — 20 января А. Н. Косыгин поручает рассмотреть этот документ т.т. Горегляду, Дымшицу, Патоличеву, Гарбузову, Псурцеву, Промыслову (фамилии в резолюции без инициалов) и в 10-дневный срок представить предложения. После доклада этих ведомств и проработки документа в аппарате Совета Министров СССР цифры запрашиваемого, конечно, похудели, но остались все-таки значительными — на общую сумму 2,5 млн. руб.

28 февраля 1964 г. А. Н. Косыгин поручает рассмотреть эти предложения на Президиуме Совета Министров СССР и вскоре постановление правительства по этим проблемам вышло в свет для реализации.

Вот так, воистину под лежащий камень вода не течет.

В мае 1962 года В. С. Тикунов обратился с просьбой в Бюро ЦК КПСС по РСФСР обязать обкомы и крайкомы КПСС отобрать и направить в органы МВД с руководящей партийной, советской и комсомольской работы в возрасте до 35 лет, с высшим образованием: в 1962 году — 100 человек, в 1963 и 1964 гг. — по 75 человек в год.

Просьба мотивировалась тем, что испытываются большие трудности в подборе руководящих кадров для органов внутренних дел.

Имелось в виду организовать 10-месячные курсы подготовки при Высшей школе МВД, после чего направить слушателей на работу в качестве министров внутренних дел автономных республик, начальников УВД, их заместителей и на другие должности руководящего состава. Такое решение дало положительные результаты и особенно после принятия ЦК КПСС и Советом Министров СССР 17 августа 1962 г. постановления, направленного на улучшение деятельности советской милиции. Всего в РСФСР к началу 1964 года на работу в милицию было направлено свыше 12 тыс. коммунистов и комсомольцев.

Повышалась требовательность и к кадрам имевшихся руководителей. Выступая 29 ноября 1961 г. с докладом «Об итогах работы XXII съезда КПСС и задачах парт-

организации МВД», В. С. Тикунов привел пример, когда начальник одного из УВД длительное время вел переписку с Управлением военного снабжения, а потом обратился и к первому заместителю министра В.П. Петушкову с таким рапортом: «Убедительно прошу Вас, в порядке исключения, разрешить досрочную выдачу новой папахи. Полученная мной в 1956 году папаха из-за интенсивной носки преждевременно вышла из строя».

«Надо,— говорит в связи с этим В. С. Тикунов,— чтобы Управление кадров очень тактично разъяснило подателю рапорта, что главная забота у него должна быть не о папахе, а о том, на чем ее носят».

В 1962 году были поставлены и решены вопросы об освобождении милиции от ряда несвойственных функций, об учреждении Красных знамен для ее органов.

В. С. Тикунову принадлежит также инициатива отмечать День советской милиции как всенародный праздник. 9 ноября 1962 г. на празднование 45-й годовщины советской милиции пришли члены Президиума ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым, который выступил с речью.

В сентябре 1962 года МВД обратилось к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой с просьбой активнее создавать художественные фильмы о работниках милиции и народных дружинниках, по вопросам безопасности движения автотранспорта, борьбе с туеядцами, расхитителями, хулиганами и т. д. Это способствовало активизации такой работы.

Прошло более двух лет, как В. С. Тикунов стал министром. Он вполне освоился со своим новым положением, чувствует себя уверенно, и был инициативен в постановке и решении важных государственных вопросов. Для примера приведем лишь несколько вопросов, которые он поставил перед руководящими органами в 1964 году и настойчиво добивался их решения.

16 января 1964 г. вместе с Госпланом РСФСР и Минфином РСФСР на рассмотрение правительства России представляется тщательно отработанный проект постановления «Об улучшении производственно-хозяйственной деятельности исправительно-трудовых

В. С. Тикунов выступает в Университете правовых знаний.

учреждений Министерства охраны общественного порядка РСФСР» с постановкой ряда принципиальных вопросов.

20 января 1964 г. В. С. Тикунов подписывает в адрес ЦК КПСС, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совета Министров СССР, Совета Министров РСФСР документ на восьми страницах со многими предложениями по коренному улучшению борьбы с хищениями социалистической собственности и укреплению службы БХСС. Материалы архива, к сожалению, не дают возможности проследить реакцию всех ведомств на эти предложения, но одна резолюция в деле имеется: «Прокуратуре (т. Руденко), Минфину (т. Гарбузову) и Комитету Госбезопасности (т. Семичастному) рассмотреть с участием Совминов союзных республик и представить предложения. Срок 20 дней. Косыгин. 24.1.64 г.».

10 февраля того же года В. Тикунов совместно с министром финансов РСФСР И. Фадеевым представляет в Совет Министров РСФСР проект распоряжения об открытии в 1964 году дополнительно 230 детских коммат милиции в интересах улучшения работы с подростками.

12 февраля — в Совет Министров РСФСР о досрочном возвращении водительских удостоверений при введении «Особого периода» (в мирное время по РСФСР ежегодно за нарушение правил движения лишалось водительских прав около 200 тыс. шоферов).

18 февраля — в ЦК КПСС об отмене призыва на военную службу курсантов пожарно-технических училищ МООП и лиц начальствующего состава военизированной пожарной охраны, окончивших училища, но не служивших в армии.

А далее идут предложения о мерах по усилению борьбы с пьянством, наркоманией, мелким хулиганством; об открытой подписке на журнал «Советская милиция» (к сожалению, решен этот вопрос был лишь через 25 лет — в 1990 году); о необходимости усиления пожарной охраны городов и объектов народного хозяйства; о создании Управления капитального строительства в МООП РСФСР; об увеличении численности постоянного состава учебных заведений министерства; об организации техникумов в исправительно-трудовых

учреждениях (предложение не получило поддержки); об улучшении формы одежды сотрудников органов и войск; о создании самостоятельных штатных дежурных частей в МВД — УВД и т. д.

Проявляет министр личное участие и в раскрытии наиболее опасных преступлений. Зимой 1963 года Москву буквально взбудоражил и потряс ряд жестоких убийств, совершенных преступником Ионесяном. 13 января 1964 г. министр охраны общественного порядка РСФСР генерал внутренней службы второго ранга В. С. Тикунов совместно с Прокурором РСФСР допросили в качестве подозреваемого Ионесяна, а 14 января его сожительницу.

В. С. Тикунов, так же как ранее и Н. П. Дудоров, оставил некоторые записи своих воспоминаний, которые с любезного согласия его супруги Лидии Анатольевны мы будем по ходу изложения использовать.

Например, он сообщает, что не так уж часто, но ему приходилось встречаться с главой правительства СССР А. Н. Косыгиным. Покоряло в нем исключительная требовательность и огромное личное обаяние. Он был и твердым и вместе с тем гибким, когда приходилось решать большие государственные вопросы. Голова ему служила вместо арифмометра. Он мог высчитать любые цифры. В. С. Тикунову пришлось однажды докладывать ему вопрос о замене рубашек милицейского состава. Министерство внутренних дел РСФСР предложило заменить синюю рубашку на саржевую стального цвета. В беседе А. Н. Косыгин спросил: «Почему вы хотите сменить рубашку на саржевую, а не на штапельную?» Министр ответил, что штапельные рубашки для милиции будут примерно в два раза дороже. А. Н. Косыгин: «А сколько стоит саржевая рубашка для милиционера?» В. С. Тикунов, к великому сожалению, как он сам пишет, не мог ответить на этот вопрос. А. Н. Косыгин страшно рассердился, сказав, что, не подготовившись, не изучив вопроса, нельзя ходить к главе правительства. Но тут же в уме, как будто у него там на самом деле арифмометр, а по сегодняшнему — ЭВМ, подсчитал, сколько будет стоить штапельная рубашка.

Министр ушел с укоренной совестью. Предложение

тем не менее после этого было рассмотрено на Политбюро и принято Совмином.

Или такой эпизод. Студенты африканских стран в знак протеста против убийства П. Лумумбы устроили демонстрацию перед американским посольством в Москве.

Со стороны органов было сделано все, чтобы оградить американское посольство от нападений. Были поставлены бензовозы, водоразливочные машины, а против них встало большое число милиционеров в две шеренги. Тем не менее студенты прорвались к американскому посольству и стали забрасывать его чернильницами.

Утром В. С. Тикунова вызвал к себе А. Н. Косыгин. Он вел себя спокойно, но было заметно, что раздосадован случившимся накануне инцидентом у американского посольства. Не так много вопросов он задает.

Поинтересовался тем, как милиция могла допустить в Москве такое грубое нарушение общепринятых норм, а также спросил: «А где же Ваша знаменитая палка? Почему Вы не использовали ее в таком исключительном случае?» Министр ответил, что резиновая палка вводится исключительно с разрешения партийных органов, а бывший в то время первый секретарь городского комитета партии Н. Г. Егорычев категорически отвергал эту идею. А. Н. Косыгин сказал, что он переговорит по этому вопросу с Н. Г. Егорычевым и предупредил о недопустимости подобных случаев.

Любопытно также, что А. Н. Косыгин ежедневно интересовался поимкой убийцы-маньяка Ионесяна.

В 1956 году в милиции были упразднены политорганы. Одной из инициатив В. С. Тикунова, коллеги и аппарата министерства явилось то, что в 1965 году вместо упраздненных политорганов в министерствах охраны общественного порядка союзных и автономных республик, краевых и областных управлениях охраны общественного порядка, управлениях милиции городов и дорожных отделов милиции были учреждены аппараты по политико-воспитательной работе. В органах милиции, насчитывающих более 50 сотрудников, были введены должности заместителей начальников по политико-воспитательной работе.

Правда, не все инициативы нового министра закан-

чивались успехом. Но это, наверно, естественно в каждом виде деятельности.

Например, в июне 1962 года В. С. Тикунوف обратился с просьбой в Бюро ЦК КПСС по РСФСР о возобновлении издания журнала внутренних войск «На боевом посту», который выпускался до 1960 года. Однако на данном этапе такое решение принято не было. Журнал возобновил свой выход лишь с 1970 года, когда министром был Н.А. Щелоков.

Или вот какой конфуз произошел с попыткой переименования внутренних войск. Они всегда имели войсковую структуру. Однако с 1951 года по решению инстанций в силу определенных соображений дивизии внутренних войск стали называться отделами, полки — отрядами, батальоны — дивизионами, роты — командами, взводы — группами.

В 1962 году В. С. Тикунوف предпринял попытку к тому, чтобы вернуть войсковые названия соединений, частям и подразделениям внутренних войск. В январе 1962 года МВД РСФСР обратилось с такими предложениями в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР и получило их поддержку. Данное предложение было внесено на рассмотрение Совета Министров СССР. Однако МВД РСФСР самовольно до рассмотрения этого вопроса союзным правительством 6 февраля 1962 г. издало приказ «Об упорядочении структуры и штатов соединений и частей войск МВД РСФСР», которым в соединениях и частях внутренних войск, внутренней и конвойной охраны, дислоцированных на территории РСФСР, вводились вышеназванные воинские наименования.

Я служил в это время в войсках и видел, что на местах такое решение было воспринято с большим энтузиазмом. Но Президиум Совета Министров СССР по предложению Министерства обороны СССР и Госплана СССР отклонил это ходатайство Совета Министров РСФСР и оставил действующую организационную структуру и наименование внутренней и конвойной охраны без изменений. 31 августа 1962 г. МВД РСФСР было вынуждено отменить свой приказ. Вопрос этот удалось решить только в 1968 году, когда В. С. Тикунوف был уже на другой работе.

После ухода с политической арены Н. С. Хрущева

На торжественном собрании, посвященном Дню милиции.

новое руководство страны пришло к вполне обоснованному выводу о том, что сокращение милиции страны дошло до взрывоопасной черты, что ее нужно не сокращать, а увеличивать.

В 1965 году было принято решение об увеличении численности работников милиции страны на 35 тыс. человек, из них на 22,5 тыс. в РСФСР.

Обратите внимание на эту цифру — 22,5 тыс. человек. Она меньше той численности, которая была сокращена в МВД РСФСР, начиная с 1956 года. Значит, сначала сокращали, увольняли, разрушали, а теперь опять надо будет увеличивать, набирать, обучать сотрудников и т. д. И все это на протяжении одного десятилетия. Разве же так в цивилизованных государствах ведут дело? Недаром ветераны говорят, что одна из наиболее устойчивых отрицательных традиций МВД — постоянные реорганизации.

К сожалению, нередко такие же ветры дуют и в наше время.

Тогда же, в 1965 году, были приняты решения о повышении с 1 мая 1965 г. зарплаты отдельным категориям работников милиции; об улучшении формы одежды сотрудников милиции, введении парадно-выходной формы; о представлении к награждению орденами и медалями 1300 наиболее заслуженных работников милиции РСФСР.

Все это способствовало укреплению милиции, охраны правопорядка в стране и усилению борьбы с преступностью. Хотя развивались эти сложные процессы, как всегда, неоднозначно.

Передо мной справка о состоянии преступности в РСФСР по линии уголовного розыска за 1954—1963 гг. Анализ за указанные 10 лет показывает, что в 1955—1958 гг. преступность в республике неуклонно росла. (1955 год — +11,9%, 1956 — +40,5%, 1957 — -2,9%, 1958 год — +10,7%.) Особенно резкий скачок был в 1956 году, в том числе увеличение хулиганских проявлений на 83,4%. Это в значительной мере было связано с усилением борьбы с хулиганством и в определенной мере с активизацией преступного элемента за счет лиц, освобожденных из мест лишения свободы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1955 г.

В 1959 году количество учтенных преступлений по сравнению с 1958 годом сократилось на 27,4%. Однако в значительной мере это сокращение было не реальным, а, как уже указывалось в предшествующем очерке, статистическим из-за массовой передачи милицией материалов общественности, в том числе и по тяжким преступлениям. В 1960—1961 гг., когда эта работа была упорядочена, продолжался рост числа зарегистрированных преступлений (1961 год — +1 %). 1962 и 1963 годы дали снижение (1962 год — -7,8%, 1963 год — -9,9%).

Если идти дальше названного десятилетия, то 1964 год дал рост преступности в РСФСР на 3,4%, 1965 год на 3%. Зато процент раскрываемости продолжал увеличиваться как в сказке, доходя до все более и более баснословных показателей. Напомним, что за 1956—1960 гг. он повысился по органам внутренних дел РСФСР с 87,9% до 92,8%. А как при В. С. Тикунове? 1961 год — 93,8% (по некоторым данным — 94%); 1962 — 96,26%; 1963 — 95,3%; 1965 год — 95,1% и т. д.

Что касается исправительно-трудовых учреждений, то в силу официальной политики того времени на всемерное сокращение судимости численность заключенных в исправительно-трудовых учреждениях МВД РСФСР с 1956 по 1961 год снизилась с 687 до 525 тыс.

Коль уж мы заговорили о деятельности исправительно-трудовых учреждений, хотелось бы поведать о таком эпизоде.

Издание «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына, его возвращение в Россию вызвало определенную новую волну интереса к личности автора. Суждение о нем мы находим и у В. С. Тикунова. Он, в частности, сообщает, что в качестве министра внутренних дел Российской Федерации ему пришлось встречаться с Александром Исаевичем Солженицыным. Министру как-то позвонили из Президиума Верховного Совета СССР и просили принять А. Солженицына, подробно рассказать об условиях содержания заключенных в местах лишения свободы. Солженицын был принят на следующий же день.

В. С. Тикунов вспоминает, что «беседа началась с наступательного порыва Солженицына, что словно я у

него был на приеме, а не он у меня. Он мне с места в карьер поставил вопрос о том, когда наконец все заключенные будут получать писем столько, сколько они хотят, когда будут отменены ограничения. Я ему как-то более или менее твердо ответил, что заключенные получают писем столько, сколько им положено, но не больше, чем установлено.

Солженицын заявил, что недоволен моим ответом и вновь спросил, наступит ли такой момент, когда все, кто захочет написать, смогут послать письмо заключенному. Ответил, что, может быть, и наступит такой момент, но уже после того, как я не буду министром.

Развивая «наступление» по своему заранее подготовленному плану, он громко спросил: «Когда вы, наконец, облегчите положение мужчин, находящихся в местах заключения? Дайте же им, наконец, свидания со своими женами и невестами».

На это я ответил, что вопрос давно решен. Правительство Советского Союза выделило определенный лимит для строительства специальных помещений, в которых бы могли встречаться муж и жена с разрешения администрации в течение нескольких дней. Однако подчеркнул, что такие свидания не разрешаются, если заключенный плохо относится к работе, не дисциплинирован. Солженицын в ответ спросил: «А что вы считаете плохим отношением к работе?» Я ему сказал: «Невыполнение производственных норм».

К тому времени были уже разработаны нормы выработки и существовал порядок, утвержденный Правительством, что часть денег идет в уплату содержания заключенного в местах лишения свободы, часть идет на поддержание бюджета семьи, а часть может остаться на сберегательной книжке заключенного до момента его освобождения. Мои ответы не успокоили Солженицына. Он требовал от меня разъяснения тех норм законов, которые ограничивают личную встречу заключенного с женой, и на каком основании передается только часть денег семье.

У каждого человека есть предел терпения: я вдруг вышел из того равновесия, которое мне помогало до сих пор, и спросил Солженицына, о каких заключенных он говорит. Если он говорит об убийцах, то я вообще не

желаю с ним разбирать эту тему; если он говорит о насильниках, то считал и считаю, что их судить надо строже.

В этот момент я обратил внимание, что глаза Солженицына блуждали по кабинету, словно бы что-то изучая, создавалось такое впечатление, что он не сидит у меня за столом, а находится где-то далеко-далеко. Но он проявлял настойчивость, продолжая требовать от меня дальнейших объяснений по поводу содержания заключенных.

В эти дни в Москве было совершено тяжкое преступление, потрясшее москвичей. В школе около ул. Сивцев Вражек юношу, который закончил 10-й класс, на глазах у родителей ножом в спину убили на приступке лестницы, когда он поднимался на выпускной вечер. Лучше мне было не быть в это время министром внутренних дел. Не только по долгу службы, а и как человек я воспринял это как большое горе. Мне звонили незнакомые люди, я уже не говорю о начальстве, и спрашивали, как Вы можете допустить такое в центре Москвы. Мне все говорили о том, что министр внутренних дел должен быть более твердым, жестким, более нетерпимым к таким случаям. Я предложил Солженицыну, что если Вы ходатайствуете за всех, если у Вас намерение помогать всем без разбора, то я могу устроить Вам встречу с родителями погибшего мальчика. Они придерживаются иных взглядов в отношении преступлений и наказаний.

Солженицын: «Зачем Вы меня вовлекаете в эту историю? Я понимаю чувство родителей, у которых погиб совершеннолетний сын».

Я ему ответил, что и я прошу меня понять, как объяснить родителям, что такие случаи еще происходят в Москве. И вся общественность требует сурового наказания преступников, вплоть до смертной казни. Разумеется, Солженицын отказался от встречи, он говорил только об облегчении участи заключенных, находящихся в исправительно-трудовых учреждениях».

В. С. Тикуннов работал активно. Но наверху повеяли другие ветры. Руководством партии и страны было принято решение о воссоздании союзного министерства.

Процесс упразднения МООП РСФСР и создания

союзного министерства, подбора министра как всегда проходил весьма непросто, даже, я сказал бы, драматично.

Обратимся снова к записям В. С. Тикунова, который подробно воспроизводит, как все это было.

Зарисовка, правда, несколько растянута, но характеристична, показывает стиль верхнего политического эшелона, поэтому приведем ее со всеми деталями. Детали тоже несут в себе колорит времени.

23 июля 1966 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка СССР. Все ждали, что на очередной сессии Верховного Совета СССР — 2 августа 1966 г. будет решен вопрос о министре, и машина завертится. Однако на проходившем накануне Пленуме ЦК КПСС, где рассматривались оргвопросы, о министре не упоминалось.

Рассказывают, что, когда на заседании Политбюро ЦК КПСС перед началом Пленума кто-то поднял вопрос о министре, Л. И. Брежнев сказал: «Нам надо решить вопрос о двух министрах: охраны и просвещения. Давайте подумаем». Очевидцы говорят, что это было сказано очень спокойно. Но уже 1 августа 1966 г. по Секретариату ЦК было разослано предложение Отдела административных органов ЦК КПСС (Н. И. Савинкин) об утверждении министром В. С. Тикунова.

Как рассказывают, 4 или 5 августа перед вылетом на продолжение отдыха основных руководителей состоялся вновь обмен мнениями о министре. Н. В. Подгорный сказал, что хорошо бы поставить на пост министра одного из секретарей обкома партии или второго секретаря ЦК компартии республики. Дальнейшего обмена не было и на этом все заглохло. По указанию А. П. Кириленко «опроска» отдела на министра была срочно отозвана обратно без объяснения.

Потянулись дни ожидания. Август прошел во всевозможных слухах и предположениях. Назывались кандидатуры А. А. Епишева и др. Однако ничего конкретного не было. В начале сентября в Москве появился второй секретарь ЦК КП Молдавии Н. А. Щелоков.

В. С. Тикунов: «Я с ним встретился в приемной у

Н. И. Савинкина, к которому он шел. Мы остановились. Он спросил меня: «Какое тут намечено совещание?» Я ответил: «Не знаю». Щелоков как-то помялся и спросил меня: «А Вас уже утвердили министром?» — «Если бы меня утвердили министром, то об этом опубликовали бы в печати», — ответил я. «Ну, ладно, ну, ладно», — последовало с обеих сторон, и мы разошлись. Чуть позднее я узнал, что именно ему предлагают быть министром. По рассказам, да и по многочисленным его заявлениям он отказывался от этого предложения. А что же, это естественно. Дело-то очень тяжелое, а для него ко всему еще и малоизвестное.

Затем на некоторое время опять все затихло. Ходили упорные слухи, что кто-то возразил против моей кандидатуры. И это, наверное, так. Однако к середине сентября все прояснилось. Н. А. Щелоков вновь появился в Москве и стал со дня на день ждать решения. Позже меня принял Л. И. Брежнев, сказал о предстоящем решении вопроса о Н. А. Щелокове и предложил мне занять пост первого заместителя министра.

Все это время было очень напряженно. Большой аппарат министерства лихорадило. Все ждали решения, судили, рядили. Больше всех пришлось пережить мне. Я терялся в догадках, что мною сделано такое, чтобы с ходу снять мою кандидатуру. Мои разговоры с Л. И. Брежневым и Н. А. Косыгиным носили очень сердечный характер. За год до всех этих событий меня наградили орденом Ленина. На XXIII съезде избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, а затем и депутатом Верховного Совета СССР. Что это все означало? Я решил: ищут более близкого человека к Генеральному секретарю. Конечно, это так. Тут прямая, надежная связь. Нужен лично преданный человек».

Идет время, а В. С. Тикунوف сидит без работы. Вот продолжение его дневниковых записей.

«15 сентября 1966 г. беседовал более часа с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Брежневым.

Беседа началась с общего положения в партии и государстве. Тов. Брежнев подчеркнул, что положение в стране очень хорошее. Особенно заметны успехи в сельском хозяйстве. Неплохо работает и промышленность. Пожалуй, впервые за все годы Советской власти

сейчас в избытке масло. В этом году будет собран такой урожай хлеба, который позволит создать надежный резерв.

Однако серьезные недостатки имеются в строительстве, с одеждой и обувью, и здесь предстоит много сделать.

Затем тов. Брежнев поинтересовался тем, как действует Указ и постановление о борьбе с хулиганством. Я подробно доложил.

Далее Леонид Ильич перешел к вопросу о министерствах охраны общественного порядка республики и Союза. Он сказал, что содержание двух министерств — РСФСР и СССР слишком накладно для государства, поскольку понадобилось бы 16 млн. руб. на содержание двух аппаратов. Значительно выгоднее, с точки зрения государства, иметь один аппарат.

Председатель Совмина РСФСР по должности является членом Политбюро и если что-то нужно, то для решения вопросов можно его всегда вызвать и поинтересоваться. Что касается мест, то там никаких изменений не произойдет и останется все в прежнем порядке.

Все это было сказано в виде готового решения, отмечено, что на прошлом заседании Политбюро такое мнение по существу высказали все его члены. Далее тов. Брежнев сказал, что они в Политбюро обсудили вопрос о министре. Несомненно, им мог быть и тов. Тикунов, но некоторые члены Политбюро высказали мнение о необходимости иметь «свежего» человека.

После длительных рассуждений мы остановились на одном из вторых секретарей ЦК. Тов. Брежнев обратился ко мне и сказал, что, может быть, вы его знаете. Это второй секретарь ЦК Молдавии Н. А. Шелоков. Я сказал, что с ним знаком.

Леонид Ильич спросил меня: «А Вы разве работали в Молдавии?» — «Нет, но, будучи заведующим сектором отдела ЦК КПСС, в командировке познакомился с ним».

Генеральный секретарь дал Шелокову исключительно лестную характеристику, отметил, что это очень порядочный человек, высокой культуры, грамотный и что с ним работать будет очень приятно.

Л.И. Брежнев: «Вас мы хотим, если все сойдутся на

этом мнении, утвердить первым заместителем министра охраны общественного порядка СССР. Оба вы кандидаты в члены ЦК, оба депутаты Верховного Совета СССР, и у вас поэтому должна быть полная согласованность, а работы вам хватит обоим.

Были и другие предложения насчет министра охраны общественного порядка. Например, С. И. Манякин, некоторые другие, но, я думаю, что Н. А. Щелоков больше подходит, чем другой. Он инженер, а у вас, говорят, очень много промышленных предприятий и это как раз будет кстати».

В.С. Тикуннов: «Если Политбюро утвердит меня первым заместителем, я как коммунист буду делать все, чтобы достойно выполнить эти обязанности».

Далее Леонид Ильич подчеркнул, что пережил два тяжелых события, пока состоял в Политбюро: когда разоблачили антипартийную группу и октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС. Но он всегда верил в силу партии, что только она может решить правильно вопрос о путях руководства страной, что никакие другие силы, в том числе и милиция, не могут вмешиваться в происходящие события.

В.С. Тикуннов: «В милиции нет таких людей, которые могли бы пойти на какой-то авантюризм. Да если бы и нашлись отдельные личности, то вряд ли сама милиция пошла бы на это дело».

Л. И. Брежнев: «По многим ли вопросам соприкасается деятельность органов охраны общественного порядка с органами КГБ?»

В. С. Тикуннов: «Это главным образом касается проведения массовых мероприятий, праздничных дней, различных встреч государственных деятелей, космонавтов, то есть в тех случаях, когда эта двойная служба несет параллельно и охрану государственной безопасности, и общественного порядка. В оперативной же работе КГБ и милиция чаще всего соприкасаются по делам о валютчиках».

Леонид Ильич поинтересовался, сколько сейчас в министерстве замов и кто они. Я каждого назвал и охарактеризовал. Он сказал, что в новое министерство кроме вас мы дадим еще четырех замов.

Далее он спросил, где размещено министерство. Я

ему ответил, что мы расположены в семи зданиях и испытываем большие неудобства. Он попросил внести предложения о постройке нового добротного здания для Министерства охраны общественного порядка. Он сказал, что ему очень нравится здание КГБ на площади Дзержинского.

Далее Леонид Ильич еще раз отметил, что он полностью доверяет мне, что всего пять месяцев прошло со времени XXIII съезда, когда он поставил вопрос о включении меня кандидатом в члены ЦК, а затем депутатом Верховного Совета СССР, что ЦК не может колебаться в отношении своих проверенных кадров.

Я поблагодарил за откровенную беседу и попросил, если все уже четко намечено, сегодня на Политбюро принять решение. Он заметил, что мы так и намерены: сегодня решить вопрос на заседании Политбюро об обоих сразу. Леонид Ильич еще раз меня поприветствовал, и я ушел».

Такой вот доподлинный текст.

Казалось бы, все хорошо, все обговорено. Но прошло еще два месяца, а вопрос с места не сдвинулся. В чем же дело, почему?

Полагаю, что Н. А. Щелокову такой сильный заместитель — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, опытный работник мог бы стать конкурентом, поэтому был не нужен.

Игра, которую теперь уже активно вел новый министр, продолжалась. Для проформы 8 октября 1966 г. Н. А. Щелоков создал комиссию под председательством В. С. Тикунова для разработки мероприятий по реализации решений XXIII съезда КПСС и постановления партии и правительства об усилении борьбы с преступностью. Ведь чем-то человека нужно загружать.

Вот дневниковые записи В. С. Тикунова.

«17 ноября 1966 г. В 15—00 имел беседу с т. Щелоковым. Он заметил, что я напрасно волнуюсь. Что все завершится хорошо. Приедет Л. И. Брежнев — ему доложат и будет принято решение. Просил не ходить и не звонить.

«Если кто наговаривает, скажите и давайте разберемся», — заявил я.

Ответ: «Никто».

Н. А. Щелоков: «Леонид Ильич Вас уважает и хорошо относится. Он доведет дело до решения».

18 ноября 1966 г. Был у Н.И. Савинкина. Передал краткую беседу с т. Щелоковым. Особо подчеркнул намерение решить вопрос о назначении первым заместителем министра и о том, что нет наветов. От себя сделал заявление, что пока не будет разъяснено, почему меня устраняют из органов, другого предложения принимать не буду. Это только может меня скомпрометировать. Сказал, что затяжка с решением вопроса кажется преднамеренным издевательством, если не могут мне предложить работы, то я буду подыскивать сам. У меня уже готово письмо в Политбюро. Будет тяжелое положение, обращусь к Пленуму ЦК.

19 ноября 1966 г. Заходил ко мне в комнату министр. Просил успокоиться и сказал, что с приездом т. Брежнева все решится, оснований для беспокойства нет, ЦК думает обо мне. Я ответил, что такая затяжка слишком глупа. Надо решать вопрос.

22 ноября. Разговаривал с т. Брежневым. Обещал решить вопрос после возвращения из Венгрии.

23 ноября. Имел подробный разговор с т. Щелоковым. Он говорил, что есть препятствие для решения вопроса, которое исходит от ряда членов Политбюро. Щелоков заявил: «Т. Брежнев переживает не меньше, он же предлагал Вам работу первого заместителя».

Следующая дневниковая запись В. С. Тикунова уже за 1967 год. Со времени Указа от 23 июля 1966 г. о создании МООП СССР прошло пять месяцев.

25 января 1967 г. В середине дня меня разыскали от И. В. Капитонова и попросили к 4 часам прибыть на заседание Секретариата ЦК КПСС.

Я тут же позвонил секретарю ЦК тов. Капитонову и спросил, по какому поводу меня вызывают на заседание Секретариата ЦК, наверное, в связи с предложением о назначении заместителем председателя Комитета народного контроля, но я не давал согласия, почему же в таком случае меня вызывают на заседание, и просил его принять меня. Он посоветовал зайти к нему в половине третьего, перед заседанием Секретариата.

Выяснив, что Секретариат будет вести М. А. Суслов,

я связался с его помощником и тут же попросил меня принять. Дело подходило к часу и мне сказали, что с часу до двух разговаривать по этому вопросу с т. Сусловым бесполезно. Десять минут третьего я попросил помощника т. Суслова доложить ему о моей просьбе принять. М. А. Суслов через помощника сообщил, что перегружен подготовкой к заседанию Секретариата, но, возможно, перед самым заседанием примет.

Я ушел к И. В. Капитонову и снова поставил все вопросы твердо и последовательно.

«В чем дело? — спросил у него. — Почему все-таки меня изгоняют из органов и не дают работать там, где я прошу: в Центральном Комитете партии или в Комитете госбезопасности, откуда я пришел в МВД?»

Он мне ответил, что сделал все, но ничего не получилось, и посоветовал попасть к Суслову. При уходе от него я снова сделал заявление, что со мной поступают неправильно и рано или поздно к этому вопросу придется возвращаться.

Без 25 минут три меня принял М. А. Суслов. Я пообещал ему быть кратким и сказал, что по Секретариату я голосовался в качестве Министра охраны общественного порядка СССР. Затем Генеральный секретарь нашей партии предложил мне остаться в Министерстве первым заместителем и обещал решить этот вопрос одновременно с назначением т. Щелокова. Мне неизвестна причина, по которой не состоялось решение, но история с моим назначением длилась до 30 декабря 1966 г. Наконец, в этот день тов. Брежнев в телефонном разговоре со мной поздравил меня с наступающим Новым годом, сказал, что решим вопрос о вас хорошо и, по всей видимости, заберем в аппарат Центрального Комитета партии.

После этого 31 декабря секретарь ЦК И. В. Капитонов предложил мне пост заместителя председателя Комитета народного контроля, но это не партийная работа. Я твердо сказал тов. Суслову, что не понимаю происходящего вокруг меня. Под сомнение ставится моя политическая репутация.

Михаил Андреевич Суслов выслушал меня очень внимательно и пытался разубедить. Он несколько раз повторил, что я у Центрального Комитета партии

пользовался и пользуюсь полным политическим доверием, что как раз все, что я говорю, свидетельствует только о том, что Центральный Комитет партии доверяет мне, а не берет под сомнение мою политическую репутацию, что народный контроль есть продолжение партийной работы и мы его рассматриваем как орган прежде всего партийный. Михаил Андреевич также сообщил, что он сам 10 лет работал в КК — РКИ и считает эту работу весьма почетной.

Далее он заметил, что я очень серьезно и как-то необыкновенно сложно рассматриваю предложение о новой работе. У меня складывается, как он подчеркнул, впечатление, что вам кажется, будто это предлагают последнюю должность в жизни.

Затем он сказал, что не надо себя так настраивать, не надо устраивать шума вокруг этого дела, и стал советовать мне на Секретариате ЦК более спокойно реагировать на это предложение, подойти к концу заседания, где будет рассмотрен данный вопрос».

В 4 часа дня 25 января 1967 г. В. С. Тикунов уже был на заседании Секретариата ЦК КПСС, где присутствовали секретари ЦК М. А. Суслов, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов и секретарь ВЦСПС В. В. Гришин. Произошел обмен мнениями, но решение так и не было принято.

«На следующий день, 26 января, в 12 час. 30 мин. меня пригласили к тов. Брежневу.

Я соединился с ним, но он с кем-то разговаривал. Закончив разговор, он пытался повести разговор со мной по телефону, но я сказал, что нахожусь совершенно рядом и мог бы зайти к нему. Он дал согласие.

Беседа началась с того, что тов. Брежнев немного стал меня журить. Он отметил, что я веду себя слишком нервозно, что слишком много мнительности, что, несмотря на то что Центральный Комитет думает обо мне, почему-то дело принимает особый характер. Даже известно, что вы выражаете недовольство мной, что вы даже якобы имели намерение выступить на Пленуме. Он обратился с вопросом, не передавал ли кто мне, что он был готов предоставить мне слово. Я не стал отвечать на этот вопрос, решив все выслушать до конца».

Посещение дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. На втором
плане — В.С. Тикунов.

Заметим, что Л. И. Брежнев задавал этот вопрос не без оснований. Действительно, в депутатском рабочем блокноте В. С. Тикунова имеется следующий проект его выступления на Пленуме ЦК КПСС.

«Пленумы Центрального Комитета имеют выдающееся значение для жизни партии и страны. И настоящий Пленум так же, как и предыдущие, будет важной вехой в развитии сельского хозяйства, в обеспечении повседневных нужд населения нашей страны в продуктах питания. Значение Пленума абсолютно понятно.

Однако хотелось бы обратить внимание на другое. Самый представительный орган партии — Пленум ЦК давно не обсуждал внутрипартийных вопросов, тех, которые касаются внутренней жизни, и процессов, происходящих внутри партии.

Давно не обсуждался такой жизненно важный вопрос, как вопрос о кадрах. Кстати, в последнее время происходят одно за другим перемещения ответственных работников, состоящих в ЦК. Никто не знает, какие мотивы и намерения лежат в основе этих перемещений. И как в далекие былые времена строят догадки о действительных причинах этих перемещений. Для нашей партии такие методы — пройденный этап.

Вопрос о кадрах, о расстановке работников не должен быть делом только отдельных, избранных лиц, или группы лиц. Такими вопросами должен заниматься ЦК, вся партия.

И еще об одном. Хорошо, если бы Политбюро подумало о гарантиях для свободно высказывающихся товарищей по существу нашей работы. Нельзя же, в конце концов, допускать в партии такого положения, когда оратор, выходя на трибуну со своими суждениями, которые быть может не сходятся с теми, которые имеют старшие товарищи по партии, должен думать о том, какие за этим последуют репрессии. Это только мешало бы нашему развитию, нашему движению вперед».

Читатель видит, что это весьма здравые размышления. Возвратимся, однако, к беседе Л. И. Брежнева с В. С. Тикуновым.

Далее Л. И. Брежнев говорил, что он и другие члены Политбюро слишком перегружены работой, что бывают задержки, несогласованности, которые требуют време-

ни. Он выдвигал несколько предложений, касающихся моей работы: в аппарате ЦК, в одном из обкомов партии, но потом нашли предложение, связанное с работой в Комитете народного контроля.

Выслушав все до конца, я сказал Леониду Ильичу, что мне хотелось бы побеседовать со всей откровенностью, что за последнее время ни с кем так плохо, черство и бездушно не поступали, как со мной. Трудоустроили на работу всех работников Министерства вплоть до милиционеров и оставили на виду у многотысячного коллектива без работы только министра. Это беспрецедентный случай и какое бы объяснение ему ни давалось, оно не может иметь никакого оправдания.

Я думаю, от этого дела ничего не выиграет и Центральный Комитет. Как известно, я кандидат в члены ЦК, ничем себя не скомпрометировал, а меня по существу превратили в жертву. Кроме того, это очень тяжело и физически. Товарищ Брежнев прервал меня и сказал, что ведь Вам зарплату платят.

Я ему ответил, что кроме зарплаты есть чувство гражданское, моральное. Я поставлен в неловкое положение. Вы, Леонид Ильич, предложили мне роль первого заместителя. Тов. Щелоков широко это распространил в министерстве. Отдел административных органов ЦК КПСС поддержал мою кандидатуру, а потом все это не состоялось.

Теперь что касается того, что я высказал недовольство Вами. Это совершенно надуманные вещи и вообще я полагаю, что Вы, Леонид Ильич, напрасно все берете на себя. Многое из того, что вы считаете совершенно секретным, в самом деле просачивается и становится достоянием многих. Я, например, давно знаю, что вы поддерживали мое назначение первым заместителем, но против этого предложения выступили П. и П. (так в тексте.— Н. В.).

Что у них ко мне есть, что они имеют в виду? Почему они ведут себя таким образом и, не обосновывая причин, решают судьбы людей? Разве это не возврат к прошлому?

Тов. Брежнев перебил меня и стал советовать не касаться лиц. Сказал, что у них часто так бывает, что все расходятся в мнении, а потом все-таки договариваются

о каком-то конкретном решении. Я повторил, что не может быть в нашей партии лиц, которые, пользуясь властью, могли бы принимать безмотивные решения.

Я ничего больше не прошу и буду выполнять то, что поручит Центральный Комитет партии.

Л. И. Брежнев: Мне стало известно, что Вы с большим желанием пошли бы на партийную работу.

В. С. Тикунов: Да.

Л. И. Брежнев: В Центральном Комитете партии создается комиссия по выездам за границу. Председателем этой комиссии имеется в виду утвердить нынешнего посла в Болгарии Н.Н. Органова, а Вас можно было бы утвердить первым заместителем к нему.

В. С. Тикунов: Если такое решение будет, сочту за честь работать в аппарате Центрального Комитета, тем более, что я семь с половиной лет работал в аппарате ЦК, три раза избирался в состав парткома и считаю ЦК своим родным домом.

Л. И. Брежнев: Я тогда на заседании Политбюро так и доложу, и мы такое решение примем».

Наконец-то такое решение действительно состоялось. В. С. Тикунов распрощался с МООП СССР и в 1967—1969 гг. работал в названной Комиссии, которая позднее стала называться Отделом ЦК КПСС по работе сграничными кадрами и выездам за границу.

В 1969 году принимается решение о его направлении в посольство СССР в Румынии на должность Чрезвычайного советника-посланника. Перед отъездом его 14 ноября 1969 г. вновь принял Л. И. Брежнев. Эта беседа, запись которой тщательно воспроизвел В. С. Тикунов, представляется характерной с позиций практики кадровой работы того времени.

«**Л. И. Брежнев:** Со мной говорили, и я дал согласие направить Вас на работу за границу. Для Вас это новое поприще. Не будем загадывать, но эта должность — начало дипломатической службы. Присмотритесь, оботритесь, а затем — дальше. У меня был период, когда я чуть-чуть не стал дипломатом. Ходил по коридорам МИД на улице Воровского. При ЦК были аттестационные комиссии. Я — металлург и попал на другую работу. Затем жизнь засосала. Вы закончили подготовку к отъезду?

В. С. Тикунов: Да, что можно было в короткое время.

Л. И. Брежнев: Мне со всех сторон сообщают, что Вы выражаете мной недовольство. Обижен. Но ведь решение о министре принимал не я один.

В. С. Тикунов: Не знаю, кто Вам докладывает. Лучше бы было, если бы такие доклады делались в присутствии. Никому и никогда я своих обид не выражал, а тем более персонально. Некоторые за счет дезинформации наживают себе сомнительный капитал. Что касается министра, то тут еще надо посмотреть — обидели Вы или выдали награду. Это очень трудный пост.

Л. И. Брежнев: Я несу тяжелую ношу. Стремлюсь сохранить людей, не обидеть их. Посмотрите, при ком Политбюро проработало от съезда до съезда. Хотя у нас на заседаниях бывают резкие споры. Я по натуре своей человек либеральный. И на тебя не обижаюсь.

В. С. Тикунов: Я могу признать какие-то ошибки в личном поведении. У меня много друзей, с которыми я связан многими годами. Не мог же я порвать с ними только потому, что потерял пост министра. Да и как быть — друзья есть друзья. Но связь с ними не носит политического характера. Что касается личных выпадов против Вас с моей стороны, то это ложь.

Л. И. Брежнев: Ну, это хорошо, Вадим. Я никому из своих помощников не говорил о тебе и твоих настроениях. Я даже Н. Н. Органову ни разу не позвонил и не спросил о тебе: как ты там.

В. С. Тикунов: По-моему, мы работали по-партийному, дружно. Он знает, что я защищал ту линию, которую проводил ЦК по любому вопросу, в том числе по Чехословакии.

Л. И. Брежнев: Это была смелая акция. И полностью себя оправдавшая. ...Будешь в Москве — заходи.

В. С. Тикунов: Так я же не посол. Стоит ли отнимать время?

Л. И. Брежнев: Я принимаю и советников-посланников. Недавно принимал из Англии.

В. С. Тикунов: Спасибо. Обязательно воспользуюсь Вашим предложением.

Л. И. Брежнев: Вадим, какой язык собираешься изучать?

В. С. Тикунов: А. А. Громыко советовал мне изучать французский.

Л. И. Брежнев: А в школе и институте какой изучал?

В. С. Тикунов: Английский.

Л. И. Брежнев: Возьмись тогда за английский. Будем тебя посылать в другую страну — пригодится.

В. С. Тикунов: Спасибо за рекомендации и прием.

Л. И. Брежнев: Ты, Вадим, только не обижайся.

В. С. Тикунов: У меня нет никаких обид.

Л. И. Брежнев: Давай, чтобы у нас были отношения партийными. Уважай меня на том посту, на котором я, а я буду уважать тебя на том, на котором ты. А служим мы партии и народу».

В Румынии В. С. Тикунов работал до 1974 года. А затем стал Чрезвычайным и Полномочным послом СССР сначала в Верхней Вольте, позднее получившей название Буркина Фасо (1974—1978 гг.), а потом в Камеруне (1978—1980 гг.).

К сожалению, здоровье у него к этому времени было не очень крепким. Сказались, наверно, и жизненные перипетии, и жаркий африканский климат, и недогляд врачей. 16 июля 1980 г. в возрасте 59 лет В. С. Тикунов скончался.

13

Щелоков Николай Анисимович

1966—1982 гг.

*Всюду
вместе
с Брежневым:
триумф
и падение.
Первые шаги
нового министра.
Успешное решение
ряда назревших
проблем.
Ослабление
работы с
руководящими
кадрами.
Тщеславие,
амбициозность
министра,
злоупотребление
служебным
положением.
Смерть
Брежнева.
Возбуждение
против Щелокова
уголовного дела.
Конец
политической
карьеры.
Безысходность.*

1910—1984

Как уже упоминалось, придя к руководству партией в 1964 году и разобравшись с обстановкой, Л. И. Брежнев решил восстановить общесоюзное Министерство внутренних дел, упраздненное в 1960 году. Иллюзии Н. С. Хрущева о том, что общественный порядок и общественную безопасность может поддерживать непосредственно сам народ без каких-либо специальных сил и министерств, к 1966 году уже были утрачены, однако преодолены не до конца. За создаваемым министерством было решено оставить название МООП СССР (Министерство охраны общественного порядка), хотя от него вскоре отказались.

Назначение министром охраны общественного порядка СССР Николая Анисимовича Щелокова, который к тому времени был вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии, как бы перекликалось с произведенным 10 лет назад утверждением на посту министра внутренних дел СССР заведующего отделом строительства ЦК КПСС Н. П. Дудорова в противовес работавшим ранее профессионалам. Так закладывалась определенная традиция.

В сентябре 1966 года состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Н. А. Щелокова министром. На долгих 16 лет занял он этот ответственный пост, утвердив тем самым рекорд по продолжительности нахождения в данной должности. Напомним, что Министерство внутренних дел в царской России было создано в 1802 году, а на должности министра к октябрю 1917 года побывало 37 человек. За годы Советской власти к 1966 году министрами (наркомками) внутренних дел СССР поработали пять человек

(Ягода, Ежов, Берия, Круглов, Дудоров) и семь человек наркомаи (министрами) РСФСР (Рыков, Петровский, Дзержинский, Белобородов, Толмачев, Стаханов, Тикуннов). Таким образом, если не принимать во внимание изменение социальной системы, а чисто арифметически сложить время с 1802 по 1966 год, равно как и количество людей, побывавших на должностях министров внутренних дел, то получается, что за 164 года министров было 49, Щелоков стал пятидесятым. Но ни один из них более 10 лет в должности не оставался. Николай Анисимович работал 16 лет — с 1966 по 1982 год.

Это был своеобразный рекорд, который по времени почти совпал с нахождением на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева (1964—1982 гг.), активно поддерживающего Н. А. Щелокова все годы. Это было время как их триумфа, так и падения. Линии прогрессивного и регрессивного развития этих двух личностей, их влияния на обстановку, если все это изобразить графически, практически сливаются в одну. Они разнятся только по высоте должностного положения.

На память вновь приходят слова А. С. Пушкина, приведенные в эпиграфе к книге: «Владыки! Вам венец и трон дает Закон — а не природа; стоите выше вы народа, но вечный выше вас Закон». Наверное, это напоминание, относившееся к царям, весьма полезно всем руководителям во все времена — и малым, и особенно большим, поскольку в их руках огромная власть. Время расчетов и уплаты долгов когда-то наступит обязательно для каждого. Рассмотрим кратко жизнь Н. А. Щелокова до назначения его на пост министра. Он родился 13 ноября 1910 г. на станции Алмазная Ворошиловградской области в семье металлурга.

С 1931 года Николай Анисимович член КПСС. После окончания в 1933 году Днепропетровского металлургического института работал инженером, начальником цеха на металлургических заводах Украины. В 1938 году избирается первым секретарем одного из райкомов партии г. Днепропетровска. В 1939—1941 гг. Н. А. Щелоков был председателем Днепропетровского горсовета. Именно в эти годы он знакомится с Л. И. Брежневым и с этого времени начинается их многолетняя совместная работа.

В годы Великой Отечественной войны. Во втором ряду слева
Н.А. Щелоков.

В процессе подготовки очерка мной еще раз просмотрены воспоминания К. С. Грушевого, работавшего перед войной вместе с Л. И. Брежневым и Н. А. Щелоковым в Днепропетровске¹. Николай Анисимович автор упоминает многократно. Он, например, сообщает, что, когда враг стал непосредственно приближаться к г. Днепропетровску, секретарь горкома партии Н. Г. Манзюк и председатель горсовета Н. А. Щелоков обратились в обком партии с предложением продать оставшиеся в городе продукты и другие товары по сниженным ценам населению, чтобы они не достались фашистам. На двух последних упомянутых руководителей была возложена персональная ответственность за возведение к 1 августу 1941 г. оборонительных рубежей вокруг г. Днепропетровска, а несколько позже — эвакуация населения и материальных ценностей.

После отхода из г. Днепропетровска Н. А. Щелоков был включен в состав оперативной группы Военного совета Южного фронта в г. Сталинграде, которую впоследствии он возглавил. С этого времени Николай Анисимович был на фронте, имел воинское звание полковника. После окончания войны он работает заместителем министра местной промышленности Украины, в аппарате Центрального Комитета этой республики. С 1951 года начинается его деятельность в Молдавии, где судьба снова сводит его вместе с Л. И. Брежневым. Здесь Н. А. Щелоков был первым заместителем председателя Совета Министров Молдавии, председателем республиканского совнархоза, а в 1965—1966 гг. — вторым секретарем ЦК КП Молдавии. С этой должности, как указывалось выше, он и был назначен министром охраны общественного порядка СССР. С 1966 года Н. А. Щелоков становится кандидатом в члены ЦК КПСС, а с 1968 года — членом Центрального Комитета партии. Получив при назначении на должность министра звание генерал-лейтенанта, он уже на следующий год генерал-полковник, а с 1976 года — генерал армии. С 1978 года Н. А. Щелоков — доктор экономических наук, с 1980 — Герой Социалистического Труда. Таким образом, различных титулов

¹ Грушевой К. С. Тогда, в сорок первом... М., 1977.

и званий было у него предостаточно, хотя не все они завоеваны лишь трудом праведным.

Как показывает изучение документов, деятельность Н. А. Щелокова в качестве министра внутренних дел СССР имеет два явно выраженных начала, две ипостаси.

С одной стороны, он государственный человек, много сделавший для укрепления органов внутренних дел, охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Ныне немало авторов говорят, что он был изначально несолидным человеком, неглубоким работником, чуть ли не глупцом, случайно пришедшим к руководству министерством.

Например, в «Огоньке» мы читаем: «Семичастный в свое время предупреждал Брежнева о том, что нельзя назначать Щелокова министром внутренних дел: тот является проходимцем, случайной фигурой в партии»¹. Такую точку зрения я не разделяю и считаю ее неправильной, необъективной.

Об этом свидетельствуют документы, на которые я буду ссылаться, мнения многих очевидцев и лиц, работавших рядом со Щелоковым. Такое же впечатление от многократных общений с ним в процессе служебной деятельности сложилось и у меня. С 1971 по 1982 год, как записано в протоколах, мне довелось участвовать в работе 31 заседания коллегий МООП (МВД) СССР, рассматривавших многочисленные, как правило, очень непростые вопросы. Большинство этих заседаний вел Н. А. Щелоков, причем со знанием дела, с серьезной предварительной проработкой, очень живо, а порой я бы даже сказал с блеском, большой настойчивостью в доведении начатого до конца. Трудно переоценить то, что удалось ему сделать полезного за годы работы министром как в результате собственных усилий, так и вследствие активной поддержки со стороны верхних эшелонов власти, и в первую очередь Л. И. Брежнева.

С другой стороны, как показала жизнь, Н. А. Щелоков был излишне импульсивным человеком, в нем действительно было немало изъянов, которые в последующем, все разрастаясь, привели к его деградации и падению.

¹ Огонек. 1988. № 43. С. 4.

Вот что рассказал мне, например, бывший заместитель министра внутренних дел СССР Н. А. Рожков. По его оценке (а он проработал в МВД СССР восемь лет, придя с должности секретаря Московского городского комитета партии), Шелоков имел сильный характер и за счет этого достигал многого. Качества крупного руководителя у него не отнимешь, он умел подчиненным доверять, но умел и спрашивать, давал возможность проявлять инициативу. При решении какого-либо важного вопроса он имел три-четыре мнения ученых и опытных практиков, выбирая наиболее оптимальные варианты. Постоянно заботился о подготовке кадров и развитии науки в системе МВД СССР.

При нем была открыта Академия и 17 высших учебных заведений МВД СССР по стране.

Вместе с этим, продолжал рассказчик, ряд его личных качеств мешал делу, и тут его обелять не следует. Кадры он подбирал не всегда правильно, с перекосом в сторону личной преданности, держал подхалимов, с которых надо бы было больше требовать, наказывать за недостатки, а он не давал их трогать. Таково мнение одного из ближайших сотрудников министра.

Передо мной, как автором очерка о тринадцатом министре внутренних дел Н. А. Шелокове, лежит буквально гора публикаций о нем и его времени, особенно в связи с судебными процессами над Ю. М. Чурбанным, В. А. Калининским и руководителями различного уровня из Узбекистана. Многие из материалов очень эмоциональны, но не очень доказательны.

Рассмотрим некоторые аспекты деятельности Н. А. Шелокова на посту министра и обстановку того времени, опираясь главным образом на документы.

С первых же шагов работы в министерстве Н. А. Шелоков начал ставить перед инстанциями крупные проблемы и добиваться их реализации. Отдельные из них до этого не решались годами. Так, ему сразу же удалось решить вопрос о дополнительном призыве в ноябре—декабре 1966 года 15 тыс. человек во внутренние войска в связи с их большим некомплектом.

11 октября 1966 г. в письме в ЦК КПСС он поставил вопрос о создании Политуправления внутренних войск, внутренней и конвойной охраны МООН СССР и поли-

тического отдела мест заключения МООП СССР. 2 ноября 1966 г. Секретариат ЦК КПСС принял такое решение.

В мае и июне 1967 года произошли массовые беспорядки в гг. Фрунзе и Чимкенте, носившие антимилицкий характер. 8 августа 1967 г. из МООП СССР уходит следующая записка:

**«Генеральному секретарю ЦК КПСС
товарищу Брежневу Л. И.**

По Вашему указанию Министерство охраны общественного порядка СССР в связи с событиями во Фрунзе и Чимкенте изучило состояние дел в органах милиции и вносит на рассмотрение записку «О неотложных мерах по укреплению органов милиции и повышению их авторитета».

Министр охраны общественного порядка СССР
(Н. Щелоков)»

В записке излагались беды милиции и в качестве неотложных мер предлагалось направить в партийные организации закрытое письмо ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению органов милиции и повышению их авторитета». С целью усиления воспитания сотрудников вносилось предложение создать в МООП СССР Управление, а в МООП — УООП республик, краев и областей отделы — отделения политико-воспитательной работы, а также ввести во всех райгорорганах должности заместителей начальников по политико-воспитательной работе. Для подготовки кадров политработников преобразовать Ленинградскую политическую школу в Высшее политическое училище. Предлагалось также преобразовать Высшую школу МООП СССР в Академию; разрешить МООП СССР издавать открытую еженедельную газету, создать в составе министерства специализированное издательство; повысить зарплату рядовому и младшему начальствующему составу, а среднему, старшему и высшему начсоставу восстановить выплату окладов по званию; значительно улучшить оснащенность органов автотранспортом, специальной техникой и средствами; преобразовать МООП СССР в МВД СССР; улучшить форму одежды милиции; вместо званий комиссар милиции и генерал внутренней службы

с делением на ранги ввести специальные звания генерал-майор милиции, генерал-майор внутренней службы и т. д.

Как видим, это была обстоятельная программа укрепления органов. Не все обозначенное удалось решить одним махом, вопросы это большие и сложные. Но тем не менее одна из несомненных заслуг Н. А. Щелокова перед сотрудниками органов внутренних дел заключается в том, что ему и его ближайшему окружению при активной поддержке сверху удалось решить эти и другие вопросы по укреплению милиции и качественно преобразовать органы и войска министерства.

Характерно заметить, что все подобные документы Н. А. Щелоков не направлял по почте, а докладывал их лично и потом передавал в ЦК КПСС для регистрации. Документ, как говорят, «проходил по верху», поэтому работники Отдела административных органов ЦК КПСС зачастую даже не знали, с какими предложениями министр вошел в ЦК КПСС. Например, на записке ЦК КПСС об учреждении медали «50 лет советской милиции» рукой бывшего работника секретариата В. И. Ложилина написано: «Первый экземпляр передан министром в ЦК КПСС 29.1.67 года».

В ноябре 1968 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению», в котором нашли разрешение многие из названных выше проблем. В связи с этим 3 декабря 1968 г. было проведено Всесоюзное совещание руководящих работников МВД СССР, на котором с докладом в Колонном зале Дома союзов выступил Н. А. Щелоков. Затраты государства по реализации мероприятий об укреплении милиции в соответствии с названным постановлением составили 220 млн. руб.

Отличительной особенностью ежегодно созываемых при Н. А. Щелокове всесоюзных совещаний руководящих работников органов внутренних дел была не только чисто теоретическая часть, но и проведение комплексных учений и практических занятий по руководству деятельностью органов в сложной обстановке.

На семинарах осуществлялся практический показ передовых форм и методов работы. С этой целью совещания проводились не только в Москве, но и

Полковник Н.А. Щелоков на фронте.

Ленинграде, Горьком, Киеве. МВД СССР постоянно держало на контроле группу городов со сложной оперативной обстановкой и занималось ими отдельно.

Несмотря на принимаемые меры по укреплению законности, обстановка продолжала оставаться сложной. За превышение власти, злоупотребление служебным положением и другие преступления по службе в 1967 году было привлечено к уголовной ответственности 309 работников органов охраны общественного порядка, в первом полугодии 1968 года — 260. В связи с таким положением Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко 18 сентября 1968 г. направил письмо на имя Н. А. Щелокова о нарушениях законности. Эти материалы были рассмотрены на коллегии министерства, проведен ряд практических мероприятий, но избавиться от этой болезни МВД не может и до сих пор.

Продолжалась практика проведения совместных заседаний Коллегии МВД СССР с другими ведомствами. Например, 17 декабря 1968 г. состоялось совместное заседание Бюро ЦК ВЛКСМ и Коллегии МВД СССР с вопросом «О совместной работе комсомольских организаций и органов МВД СССР по предупреждению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних».

23 июля 1968 г. состоялось совместное заседание с Коллегией Прокуратуры СССР.

Немало усилий приложил Н. А. Щелоков вместе с руководителями войскового Главка к тому, чтобы возратить внутренним войскам единую войсковую структуру — дивизия, бригада, полк и т. д., которая была утрачена в 1951 году. Напомним, что эту проблему на территории РСФСР пытался решить В. С. Тикуннов, но у него не получилось. И только в 1968 году такое решение было принято. Наряду с другими мерами это, несомненно, способствовало укреплению внутренних войск.

Н. А. Щелоков был внимателен к достижениям науки, стремился всю деятельность министерства и органов на местах строить на научной основе.

Им, в частности, было дано поручение подготовить перечень актуальных теоретических проблем организации и деятельности органов охраны общественного порядка для диссертационных и иных научных исследо-

ваний. Такая работа была проведена Управлением учебных заведений, Высшей школой и Всесоюзным научно-исследовательским институтом МООП СССР.

Перечень состоял из разделов об общих проблемах теории и истории организации и деятельности органов охраны общественного порядка, специальных проблемах по борьбе с преступностью и охране общественного порядка, технике безопасности и противопожарной технике, изучении опыта зарубежных социалистических стран, реакционной сущности деятельности полиции и тюремных учреждений буржуазных государств. Всего в перечне было обозначено 216 проблем. В августе 1968 года материал был рассмотрен и одобрен коллегией министерства. Все это способствовало целенаправленности научных поисков.

Ежегодно составлялись планы выездов членов Коллегии МВД СССР на места для проверки работы и оказания помощи. Так, в соответствии с планом на 1970 год Н. А. Щелокову были запланированы выезды в Молдавию, республики Прибалтики и Закавказья, на Украину и в Белоруссию. Н. А. Щелоков был активным и мобильным человеком. Нередко он бывал и за границей, изучая зарубежный опыт.

Говорил Н. А. Щелоков всегда горячо и живо. Например, на заседании Коллегии МВД СССР 27 февраля 1970 г. при заслушивании и отстранении от должности министра внутренних дел Дагестанской АССР В. Ф. Разуванова Н. А. Щелоков сказал: «Как могло случиться, что Вы оказались таким плохим политиком? Вы ведь работали в обкоме партии, и первое время на должности министра тоже хорошо работали. Вы проработали в республике 15 лет. Почему так произошло, как получилось такое падение, почему мы должны снимать министра? А ведь можно было все поправить. И нам больно, что товарищ, который проработал столько лет в органах, не оправдал доверия, и мы вынуждены снять этого товарища с должности министра внутренних дел».

Пройдет 12 лет и примерно такие же слова будут сказаны в 1982 году в адрес самого Николая Анисимовича.

Практиковалось составление перспективных планов деятельности. Так, 11 января 1972 г. коллегия утвердила

перспективный план работы МВД СССР на 1971—1975 гг. и перспективный план совершенствования деятельности органов внутренних дел РСФСР на 1971—1975 гг.

В конце 1975 — начале 1976 года руководством и штабом МВД СССР была проверена работа всех ведущих главков министерства за истекшую пятилетку с рассмотрением итогов на коллегии. Правда, делалось это иногда формально. Например, на заседании коллегии от 17 февраля 1976 г. была рассмотрена деятельность сразу семи главных управлений и управлений МВД СССР за 1971—1975 гг. (каждого в отдельности). Только стенограмма этой коллегии занимает 393 страницы.

Был также разработан план деятельности министерства в 1976—1980 гг.

В ходе заседаний коллегии Н. А. Щелоков дает многочисленные поручения членам коллегии по различным вопросам с установлением срока исполнения, письменным докладом исполнителя и последующими мерами по реализации. Управление делами МВД СССР периодически готовило справки о неисполненных поручениях или не выполненных в срок. Эти материалы вновь рассматривались на коллегии с определенными выводами. Все это способствовало повышению ответственности работников.

Например, на заседании коллегии 17 февраля 1975 г. было дано 14 поручений сроком от 1 до 3 месяцев. Среди них такие, как подготовка предложений по дальнейшему совершенствованию всей деятельности ИТУ; внедрение в порядке эксперимента в одной из ИТК технического устройства, применяемого с целью производства досмотра в аэропортах; подготовка записки в инстанции о выделении средств на строительство необходимого количества лечебно-трудовых профилакториев и создание в них собственной производственной базы; направление предложений в Президиум Верховного Совета СССР по вопросам борьбы с преступностью несовершеннолетних, имея в виду расширение применения к ним мер наказания, не связанных с лишением свободы; координация с Прокуратурой РСФСР плана выездов работников Главной

инспекции штаба МВД СССР на текущий год для комплексных проверок в республиках, краях и областях РСФСР; подготовка предложений о более широком применении в патрульно-постовой службе милиции служебных собак; изучение вопроса о подготовке следователей для горрайорганов внутренних дел в средних специальных учебных заведениях МВД СССР и др.

Конечно, отдельные из упомянутых проблем настолько сложны, что они не исчерпаны до конца и в наши дни, но работа в этом направлении в указанные годы приносила несомненно общественную пользу. Правда, обращает внимание, что где-то с 1977—1978 гг. вопросы, выносимые на заседания коллегий МВД СССР, становятся все более однообразными. Чувствуется определенная усталость министра, который пробыл в этой роли уже свыше 10 лет.

Продолжались поиски форм наиболее эффективной работы центрального аппарата министерства. 22 июня 1976 г. Коллегия МВД СССР приняла решение о создании постоянно действующих комиссий МВД СССР.

Каждую из комиссий возглавлял заместитель министра. (В различные годы ими были И. Т. Богатырев, Б. А. Викторов, Б. К. Елисов, К. И. Никитин, П. А. Олейник, В. С. Папутин, В. П. Петушков, Н. А. Рожков, Б. Т. Шумилин, Ю. М. Чурбанов.) В состав комиссий широко привлекались ученые и специалисты с целью более тщательной и глубокой подготовки проектов управленческих решений по важнейшим вопросам служебной деятельности. Всего было создано девять комиссий, в том числе по контролю за исполнением решений коллегии, приказов и указаний министерства; борьбы с рецидивной преступностью, трудовому и бытовому устройству освобожденных из ИТУ; вопросам укрепления законности в деятельности органов внутренних дел, охране социалистической собственности; вопросам политико-воспитательной работы среди личного состава; контролю за приобретением и использованием новой техники; по профилактике правонарушений и совершенствованию взаимодействия органов внутренних дел с общественностью; по борьбе с хулиганством, пьянством и наркоманией; борьбе с правонарушениями среди несовершеннолетних.

Таким образом, направленность работы этих комиссий практически перекрывала все важнейшие виды деятельности министерства, наиболее сложные проблемы и горячие точки. Предписывалось работу комиссий строить планово, собираться на заседания не реже одного раза в месяц, принимать необходимые меры в сфере своей деятельности в оперативном порядке, постоянно информировать коллегия, а при необходимости вносить предложения на ее рассмотрение. Подобные комиссии рекомендовано было создать и в МВД — УВД — УВД на местах.

Думается, что такой опыт может представлять интерес для министерств и ведомств и в наше время.

Следует, однако, отметить, что несмотря на принимаемые меры преступность в период работы министром Н. А. Щелокова год от года колебалась, но в целом происходил ее значительный рост. Сказывались негативные экономические и социальные процессы в обществе, просчеты в деятельности правоохранительных органов, в том числе и системы МВД.

За десятилетие с 1973 по 1983 год общее число ежегодно совершаемых преступлений увеличилось почти вдвое, в том числе тяжких насильственных преступлений против личности — на 58%, разбоев и грабежей — в два раза, квартирных краж и взяточничества — в три раза. Количество преступных посягательств в сфере экономики за этот период возросло на 39%¹.

Лично Н. А. Щелоков уделял большое внимание вопросам разработки истории органов внутренних дел с тем, чтобы иметь возможность использовать в их современной работе крупницы прошлого опыта. С этой целью в составе научного центра проблем управления Академии МВД СССР было создано специальное подразделение, которое осуществляло определенные разработки (макет сборника документов и материалов по деятельности милиции в 1917—1936 гг. и др.).

Однако с отстранением Н. А. Щелокова от руководства министерством все это было разрушено, многое из подготовленного так до сих пор и не издано. Ныне ни одна из служб министерства, кроме внутренних войск,

¹ Бородин С. В., Кудрявцев Ю. В. Преступность: не паниковать, а разобраться//Коммунист. 1989. № 14. С. 50.

Л.И. Брежнев, М.П. Георгадзе, Н.А. Щелоков.

не имеет обстоятельных работ по истории, сборников документов и материалов.

Представляется, что такое положение нужно немедленно поправлять, дабы не превратиться в Иванов, которые не помнят ни своего родства, ни отечества.

Отдельные книги по истории советской милиции выходили, но у Николая Анисимовича была слабость ставить свою фамилию с помощью подхалимов на многих изданиях, над которыми он порой работал, а порой и не работал. Так, в 1976 году вышла добротная по тому времени «История советской милиции» в двух томах. Однако ей, во-первых, поставили гриф «для служебного пользования», а значит ограниченного распространения, хотя никаких секретов там не было. Во-вторых, написали, что она вышла под общей редакцией Н. А. Щелокова. Поэтому книга незаслуженно разделила судьбу самого министра и ныне, по существу, из обращения исключена.

Очередная попытка подобного издания была осуществлена в 1987 году, когда вышла книга «Советская милиция. История и современность. 1917—1987». Книга, конечно, полезная. Но что это за издание по истории важного ведомства, в котором даже ни одна фамилия министров не упомянута? Вот так мы нередко и бросаемся из одной крайности в другую: то непомерно славословим, а то делаем историю без людей, бесфамильной.

Так что проблемы истории МВД ждут своей подлинной научной разработки.

По существу на сегодня нет обобщающих работ по истории деятельности МВД советского периода в целом. А жаль. Ведь было немало и поучительного. В царское время, кстати, в России занимались этим более обстоятельно. Когда в 1902 году исполнялось 100 лет существования министерств, то, видимо, по указанию сверху многие из них создали труды с описанием вековой истории своих ведомств. Сделано это было и в МВД¹. Пользуясь случаем, вношу предложение к заинтересованным организациям и лицам написать к 200-летию создания МВД его историю за второй век существования (1902—2002 гг.). Время идет, ветры над страной

¹ Адрианов С. А. Министерство внутренних дел. Ист. очерк (1802—1901). Спб. 1901, 230 с. с ил; 47 л. ил.

дуют в разное время разные. А история движется вперед независимо от того, кто правит в стране — цари, большевики или так называемые новые демократы. Цивилизованные общества всегда очень внимательно относились к своей истории.

Один из важных вопросов, который постоянно находился в центре внимания министра и коллегии, — подбор, расстановка и воспитание кадров. Вспоминаю одну большую работу, которую провел Отдел административных органов ЦК КПСС вместе с МВД СССР. Отдел в 1972 году, а затем в 1974—1975 гг. изучил состояние этой работы в Казахстане, Латвии, Кабардино-Балкарской и Удмуртской АССР, Алтайском крае, Свердловской, Ивановской и других областях, а также в центральном аппарате МВД СССР.

Один из главных недостатков, на который было прежде всего обращено внимание, — это ослабление работы с руководящими кадрами и как следствие — распространенность среди них нарушений партийной, государственной дисциплины, злоупотреблений служебным положением. Следует откровенно сказать, что навести порядок в этом отношении было нелегко, так как рыба гнила с головы. Отмечались также неразборчивый подход к приему на службу людей в органы внутренних дел, низкий профессионализм, слабая работа по обучению кадров и их воспитанию, рост численности аппаратов МВД — УВД за счет сокращения сотрудников в горрайорганах, слабое влияние центрального аппарата на подведомственные органы из-за подмены живой организаторской работы разного рода совещаниями и направлением на места все увеличивающегося количества бумаг.

Все эти и другие вопросы были обстоятельно рассмотрены на заседаниях Коллегии МВД СССР в 1973 и 1975 гг. В порядке реализации принятых решений немало было сделано и положительного. Однако атмосфера того времени в обществе и в МВД СССР, начиная с самого министра Н. А. Щелокова, у которого слова были одни, а действия нередко другие, не позволили радикально оздоровить обстановку. К концу пребывания Н. А. Щелокова на посту министра самым запущенным участком работы, пожалуй, были кадры, их состояние.

Для оздоровления обстановки после Н. А. Щелокова потребовалась замена по существу всего верхнего эшелона руководителей министерства. Правда, этот эшелон во главе с В. В. Федорчуком тоже повел себя весьма своеобразно. В народе по этому поводу шутливо говорят так: «При Щелокове была допущена большая засоренность кадров. Тогда призвали новый экипаж руководителей, дали им метлы в руки и сказали: «Метите чище». Однако мели они излишне старательно, кое-где с водой выплескивали и ребенка, разрушая профессиональное ядро МВД. Поэтому вскоре пришлось и этот экипаж менять на новый».

В период работы Н. А. Щелокова министром впервые сотрудники органов внутренних дел были представлены к званиям Героев. Героем Советского Союза в 1974 году стал старший лейтенант милиции (в будущем полковник милиции) А. И. Попрядухин, а Героями Социалистического Труда С. Ф. Черницын — машинист тепловоза Вятского управления лесных ИТУ и М. П. Шмаргун — мастер механического цеха ИТК УВД Одесского облисполкома.

Натуре Н. А. Щелокова были близки по духу литература и искусство во многих его сферах. Это также наложило своеобразный отпечаток на деятельность министра и министерства. С одной стороны, в интересах дела он стремился всемерно использовать богатые возможности культуры в решении задач правоохранительной деятельности, умел вместе со своим аппаратом поставить это широко, а нередко и помпезно, с каким-то даже купеческим размахом. Так, в ноябре 1968 года было проведено первое Всесоюзное совещание работников литературы, искусства и органов МООП СССР по вопросу профилактики правонарушений.

Ежеквартально составлялись планы выступлений руководящего состава органов МВД СССР, начиная с министра, в центральной печати, по Всесоюзному радиовещанию и Центральному телевидению.

В январе 1972 года было принято совместное постановление МВД СССР, Министерства культуры СССР, Гостелерадио СССР, Союза писателей СССР, Союза кинематографистов СССР, Союза композиторов СССР, Всесоюзного общества «Знание», Всероссийского теат-

рального общества и Всероссийского хорового общества об их шефской работе в коллективах органов внутренних дел.

При активном личном участии Н. А. Щелокова МВД СССР выдвинуло на соискание Ленинской премии трилогию С. Михалкова «Дядя Степа», как одно из лучших произведений для детей. На соискание Государственных премий были выдвинуты телесерия о советской милиции «Рожденная революцией», «Деревенский детектив» В. Липатова и другие произведения. В 1974—1975 гг. был проведен конкурс на лучшую песню и марш о советской милиции.

В самом министерстве были созданы Центральный музей МВД СССР, Центральная студия художников, Ансамбль песни и пляски внутренних войск и другие творческие коллективы. Все это, несомненно, давало свои положительные результаты.

Однако и в этих делах нередко не хватало ровности, разумности, допускались элементы заигрывания с творческой интеллигенцией, меценатства. Современники помнят, например, с каким шумным успехом проходили ежегодные концерты, посвященные Дню советской милиции. Это были настоящие телешоу с участием самых видных звезд. Но зрители, естественно, не знали, как потом, за кулисами, это заканчивалось весьма щедрой раздачей дорогостоящих подарков, сувениров, наград для артистов, композиторов, литераторов.

Что касается самого Николая Анисимовича, то его эстетствующая натура не могла остановиться даже перед тем, чтобы приобретать дорогостоящие произведения искусства в личное пользование за государственные средства. Об этом ниже мы скажем более подробно.

А теперь о второй стороне натуры Н. А. Щелокова, которая привела его к бесславному концу. Человеком он был довольно тщеславным. Выше уже говорилось, что большие награды и звания сыпались на него как из рога изобилия. Тем не менее он не гнушался и более мелкими знаками внимания. 26 ноября 1970 г. Н. А. Щелокову исполнилось 60 лет. Среди других наград (орден Ленина) по решению коллегии ему был вручен вновь учрежденный знак «Отличник милиции» № 1, а также знак «Заслуженный работник МВД». 17 апреля 1971 г. — знак

«Отличник пожарной охраны», 20 декабря 1972 г. — медаль «За отвагу на пожаре» и так далее.

Любил Н. А. Шелоков поставить на широкую ногу вопросы бытового обслуживания своих близких. В бумагах В. С. Тикунова мы находим его ироническую зарисовку 1966 или 1967 года, которую он назвал «Закройщик из Кишинева» и которая относится к начальному периоду деятельности нового министра. Вот текст этой миниатюры.

«У нас широко известна история с закройщиком из Торжка. Игорь Ильинский увековечил и придал особое значение этой обычной профессии. Можно было бы и не возвращаться к этой теме, если бы не новый и более важный закройщик. В Москву этот закройщик прибыл из Кишинева. Прибыл не в Управление бытового обслуживания г. Москвы или, скажем, в Министерство легкой промышленности РСФСР, а прямо в Министерство охраны общественного порядка СССР. Конечно, по различным причинам, но, в основном, по инициативе БХСС тут оказываются люди разных профессий. Но к закройщику Борису Ефимовичу Швехеру БХСС пока никакого отношения не имеет. Не надо впадать в ошибку. Аккуратный и галантный портной из Кишинева в Министерстве пользуется всеобщим вниманием и заботой. При срочных делах в широкой столице закройщика сопровождают военные люди. Для повышения оперативности выделена специальная машина. Как-то Борис Ефимович заметил: «На «Волге» не слишком подготовленные шофера». И к услугам закройщика подкатила более просторная и более комфортная машина, правда, старого выпуска Горьковского автомобильного завода.

Закройщик размеренно, но глубоко изучает кабинеты высокопоставленных лиц и коридоры важного Министерства. Сейчас как будто ему оборудовано особое помещение для совершенно особых целей по пошиву одежды в Производственном комбинате ХОЗУ МООП СССР. Наверное, начнется деятельность. Но еще перед этим ему назначается персональный оклад из фонда персональных надбавок. Особый закройщик — особый только ему отведенный оклад.

Борис Ефимович — человек дела. Он не любит

лишний раз обращаться. Хозяйственное управление Министерства предлагает ему квартиру из трех комнат для четырех человек. И хотя не один год стоит очередь из нескольких сот человек, Борису Ефимовичу квартира вне очереди. Сколько сказано и написано о порядке распределения квартир, как высоко поднято значение этого дела в столице. Попробуйте пойти слабо подготовленным на заседание депутатской комиссии райсовета. Вас могут завалить, квартиры не дать. То ли не москвич, то ли есть площадь подходящая и вот — отказ.

Но предложение о наделении квартирой закройщика из Кишинева тронуло даже депутатов. Они заботливо поддержали просьбу ХОЗУ МООП СССР и общественных организаций. Может быть для Москвы это серьезное обогащение, но в таком случае не надо иногда отказывать в прописке выдающимся ученым, артистам, музыкантам. Ходят слухи, что из Кишинева могут еще приехать модистка и известный сапожник».

Большую широту натуры демонстрировал новый министр по отношению к высокопоставленным лицам.

Уже первый праздник при Н. А. Щелокове — 50-летие советской милиции — отмечался с большой помпезностью. Так же было и в остальные годы. Вот, например, лишь два штриха, о которых поведали документы.

По предложению МООП СССР была изготовлена медаль «50 лет советской милиции». Ближайшие помощники разработали список, кому ее вручать министром и по его поручению. Открывали список члены Политбюро ЦК КПСС и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, затем идут секретари ЦК КПСС, Председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС, заместители Председателя Совета Министров СССР, секретарь Президиума Верховного Совета СССР (обратите внимание, что Председатели Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР не упомянуты). В первом эшелоне руководителей предлагалось вручить 45 медалей. Во второй эшелон — 145 медалей. Это Председатель Комитета народного контроля СССР с заместителями, все союзные министры, председатели Госкомитетов, Президент Академии наук СССР, руководители правоохранительных органов и др. 42 медали были предназначены для вручения первым секретарям

ЦК компартий союзных республик, Председателям Президиумов Верховных Советов союзных республик и председателям Советов Министров союзных республик. 380 медалей — первым секретарям областных и краевых комитетов партии, председателям крайоблсполкомов, 15 медалей — работникам Отдела административных органов ЦК КПСС, 7 медалей — творческим работникам и т. д., а всего предлагалось вручить 1500 медалей и, кроме того, 300 медалей оставить в резерве. Таким образом, медаль вручалась не лучшим работникам милиции, а по должностному признаку, нужным людям.

Кроме того, по указанию руководства министерства, работниками хозяйственного управления МООП СССР были подготовлены сувениры, скрупулезно составлены их перечни и определена стоимость по 6 спискам для вручения в основном высоким лицам. (Правда, потом этих списков стало 8, так как появился не только список № 4, но и 4а и 4б.) Это, наверно, уже подсказали подхалимы.

По списку № 1 (для верхнего эшелона) предлагалось 3 сувенира: медаль памятная (в сафьяновом футляре), стоимостью 6 руб. 50 коп., знак «Заслуженный работник МООП» (в футляре), стоимостью 3 руб., в Положении о котором предусмотрено, что он вручается наиболее достойным ветеранам органов (так в одночасье можно навесить на грудь что угодно, тем более что за примерами далеко ходить было не нужно). Замыкал этот список скромный значок «Юбилейный» за 15 коп. Итого весь комплект для верхнего эшелона стоит 9 руб. 65 коп. Согласитесь, что совсем недорого. Необходимое количество комплектов — 38 (почему-то на 7 меньше, чем список на медали). И далее в таком же порядке по всем эшелонам. Представляю, сколь много служебного времени затратили многочисленные высокие должностные лица министерства в центре и на местах для вручения всех этих значков вместо того, чтобы заниматься делом.

К сожалению, такое комедианство продолжалось все 16 лет, пока Н. А. Щелоков работал министром. Это создавало определенную атмосферу и настрой среди сотрудников, приводило к разложению кадров.

Брежнев — Щелоков — ближайшее окружение и родственники — тлетворное влияние на общество.

Такой была цепочка разложения. Посмотрим на это глазами документов, с которыми довелось ознакомиться в Главной военной прокуратуре.

5 июля 1986 г. Судебная коллегия вынесла приговор по делу бывшего начальника хозяйственного управления МВД СССР, ставленника Н. А. Щелокова и Ю. М. Чурбанова — В. А. Калинина. Он и его окружение обвинялись в хищении различных государственных материальных ценностей на сумму 67,1 тыс. руб. Конечно, это был айсберг, у которого видимое составляет значительно меньшую часть против реального, как и в преступных делах самого Н. А. Щелокова.

Из этих и других материалов было выделено уголовное дело в 21 том и на Николая Анисимовича, хотя он и был уже мертв. Следствию ничего не оставалось делать, как вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с самоубийством.

О многих неприглядных делах поведали эти тома.

Вот отдельные фрагменты, изложенные сухим, но достоверным языком работниками Главной военной прокуратуры В. Миртовым и др. По их данным, примерно девять лет после назначения на должность министра Н. А. Щелоков вел себя сравнительно бескорыстно, достойно своему положению и званию. Однако далее все потихоньку пошло вниз.

В 1975—1982 гг. Щелоков систематически злоупотреблял своим служебным положением в корыстных целях. С его ведома, а в ряде случаев и по указанию Щелокова, государственное имущество и ценности, предназначенные для нужд МВД СССР, передавались в его собственность, членов его семьи и родственников, производились незаконные выплаты государственных денежных средств, допускались другие злоупотребления.

В частности, за этот период членам семьи Щелокова было безвозмездно передано материальных ценностей на сумму свыше 80 тыс. руб., в том числе затраты на ремонт квартир около 30 тыс. руб. В числе полученного имущества была дорогостоящая мебель, радиоаппаратура, видеоманитофонные кассеты, электро- и сантехническое оборудование, строительные материалы. Только после освобождения Щелокова от должности им

Среди партийных работников. В центре Н.А. Щелоков.

и членами семьи внесено в кассу министерства за эти ценности 65 тыс. руб.

Далее. Под видом спецобъектов незаконно было израсходовано свыше 60 тыс. руб. на содержание девяти квартир, в которых в основном проживали родственники и знакомые Щелокова (дочь личного портного Щелокова, впоследствии эта семья выехала в Израиль; племянник жены министра; бывший муж дочери Щелокова и др.).

В 1972 году по указанию Щелокова якобы для обслуживания оперативного состава был открыт магазин, которым пользовались только члены семьи и родственники министра. По договоренности с внешне-торговыми организациями сюда поступали импортные товары повышенного спроса: магнитофоны, телевизоры, радиоаппаратура, меховые изделия, обувь, одежда и др. Названными лицами ежегодно здесь скупались дефицитные товары на сумму 50—70 тыс. руб. По некоторым данным, эти товары родственниками Щелокова потом перепродавались по более дорогой цене. Во всяком случае в кассах министерства было обменено на новые купюры 100—120 тыс. руб. бывших в употреблении денежных знаков.

Идем по материалам дальше. В 1975—1977 гг. была достигнута договоренность о безвозмездной передаче фирмой «Даймлер-Бенц» трех автомобилей «Мерседес-Бенц» для МВД СССР с целью, как было указано в документах, «обеспечения безопасности движения в связи с проведением Олимпийских Игр 1980 г.». Однако затем одна из них была зарегистрирована в ГАИ Киевского района г. Москвы как принадлежащая лично Н. А. Щелокову. Деньги за указанную автомашину в сумме 15,2 тыс. руб. Щелоковым были уплачены только в феврале 1982 года. Затем в 1977, 1978, 1980 гг. такие же автомобили были зарегистрированы на жену и детей Щелокова.

В поселке Болшево Московской области и деревне Редькино Калининской области находились две дачи, оформленные на близких родственников Щелокова, и, кроме того, в поселке Николина Гора строилась еще одна дача. Дачи представляют собой, как бесстрастно свидетельствует документ, многокомнатные капиталь-

ные строения с гаражами, банями и другими надворными постройками. По показаниям одного из осужденных работников МВД, дача в Болшево была куплена в 1973 году у эмигрировавшего за границу артиста эстрады за 200 тыс. руб., ее ремонт и реконструкция произведены за счет средств МВД СССР.

В мае 1979 года по указанию Щелокова в его распоряжение были переданы антикварные ценности на сумму 248,8 тыс. руб., являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу одного из валютчиков, а также картина М. Сарьяна «Полевые цветы», купленная за 10 тыс. руб. на средства МВД Армянской ССР. По документам все это было оформлено как имущество, переданное в Музей МВД СССР. После отстранения Щелокова от должности многие из этих предметов, как имеющие высокую художественную ценность, переданы в музей Кремля, Останкинский дворец-музей и другие музеи.

Семьей Щелокова было взято в МВД СССР без оплаты 62 импортные хрустальные люстры стоимостью свыше 50 тыс. руб., а также видео- и магнитофонные кассеты на сумму более 20 тыс. руб.

В ноябре 1980 года Щелокову в связи с его 70-летием Ю. М. Чурбанов вручил в качестве подарка от МВД СССР золотые карманные часы «Налпако» с золотой цепью общей стоимостью 4 тыс. руб. Они были куплены на средства МВД СССР, а затем списаны по фиктивному акту как якобы врученные руководителю компартии одной из социалистических стран.

Николай Анисимович был эстетом, но часто удовлетворял свои тонкие потребности за государственный счет. Скупые на эмоции документы опять же свидетельствуют, что только в 1980—1982 гг. по его указанию живые цветы на сумму 36,3 тыс. руб. развозились на квартиры близких людей, списывались как якобы возложенные на могилу Неизвестного солдата и к Мавзолею В. И. Ленина.

Своего тестя в возрасте 64 лет Щелоков зачислил на службу в органы МВД, присвоил ему специальное звание майора, затем уволил на пенсию с суммой 120 руб., а когда он скончался, то был похоронен за счет средств МВД СССР, впоследствии фиктивно списанных.

В 1980—1982 гг. в киноотделе МВД СССР по указанию Щелокова был создан двухсерийный фильм «Страницы жизни» об этапах его жизненного пути. Затраты на создание этого фильма составили свыше 50 тыс. руб. Фильм нигде не показывался и лежит в запасниках.

Всего по данным документов предварительного следствия Щелоковым государству причинен ущерб на сумму свыше 0,5 млн. руб. В возмещение ущерба им и членами его семьи возвращено, а также изъято органами следствия имущества на сумму 296 тыс. руб., внесено наличными денег 126 тыс. руб.

Вот в таких неприглядных деяниях обвинило Щелокова следствие. Но все это вскрывается лишь потом, а пока уже стареющий Н. А. Щелоков продолжал работать на посту министра.

10 ноября 1982 г. умирает высокий покровитель Щелокова — Л. И. Брежнев. Собравшийся 12 ноября 1982 г. Пленум ЦК КПСС избирает Генеральным секретарем партии Ю. В. Андропова. Для Н. А. Щелокова такой поворот событий означал конец его политической карьеры. И действительно в декабре 1982 года он отстраняется от должности министра внутренних дел СССР. Его сменяет В. В. Федорчук — бывший председатель КГБ СССР.

Таким образом, Николай Анисимович потерял пост министра, но он пока еще на плаву и назначен как генерал армии в группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Однако проведенная по указанию В. В. Федорчука комплексная проверка деятельности МВД СССР под руководством Н. А. Щелокова показала большие злоупотребления с его стороны, о которых было рассказано выше. Материалы направляются в Главную военную прокуратуру.

Дальнейшие события разворачиваются со стремительной быстротой. 19 февраля 1983 г. покончила жизнь самоубийством жена Н. А. Щелокова — Светлана Владимировна. В июне этого же года Щелокова выводят из состава ЦК КПСС за допущенные ошибки в работе. Работники Главной военной прокуратуры продолжают расследование и выходят на все новые и новые злоупотребления Щелокова. 6 ноября 1984 г. Н. А. Щелоков был лишен звания генерала армии.

7 декабря 1984 г. Комитет партийного контроля при

ЦК КПСС принимает следующее решение: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребления служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щелокова Николая Анисимовича (партбилет № 00139000) из партии исключить»¹.

Вскоре Президиум Верховного Совета СССР принял решение о лишении Щелокова всех наград, кроме боевых, и звания Героя Социалистического Труда. Жить стало совсем трудно. 13 декабря 1984 г. Н. А. Щелоков в возрасте 74 лет застрелился. Так трагично окончилась жизнь очередного министра внутренних дел.

¹ Правда. 1989. 15 дек.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, закончен рассказ о судьбах 13 наркомов (министров) внутренних дел России. Пока мы ставим точку, но это не исключает возможности возврата к этой теме в последующем.

Определяющими началами для меня при работе над книгой были документы, правда, а не эмоции и домыслы, как это нередко бывает.

Сначала автор замышлял написать что-то вроде заключения, а потом отказался от этой идеи. Пусть выводы читатель делает сам, тем более что повествование заканчивается 1982 годом, а жизнь уже ушла намного вперед. В истории мы сегодня ищем мучительные ответы на наши «почему?». Возможно, в этих раздумьях будет чем-то полезна и данная книга.

Автор выражает сердечную признательность всем организациям и товарищам, оказавшим помощь в изучении материалов по проблеме и издании книги.

1988—1995 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе и книге	3
Вместо вступления	7
Рыков Алексей Иванович	10
Петровский Григорий Иванович	29
Дзержинский Феликс Эдмундович	61
Белобородов Александр Георгиевич	98
Толмачев Владимир Николаевич	129
Ягода Генрих Григорьевич	155
Ежов Николай Иванович	186
Берия Лаврентий Павлович	212
Круглов Сергей Никифорович	258
Дудоров Николай Павлович	296
Стаханов Николай Павлович	323
Тикунов Вадим Степанович	348
Щелоков Николай Анисимович	383
Послесловие	414

Некрасов Владимир Филиппович
ТРИНАДЦАТЬ «ЖЕЛЕЗНЫХ» НАРКОМОВ

Художник Р. С. Табачников
Технический редактор Ф. П. Георгилова
Корректор Е. В. Дорохова

В книге использованы архивные фотографии

Лицензия ЛР № 061973 от 29.12.92 г.
Подписано к печати с готовых текстовых диапозитивов
27.02.95. Формат 84×108/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 35000 экз. Заказ 2686. С. 1.

Издательство «Версты», 119619, Москва, Боровский пр., 6—36.
ГФ «Полиграфресурсы», 101429, Москва, Петровка, 26.

АООТ «Тверской полиграфкомбинат». 170024, Тверь,
пр. Ленина, 5.

